МИФЫ

И ПРАВДА О СЕМЬЕ СТАЛИНА

МИФЫ

И ПРАВДА О СЕМЬЕ СТАЛИНА

КОСМИЧЕСКИЙ
КОММЕРЧЕСКИЙ ЦЕНТР
МОСКВА
1990

ББК 66.61(2)8

Колесник А.Н.
Мифы и правда о семье Сталина. – М.: Всесоюзный дом политического просвещения. Космический коммерческий центр ЦЭНДИСИ СССР, 1990. – 112 с.

Кандидат исторических наук Александр Колесник – автор ряда документальных публикаций о ближайшем окружении И.В. Сталина. Его статьи и очерки вызвали широкий эпистолярный резонанс. Результатом диалога с читателями и явилась данная книга. В ней собраны наиболее распространенные мифы и легенды о семье Сталина, зафиксированные в читательских письмах и проанализированные автором с помощью документальных источников. Книга рассчитана на массового читателя.

К $\frac{0503020000}{078(02)-90}$ — 90

ББК 66.61(2)8

ISBN 5—85054—002—4

МИФЫ И ПРАВДА О СЕМЬЕ СТАЛИНА

Долгое время в советской исторической и публицистической литературе было не принято писать о судьбах родных и близких сильных мира сего. Наверное, поэтому рождались самые невероятные мифы и легенды, которые не обошли и семью Иосифа Сталина, бытуют в народе и сейчас.

Я не собирался писать о Сталине и тем более о его семье. Но так уж получилось, что всеобщий интерес к недалекому прошлому нашей страны, связанному с личностью Сталина, захватил и меня. Обратившись к архивам, к своему удивлению, я обнаружил множество документов, отвечающих на самые неожиданные вопросы.

Сопоставив содержание этих документов с материалами личных бесед со многими очевидцами событий, среди которых были внуки и ближайшие родственники семьи Сталина, а также ныне здравствующие министры сталинского правительства — Лазарь Каганович и Семен Гинзбург, я пришел к выводу, что многие аспекты того периода малоизвестны и представляют интерес не только для меня одного, поскольку вскрывают противоречия времени и дают картину событий в лицах с самой неожиданной стороны.

Именно так родился мой документальный очерк о Якове Джугашвили, опубликованный в "Военно-историческом журнале", который затем был перепечатан многими газетами и журналами в СССР и за рубежом. На меня обрушился поток писем, в которых читатели задавали вопросы и просили ответить на них. Из этих ответов составились очерки о Василии Сталине, Светлане Аллилуевой, других членах сталинской семьи, напечатанные в газетах "Московская правда", "Советская культура", "Аргументы и факты", "Вечерние новости", журнале "Сельская новь", а также в зарубежных выпусках журнала "Международная правда", которые выходят в США, Канаде, ФРГ, Франции, Италии и Испании. Но интерес к этим материалам был так огромен, а ответы так лаконичны, что результатом диалога с читателем и стала эта книга.

Подборка писем дает почти полный каталог наиболее распространенных мифов и легенд из жизни Сталина и его близких. Вряд ли можно осуждать за интерес к личной жизни Сталина наших корреспондентов. Частная жизнь существенно дополняет психологический портрет человека, который в течение многих лет руководил нашим государством, о личности которого до

сих пор ведутся самые горячие дебаты и на страницах печати, и в быту. Если мы действительно хотим восстановить историческую правду во всей полноте, мы должны изучить все ипостаси этой судьбы.

Касаясь семьи, многие читатели задают один и тот же вопрос — сколько раз был женат И.В. Сталин? Помимо Е. Сванидзе и Н. Аллилуевой, называется и Мария Каганович, сестра Лазаря Моисеевича Кагановича.

Вот что пишет, например, Е.А. Ященко из города Назарово Красноярского края: "Ходят упорные слухи, что якобы после смерти Н.С. Аллилуевой дочь Кагановича стала женой Иосифа Виссарионовича. Во время одного правительственного заседания Маршал Советского Союза Г.К. Жуков грубо ответил Сталину, тогда присутствовавшая там же его новая жена выстрелила из пистолета в Георгия Константиновича, но промахнулась, а он или его телохранители убили ее наповал. Говорят, что это и стало причиной понижения Г.К. Жукова после войны в должности и его перевода из центра. Ведь действительно Г.К. Жуков стал министром обороны только после смерти И.В. Сталина. Насколько права народная молва?"

Этот миф основан на событиях 1932 года, которые произошли вскоре после похорон Надежды Сергеевны. Действительно, в то время Мария Каганович неоднократно приезжала на дачу к Сталину и на его кремлевскую квартиру. Тогда же пронесся слух, что он вот-вот женится на ней. Но этого не случилось. Тем не менее с целью компрометации И. Сталина в первые дни войны немцы сбрасывали на позиции советских войск сотни тысяч листовок, в которых утверждали, что советский Верховный Главнокомандующий является агентом международного сионизма, и в качестве доказательства приводили его родство с Кагановичем. Эта грубая немецкая фальсификация дожила и до наших дней. Немцы и сами знали цену своим утверждениям. Это хорошо видно из протокола допроса сына Сталина — Якова Джугашвили. Ну а версия о том, что М. Каганович покушалась на Г.К. Жукова, появилась на основе прокатившейся после войны волны необоснованных арестов лиц еврейской национальности, а также на незнании истинных причин отстранения и должностных перемещений маршала. Люди искали причины, многие из них придумывались.

Из одного мемуарного источника в другой кочует утверждение о том, что И.В. Сталин пешком проделал весь путь до кладбища во время похорон своей жены, а дальнейшая судьба многих членов тогдашнего руководства связывается с их присутствием и поведением на похоронах.

Из воспоминаний Светланы Аллилуевой, из сообщений "Правды" мы уже знаем, что И.В. Сталин на кладбище не ходил,

а на процедуре прощания был только в здании ГУМа. И тем не менее утверждений, противоречащих реальному положению вещей, слишком много.

"Хочу поспорить с Вами о том, что И.В. Сталин не был на похоронах матери своих детей. Это не так. Я живой свидетель тех похорон — очень пышная траурная процессия шла мимо окон нашей квартиры. И мы все прекрасно видели, как Сталин пешком шел рядом с гробом. Эти похороны врезались в мою память на всю жизнь. Кавалькада лошадей везла необычайной красоты постамент под бордовым балдахином. Народу за ней было видимо-невидимо. Но возле гроба не было никого — только Сталин шагал рядом, поэтому видно было его очень хорошо.

Конечно, Вы можете мне не поверить — никаких документальных доказательств у меня нет. Но адрес той квартиры, откуда я наблюдала эти похороны, приведу: улица Ленивка, дом 6, кв. 8. Тогда еще существовал старый Каменный мост, как раз на него вход был только с Ленивки. Поэтому мы видели все траурные процессии — и похороны Маяковского в 30-м году хорошо помню, а уж похороны Аллилуевой не забуду никогда.

М.С. Елдышева, 1922 года рождения, г. Харьков".

"Я не берусь утверждать, дошел ли Сталин до кладбища, но от Дома Союзов по Охотному ряду он шел за гробом в распахнутой шинели без головного убора.

Гроб был установлен на лафете. Я это видел лично, случайно оказавшись в этот момент на пути от площади Революции к площади Свердлова. Я в то время был красноармейцем и имел увольнительную. Нас было двое. Мы невольно остановились.

Я 1908 года рождения. Член КПСС с 1931 г. Пишу Вам об этом только во имя того, что это неоспоримый факт.

А.А. Беляев, г. Москва".

"И.В. Сталин приезжал на похороны Н.С. Аллилуевой. Он появился, когда гроб опустили в могилу, подошел к ней, бросил горсть земли и тут же уехал. Я видел это собственными глазами. Вместе с двумя своими товарищами-сверстниками Володей и Борисом Репиными, которые жили в доме, примыкавшем к стене кладбища, мы забрались на нее и оттуда смотрели на происходящее. Все было видно очень хорошо, потому что могила находилась недалеко от стены. Было нам по 10–12 лет, и мы кое-что уже соображали.

Светлане же, которая родилась в 1926 году, было всего 6 лет. Она не могла знать всего, а тем более запомнить, кто был и что делал в те драматические часы и минуты. Она описывает этот эпизод, безусловно, с чужих слов.

И.В. Сталин не мог не выполнить этот элементарный ритуал уже хотя бы потому, что тогда сразу же распространился слух,

будто Н.С. Аллилуева не покончила жизнь самоубийством, а была убита. Горстью земли Сталин как бы отвергал эту версию...

О том, что Сталин посетил кладбище и отдал дань умершей жене, я встречал указание и в нашей печати, но только не помню, где именно.

И.С. Окунев, г. Москва".

Действительно, о том, что И. Сталин шел за гробом своей жены, написано во многих работах.

"В сочинениях И.В. Сталина, том 113 (М., Госполитиздат, 1953 г.), в биографической хронике на 411-й странице написано: "11 ноября – И.В. Сталин провожает гроб с телом Н.С. Аллилуевой-Сталиной на Новодевичье кладбище". Объясните, пожалуйста, где правда?

В.Н. Веселов, с. Шипуново, Омская область".

"В журнале "Знамя" (1988 г. № 11, с. 136) А.М. Ларина, жена Н.И. Бухарина, в своих воспоминаниях пишет: "Н.И. рассказывал, что перед закрытием гроба Сталин жестом попросил подождать, не закрывать крышку. Он приподнял голову Надежды Сергеевны из гроба и стал целовать".

Как все это понимать? Чему верить?

Н.М. Майстренко, с. Поповка, Винницкая область".

"В журнале "Знамя" (1988 г. № 3) на 34-й странице, – пишет В. Александренко из г. Лисичанска Ворошиловградской области, – в опубликованных дневниковых записях Константина Симонова "Глазами человека моего поколения" говорится: "...мы не знали того, что действительно произошло в семье Сталина, не знали трагического поворота отношений его с женой, до нас не доходили слухи о нем как о виновнике ее смерти, но мы знали, что он шел за ее гробом и сочувствовали его потере...".

Почти такое же утверждение содержится и в журнале "Смена" (№ 13 за 1988 год): "Шагая по трупам собственного произвола, Сталин, этот искусный актер, разыгрывал роль скорбящего об утрате друга точно так же, как он шел пешком по улицам Москвы до кладбища за гробом своей жены Аллилуевой, которую сам довел до самоубийства...".

В журнале "Комсомольская жизнь", 1988 г. № 18 старший научный сотрудник ИНИОН АН СССР Н.Н. Месяц, ранее работавший следователем следственной части особых отделов НКВД СССР, говорит, что он Сталина видел на похоронах Н.С. Аллилуевой.

Военнослужащий В.Г. Пахно из Алма-Аты приводит выдержку из статьи Галины Серебряковой "Смерч", опубликованной в газете "Вечерняя Алма-Ата": "Медленно двигался похоронный кортеж. Впереди я видела согбенную маленькую фигуру Сталина. Перекошенное лицо его почернело. Он казался таким больным".

Чаще всего читатели приводят свидетельства писателя Льва Разгона из его публикации "Непридуманное" в журнале "Юность", № 5 за 1988 г.: "Тело покойной лежало в Хозяйственном управлении ЦИК, которое занимало теперешнее здание ГУМа, мимо гроба проходил поток людей, в почетном карауле стояли все верные соратники, в газетах печатались выражения беспредельного сочувствия Сталину.

А сам Сталин постоянно сидел у гроба и зоркими, все видящими своими глазами всматривался: кто пришел, кто как себя ведет, какое у кого выражение лица...

У открытой могилы Сталин стоял, опустив голову или же закрывая лицо руками. Но так, чтобы видеть, все ли тут".

Мне кажется, что Л. Разгону можно верить, поскольку несколько лет он был членом семьи И.М. Москвина, принадлежавшего к верхушке партийно-государственного аппарата, сам был близок к этому аппарату, а впоследствии испытал все ужасы сталинских репрессий.

Ольга Громова, студентка, г. Ленинград".

"Лев Разгон, описывая события 50-летней давности, как всякий человек, мог ошибиться. Но он приводит там же поэтическую реакцию на эти события поэта Слуцкого, который сам на похоронах не был. Ясно, что сама по себе поэтическая реакция еще не свидетельство. Но она позволяет сделать вывод, что этой реакции предшествовало какое-то знание. Слуцкий об этом знал, значит, кто-то ему рассказал, и этот кто-то мог быть один человек, а могли быть и многие. По меньшей мере, есть уже два очевидца.

И все-таки, согласитесь, вопрос отнюдь не праздный. Он интересен читателям, и вряд ли стоит объяснять, почему. Да и маленький правдивый штрих к нашей истории нисколько ее не испортит.

Так кто же все-таки прав?

Д.А. Султанов, Москва".

В хронике тех событий, опубликованных в газете "Правда", ничего не говорится о сопровождении И.В. Сталиным гроба, нет его и среди названных в газете лиц, находившихся на кладбище. В своих воспоминаниях Светлана Аллилуева утверждает, что Сталин на похороны не пошел и ни разу не посетил могилу жены на Новодевичьем кладбище. В таком случае, кого могли спутать со Сталиным?

На этот вопрос дал ответ Григорий Иосифович Морозов, знавший семью Сталина с детства, одноклассник Василия Сталина: "Со Сталиным спутали Алешу Сванидзе, брата первой жены Сталина, типичным грузином, чем-то похожим, да и старавшимся быть похожим на него. Спутали потому, что лично знали Сталина только по фотографиям, а не в жизни".

Весьма справедлива в этой связи точка зрения рабочего Метростроя из Москвы А.К. Черемухина: "Вряд ли в данном случае Лев Разгон, да и другие писатели имели право на подобные неточности, связывая поведение участников похорон Н.С. Аллилуевой с их дальнейшей судьбой. "Непридуманное" шокирует в аспекте подлинности фактического материала, тем более что тема сталинизма без глубокого документального анализа сама по себе становится конъюнктурной и начинает раздражать, особенно огульным охаиванием И.В. Сталина".

В данном случае можно только согласиться с автором письма.

На слухах построены и версии о том, что Н.С. Аллилуеву убил лично муж, или что это было сделано по его приказу.

"Газета "Советская молодежь", орган ЦК ЛКСМ Латвии, 2 ноября 1988 года поместила воспоминания Элеоноры Карловны Эго, члена ЦК комсомола Латвии в 30-е годы, — пишет А.И. Кара из г. Риги. — Там говорится, что ей повезло. Карлаг перекрестил ее жизненный путь с судьбой Фаины Борисовны Гамарник, высоко профессиональным медиком, работавшей в санитарном управлении Кремля (...)

Фаина Гамарник первая была вызвана после выстрела к Аллилуевой, жене Сталина, для оказания ей медицинской помощи. Конец агонии произошел в полном смысле у нее на руках. Ей, врачу, сразу же стало понятно, что это не несчастный, тем более не роковой случай. В Аллилуеву стреляли, спасти ее было уже невозможно. Истекающая кровью женщина сказала: "КТО! Это Иосиф, Фаина... Не простил, что я заступилась за Надю Крупскую, когда она просила миловать... Своей рукой, сам...".

Такие слухи, не подтвержденные какими-то другими источниками, думаю, так и останутся существовать в виде недоказанных версий, которые не заслуживают внимания. Точно так же, как и слухи о самоубийстве Надежды Сергеевны из-за безответной любви к однокурснику и конфликту на этой почве с мужем.

К таким же утверждениям, наверное, будет относиться и вот это, приведенное киевлянином В.И. Фец: "Некоторые авторы пишут, что Аллилуева имела связь с первым сыном Сталина — Яковом и что на этой почве он заколол ее кинжалом".

Множество мифов связано и с судьбами детей И. Сталина. Один из самых "ходячих" о его "третьем сыне": "В 50-м году я работал на пароходе Северного речного пароходства. Во время довольно длительной стоянки в городе Сольвычегодске Архангельской области мы всей командой ходили знакомиться с историческими местами — музеем И.В. Сталина, созданным в доме, где он жил во время дореволюционной ссылки. Хозяйка этого самого дома под большим секретом рассказала нам, что здесь после побега И.В. Сталина богомольная мещанка родила от него сына. Прошли годы, после революции эту мещанку с сыном

якобы увезли в Москву, лет через десять она вернулась одна и жила до конца своих дней в Сольвычегодске.

Ответьте, пожалуйста, может быть, остался в нашей многострадальной стране след и третьего сына "вождя всех времен".

Ветеран труда Г.Н. Зимин,
г. Стерлитамак, Башкирская АССР".

Такой вопрос скорее всего возник из-за действительных денежных переводов И.В. Сталина после его возвращения из ссылки. Вполне вероятно, что он мог взять деньги в долг и у своей квартирной хозяйки, а после вернуть. Но нет ни одного документального подтверждения того, что он оставил после себя незарегистрированных детей или отказался от кого-то.

Очень часто люди путают Якова Джугашвили с сыном из Сибири, ссылаясь при этом на то, что первая жена И.В. Сталина Екатерина Сванидзе умерла в 1907 году, а Яков во всех своих документах записывал свой собственный год рождения — 1908-й.

Действительно, в чем дело?

"У кого воспитывался Яков во время ссылки Сталина?" — спрашивает Е.А. Ященко из г. Назарово Красноярского края.

Ответ на этот вопрос смогла дать при жизни жительница г. Тбилиси Д.М. Монаселидзе, дочь Александры Семеновны Монаселидзе, урожденной Сванидзе, родной сестры Екатерины Сванидзе, в семье которой до 14 лет (до переезда в 1921 году в Москву к отцу) жил и воспитывался Яков. По ее свидетельству, "1908 год рождения в документах Якова Джугашвили появился в результате договоренности бабушки Санноры Двали-Сванидзе с местным священником для того, чтобы ее внук-сирота имел годовую отсрочку от службы в царской армии".

После переезда Якова в Москву у него сложились довольно напряженные отношения с отцом, возможно, из-за его определенной неподготовленности к жизни в Москве, его недостаточной на первых порах воспитанности по сравнению с детьми от Надежды Сергеевны Аллилуевой. Сталин-отец часто сердился на Якова, но их противоречия не носили каких-либо политических оттенков, а были конфликтами сугубо семейными. Яков, как Василий и Светлана, также жил в окружении охраны, пользовался служебным автомобилем.

"Откуда мог знать Сталин, каким образом оказался его сын в плену, если столько противоречивых сведений о его пленении?" — задает вопрос С. Морозов из г. Кировска.

Писатель Иван Фотиевич Стаднюк, беседовавший по этому поводу с В.М. Молотовым, рассказал мне, что первоначально И.В. Сталин узнал об этом из сообщения немецкого радио, потом из листовок.

Что могло стать причиной ареста жены Якова Юлии Мель-

цер? Такой вопрос мне очень часто задают во время публичных выступлений. По моему глубокому убеждению, И.В. Сталин знал, что его сын был выдан немцам своими сослуживцами и, видимо, считал, что к этому причастна жена Якова. Для подтверждения этой версии обратимся к воспоминаниям С. Аллилуевой и одному из ответов Якова капитану Рейшли на допросе, который опубликован в югославском журнале "Политика" 17 октября 1967 года.

"В конце августа я говорила из Сочи с отцом по телефону, — пишет С. Аллилуева. — Юля стояла рядом, не сводила глаз с моего лица. Я спросила его, почему нет известий от Яши, и он медленно и ясно произнес: "Яша попал в плен". И, прежде чем я успела открыть рот, добавил: "Не говори ничего его жене пока что...".

Но отцом руководили совсем не гуманные соображения по отношению к Юле: у него зародилась мысль, что этот плен неспроста, что Яшу кто-то умышленно "выдал" и "подвел", и не причастна ли к этому Юля... Когда мы вернулись к сентябрю в Москву, он сказал мне: "Яшина дочка пусть останется пока у тебя... А жена его, по-видимому, нечестный человек, надо будет в этом разобраться...".

И Юля была арестована в Москве, осенью 1941 года, и пробыла в тюрьме до весны 1943 года, когда "выяснилось", что она не имела никакого отношения к этому несчастью, и когда поведение самого Яши в плену наконец-то убедило отца, что он тоже не собирался сам сдаваться в плен...".

А вот ответ из протокола допроса: "Р е й ш л и. Как узнали, что вы сын Сталина, ведь у вас не было обнаружено никаких документов?

Д ж у г а ш в и л и. Меня выдали некоторые военнослужащие моей части".

С учетом уже ранее приводившихся документов и свидетельств настойчиво напрашивается вывод о выдаче Якова немцам в результате предательства.

"Предпринимались ли по инициативе СССР в ходе войны какие-либо мероприятия по вызволению Я. Джугашвили из плена? Долорес Ибарури сказала об этом положительно в своих мемуарах, вышедших в Барселоне в 1985 году. Она написала, что в сентябре 1942 года в СССР был сформирован специальный отряд по вызволению Я. Джугашвили из плена. Отряд был переброшен через линию фронта, позже погиб. В отряде находились три испанца (из числа тех, кто в 1936 году был вывезен в СССР из охваченной огнем гражданской войны Испании).

Д.А. Волкогонов написал по этому поводу, что в "...СССР этот факт не нашел ни подтверждения, ни опровержения. Хотелось бы узнать Ваше мнение по этому вопросу.

Л.Г. Чернявский, старший лейтенант в отставке, г. Гомель".

Поиски Якова были организованы уже в июле 1941 года. Генеральным штабом в войска была дана специальная директива по этому поводу. В тыл были направлены специальные группы по организации его поиска. Впоследствии изыскивались возможности его вызволения из плена путем засылки диверсионных групп. Затем эти попытки были, видимо, прекращены из-за невозможности осуществления подобной операции. Вот что написал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своих воспоминаниях: "...Я спросил:

— Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове. Нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом:

— Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Чувствовалось, он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И.В. Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде".

Как видим, И.В. Сталин определенной информацией о сыне владел.

В другом письме Л.Г. Чернявский пишет: "Предпринимались ли по инициативе СССР после победы над Германией какие-либо публичные шаги по выявлению судьбы Я. Джугашвили? И сам же отвечает: "В конце войны я был на третьем Украинском фронте. Работал помощником военного коменданта железнодорожного участка в Болгарии. Вскоре после победы, в мае — июне 1945 года, в одном из номеров газеты на болгарском языке я прочитал коротенькую заметку о том, что в германских газетах опубликовано, по тарифу объявления, обращение генералиссимуса Сталина о том, что он просит за крупное денежное вознаграждение (миллион западно-германских марок) сообщить ему достоверные сведения о судьбе артиллерийского офицера, военнослужащего Якова Джугашвили.

Какая это была газета, я сейчас не помню. Читал я в то время много газет, но чаще всего — "Отечественный фронт", "Работническо дело".

Достоверен ли этот факт или это газетная утка, каких в то время вылетало в газетах очень много?".

И.В. Сталин после войны о гибели сына уже, безусловно, знал. Никак он не отреагировал на сведения из советского посольства в Германии о том, что к ним обратился немец, знавший место захоронения Якова. Реакция И.В. Сталина свидетельствует о довольно убедительной информации, которой он обладал, иначе чем можно объяснить такую его незаинтересованность?

После войны действительно ходило много легенд о судьбе Якова как в СССР, так и за рубежом. Многие из них живы и в наши дни. Обратимся к письмам.

"В 1941 году в лагерях военнопленных, где я находился, среди пленных был разговор о том, что сын Сталина попал в плен. Даже кто-то говорил, что в плен попал сын Молотова. Однако я в это не верил.

В настоящее время прочел статью о том, что Яков Сталин погиб в концентрационном лагере Равенсбрюк. Я в это не верю по следующей причине: после побега в Германии я работал в г. Мюнхене на мебельно-матрацной фабрике Зайдера. В 1944 году американская авиация разбомбила фабрику. Остатки ее и часть рабочих были перевезены в село Гехендорф Штамберского района. Здесь была организована антифашистская группа.

Однажды, в феврале 1945 года, вечером, из г. Мюнхена приехал к нам в село руководитель этой группы — немецкий коммунист Йозеф Геслер и лично мне сообщил: немецкие коммунисты выкрали из лагеря Равенсбрюк сына Сталина и доставили в г. Минск.

После моего возвращения на Родину я все время вспоминал об этом сообщении и молчал. Молчал потому, что не знал, каковы будут последствия моего сообщения, а также официального сообщения об этом я не читал в прессе и не слышал по радио. Возможно, что я пропустил.

Я верил и верю Геслеру, что его сообщение было правдивым по той причине, что видел его партийный билет и уплату членских взносов до времени прихода фашистов к власти; и второе — у нас с Геслером на эту тему никогда не было никаких разговоров и его сообщение до сих пор считаю серьезным, оно было не вынужденное.

Сообщение в Вашей статье о смерти сына Сталина — сомнительное. Ведь в концлагерях руководящие хозяйственные посты занимали немецкие коммунисты. Они и могли под видом Якова отправить в крематорий кого-то другого и списать Якова, что, конечно, будет записано в архивных документах, а самого Якова поместить в инфекционное отделение лагеря, куда немецкая охрана не наведывалась, где он проживал до 1945 года под чужой фамилией.

Дальше, ведь из концлагеря Освенцим каким-то образом вывезен Юзеф Циранкевич, когда немецкая охрана разоблачила его. Циранкевич руководил в лагере антифашистской группой.

В наличие архивных записей, которые предоставят англичане, я тоже не верю. Ведь на бумаге можно написать все. Достоверной будет запись в таком аспекте, как однажды была описана в прессе смерть Эрнста Тельмана.

Лично я считаю, что пути следования Якова Сталина надо искать через г. Минск.

О. Максимчук, г. Ивано-Франковск".

Здесь необходимо сделать уточнение, которое отвергает реальность всего изложенного в письме. В Равенсбрюке содержались только женщины и дети. Яков Джугашвили находиться в этом лагере никак не мог.

"В 1966 году в турецкой газете "Джумхруйет" на первой странице я прочитал большую статью "20 лет спустя".

Из этой статьи следовало, что сын Сталина — Яков бежал из плена, попал к итальянским партизанам, женился на итальянке, и у них было двое детей: дочь и сын. В 1966 году сын Якова Джугашвили служил в итальянской армии, а дочь училась в консерватории. Среди партизан Якова называли "капитан Монти", он скрывал, что является сыном Сталина. Когда Яков попал снова в плен к фашистам, он взорвал себя и немцев противотанковой гранатой. Далее в статье отмечалось, что Светлана, дочь Сталина, обосновавшись в США, неоднократно помогала племянникам деньгами.

В газете были помещены фотографии Якова в окружении фашистов (видимо, перед гибелью) и портрет дочери, внучки Сталина.

Хотелось бы знать мнение специалистов-историков по этому поводу. Правда ли это, или "сенсация"?

С уважением.

Подполковник запаса Н. Ильясов, Одесса".

А вот в этом письме уже оспаривается дата гибели Якова:

"Старший лейтенант Яков Джугашвили погиб 11 апреля 1945 года. Его с двумя друзьями застрелили конвоиры на берегу Бигге в г. Аттендорф. Очевидец преступления А. Ментешашвили пытался отыскать трупы погибших в реке, но безуспешно, т.к. Бигге — река горная, быстротекущая. Ментешашвили живет в Москве. Адрес я не знаю. Знали об этом: сержант Василий Иванович Ганзюк из села Старая Ушица Ново-Ушицкого района Винницкой области и капитан Лукаш Семен Иванович из села Михайловка Приморского края. О месте нахождения С.И. Лукаша можно навести справку в семье Г.К. Жукова.

Кемерово, тов. Боровик Г.К.".

Еще одна версия: "В народе ходят всякие сплетни. В нашем доме и в соседнем живут бывшие прихлебатели фашистов, которые отбыли сроки наказания за совершенные предательства во время Великой Отечественной войны. Так вот такие и говорят, что как будто Сталин все-таки обменял Якова Джугашвили, но не на Паулюса, а на несколько сот немецких офицеров, и что сын его был переправлен после этого в Америку. Хотим знать правду.

Анна Васильевна Шалобода, пенсионерка, ветеран труда, в годы войны узница концлагеря Шпандау, № 7110, Днепродзержинск".

А вот какой невероятный миф привел А.С. Евтишин из Москвы: "В июне 1977 года я находился в двадцать девятой больнице Москвы. В палате все были почти одного поколения. Участники войны. Микроклимат был больше чем хорошим.

Рядом с моей стояла кровать одного из главных конструкторов. И вот что он нам рассказал: "Как-то поздно вечером, когда все вопросы на работе были решены, в своем кабинете, в очень узком кругу, в интимной обстановке, брат Анастаса Ивановича Микояна — Артем Микоян поведал следующее: 24 июня 1945 года выхожу из дачи, спешу к началу парада Победы и вдруг вижу — у входа на дачу Сталина стоит человек. Сперва не обратил внимания, а потом пригляделся и узнал Якова Джугашвили.

– Яков, это ты?! — спрашиваю удивленно.

— Я, — отвечает он.

— Как же ты остался живым?

— Не говори... Как-нибудь при встрече расскажу.

Я торопился. Времени для разговора не оставалось, извинился и ушел. И больше никогда я его не видел.

Не верить рассказчику, пересказавшему нам рассказ Артема Микояна, не было основания. Сохранить жизнь Якову возможностей у Сталина было достаточно. Афишировать это, когда в каждом доме война оставила столько горя, никто на месте Сталина не решился бы".

Вот Вам еще одна информация для размышления.

Как видим, легенд о Якове существует много. Но ни одна из вышеприведенных не имеет под собой реального основания. Обратимся к документам, хранящимся в отделе трофейных документов Национального архива США.

22 апреля 1943 года Гиммлер направил письмо в нацистское министерство иностранных дел:

"Дорогой Риббентроп!

Посылаю Вам рапорт об обстоятельствах, при которых военнопленный Яков Джугашвили, сын Сталина, был расстрелян при попытке к бегству из особого блока "А" в Заксенхаузене близ Ораниенбурга.

Хайль Гитлер!
Ваш Генрих Гиммлер".

А вот заключение о смерти Я. Джугашвили, сделанное врачом дивизии "Мертвая голова":

"14 апреля 1943 года, когда я осмотрел пленного, я констатировал смерть пленного от выстрела в голову. Входное пулевое

отверстие расположено в четырех сантиметрах ниже уха, сразу же под скуловой дугой. Смерть должна была наступить немедленно после этого выстрела. Очевидная причина смерти: разрушение нижней части мозга".

Теперь хочу привести письмо, в котором автор подвергает сомнению содержание Якова Джугашвили в особом бараке Заксенхаузена:

"В 1950 и 1951 гг. я, будучи военнослужащим Советской Армии и находясь на территории Восточной Германии в составе советских оккупационных войск, жил непосредственно на территории лагеря смерти Заксенхаузен в г. Ораниенбурге. Вернее, в 1949 году, когда образовалась ГДР, нашу дивизию (личный состав) загнали на территорию этого лагеря, убрав из него содержавшихся до этого там военных преступников. Я был начальником библиотеки дивизии и ходил по всей территории лагеря. И нигде не было мест, огражденных колючей проволокой, и "мертвых зон". Весь лагерь был "мертвой зоной". Почему не могло быть колючей проволоки, чтобы на нее броситься? А вот почему. Огромная территория лагеря Заксенхаузен была обнесена железобетонной оградой высотой в 5–6 метров и очень большой толщины. Лишь поверх этой стены с наружной стороны "висел" козырек из колючей проволоки, через которую был пропущен ток.

Но Яков Джугашвили ни при каких обстоятельствах до этой стены дойти не смог бы.

Внутри этого ограждения, метрах в 150–200 от первой, находилась вторая стена, разве чуть пониже первой и тоже железобетонная. Во всяком случае, через нее не было видно ни одноэтажных блоков, ни других строений, лишь возвышалась труба крематория и виселица из двух железных балок над фабрикой, на которой перерабатывались одежда, обувь, волосы и т.д. Внутри этого ограждения тоже была громадная территория. А на ней были ограждения в нескольких местах, и опять же невысокие железобетонные стены, "пятачки", с блоками для узников на них. В одном из таких малых ограждений во время перемещения из лагеря в лагерь два, два с половиной дня содержался, как рассказывали знающие люди, Эрнст Тельман.

О содержании здесь и гибели Якова Джугашвили в то время разговоров не было. Но раз он был помещен в особое отделение, то он содержался в одном из подобных "пятачков", обнесенном высоченной глухой стеной. А таких стен в случае побега надо было преодолеть по меньшей мере три. Узники могли преодолеть их только через ворота (металлические и равные по высоте стенам) и лишь в одну сторону — вовнутрь.

С глубоким уважением

Барсагаев П.А.".

Действительно, после гибели Якова и перевода из барака англичан ограждение из проволоки было снято. Но когда Яков бросился на него — он сознательно шел на гибель, а не собирался совершить побег за пределы лагеря, что было невозможно.

Один из самых распространенных мифов — наличие двойников у Я. Джугашвили.

Такие слухи получили распространение потому, что некоторые красноармейцы, попав в плен, выдавали себя за сыновей Сталина, надеясь на спасение или стремясь выиграть время, чтобы уцелеть. Показательно в этом смысле письмо А.И. Бондаренко из г. Ильичевска Одесской области:

"Мне 52 года. Служил в группе советских войск в Германии в 1956—1959 гг.

Коммунистом стал в армии.

У меня просьба ответить на мое письмо. Почему-то мне кажется, что мое письмо не первое по этому вопросу.

Служба моя проходила под Берлином, в местечке Большое Шонвальде.

Где-то в 1957 году из всех дивизионов нашей части были представители (и я тоже) на срочном сборе в солдатском клубе (там было 500 сидячих мест). Обыкновенный огромный, как сарай, клуб для показа фильмов и концертов.

Мы уселись сразу. Кто-то из политработников сообщил причину сбора. На сцене стоял стол и несколько стульев. Взошли на сцену, кажется, 5 военных и один гражданский.

Без вступления один из генералов сразу спросил нас:

— Вы помните случай военных лет, когда Сталин сказал, что солдата на маршала не меняем?

— Помним, помним!..

— Так вот, на самом деле такого не было! Вот с нами приехал человек, по национальности — поляк, ему и пришлось по случайности сыграть роль Якова Сталина, благодаря чему он и остался жив. Он сам все расскажет.

Потом к трибуне подошел небольшого роста человек. Говорил около часа. Он попал в плен и его после бесконечных пыток бросили в бетонированную яму и через люк спрашивали, будет ли он говорить (он там пробыл с неделю). Потом яму начали заливать водой. Он, обессиленный уже, плавал под люком, а его толкали назад, в воду. Наконец он сказал, что будет говорить. Его вытянули; кажется, лечили 2 недели, так как он сказал, что является сыном Сталина.

Так он остался жив.

Очень много легенд и мифов связано со вторым сыном И.В. Сталина — Василием. Если судить по письмам, то многие считают его неродным сыном Сталина.

"Василий Сталин родился в с. Зимовейка Туруханского края,

где его мать была учительницей, а отец — И.В. Сталин отбывал ссылку.

В конце 20-х годов С.М. Буденный, находясь в инспекционной поездке в г. Иркутске, в приватном разговоре с первым секретарем Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) узнал от последнего, что ему "досаждает" одна сельская учительница требованиями назначить ей пособие на содержание ребенка, рожденного ею от Сталина.

Буденный якобы попросил пригласить эту учительницу вместе с одиннадцатилетним сыном, которого он после переговоров с нею и прихватил с собою в Москву, устроив, таким образом, сюрприз вождю. Об этом сыне Сталин мог и не знать.

Сталин принял мальчика в свою семью. И, очевидно, будучи женат на Н.С. Аллилуевой не ранее 1920 года, "оформил" Василия как законнорожденного, с учетом этого обстоятельства, а также и того, что в 1917 году Н.С. Аллилуевой было только 16 лет.

В 1945 г. Василий Сталин обращался к коменданту одного из польских городков Д.П. Казанскому с просьбой собрать какую-нибудь посылку для матери. Значит, она была жива в 1945 году, а в автобиографии указана дата смерти Н.С. Аллилуевой — 1932 г.

Не было и "казанской ссылки". Он там оказался проездом: ехал на жительство в Китай (по личному приглашению Мао Цзе-дуна), но в пути заболел и умер.

Удивляет, что московские летописцы обладают столь скудными и неверными сведениями о сыне ими же прославленного человека.

И. Ромашов, г. Белгород-2".

Есть и другие варианты этой версии:

"Василий не родной сын Сталина. Василий сын героя гражданской войны — Александра Пархоменко. Сталин усыновил Василия, когда ему было 3 года. Усыновил его после гибели Пархоменко.

Василий Сталин похоронен в г. Москве на Новодевичьем кладбище. Его могила напротив Аллилуевой — жены И.В. Сталина. Это я лично видел. Вам надо поправить эту ошибку.

И.И. Сотов, г. Кострома".

"Ходят слухи, что Василий Сталин не родной сын Сталина, а сын известного революционера Артема и усыновлен Сталиным после гибели Артема в автомобильной катастрофе.

В.А. Бражник, г. Кременчук, Полтавская область".

Утверждения о том, что Василий эмигрировал в Китай, весьма распространены.

"В пятидесятых годах в журнале "Огонек" я видел фото Ва-

силия Сталина в форме генерала. У нас ходят до сих пор о нем слухи, что он после разоблачения культа личности Иосифа Виссарионовича Сталина уехал в Китай и там служил в Китайской армии.

П.П. Ярошин, д. Петрилово, Минская область".

"О жизни Василия после гибели его отца ничего не известно. Мы знаем только, что он перелетел на самолете в Китай и остался там. Он стал там якобы одним из больших авиационных командиров военно-воздушных сил Китая. Там он и умер, но своей ли смертью?

С. Сеидов, 18 октября 1988 г.".

"Куда делся сын Сталина Василий? Был слух, что он эмигрировал в Китай после того, как был обнародован культ личности его отца.

В.И. Болдин, г. Эртиль, Воронежская область".

Миф этот возник не без помощи самого Василия. После его заключения в тюрьму он надолго пропал из поля зрения многих людей, знавших его. Пошли разные слухи. Сам он неоднократно писал письма в различные инстанции, в которых просил выпустить его и отправить для дальнейшей службы в Китай. Видимо, от тех, в чьи руки попали эти письма, и "вышел в свет" этот миф.

Следующие письма несут дополнительную информацию о Василии и разных эпизодах его биографии.

"Может, будет интересным то, что я слышал от брата своей жены, бывшего военного, Борисова Ивана Ивановича. Он в составе летчиков-курсантов в начале войны был на аэродроме (в Саратове или Куйбышеве). Комиссар объяснял, что необходима дисциплина, курение воспрещено. В это время садится самолет. Вылезает летчик и не спеша на крыле закуривает. Комиссар подбежал и начал было "разнос". Но летчик (это был Василий Сталин) кожаными перчатками отхлестал комиссара по щекам при всех. Другой эпизод. Он ни с того ни с сего взлетал на самолете в Московской области и летел по произвольному маршруту. А наземные службы волновались, не зная, как организовать полеты, чтобы не случилось аварии.

В.Я. Липен, г. Москва".

"Интересен такой эпизод. Когда В. Сталин прибыл в летную школу, то ему создали особые условия: жил он в отдельной комнате, часто получал посылки (правда, их сразу же приносил в казарму и делился со всеми), во многих мероприятиях не участвовал. Спустя некоторое время всех собирают на плацу в школе, и какой-то полковник зачитывает приказ об освобождении начальника школы от своих обязанностей. После зачтения приказа читающий пояснил, что начальник школы снят за создание привилегированных условий В. Сталину.

Василия сразу же перевели в казарму на общие харчи и махорку и в дальнейшем ему никакой скидки уже не делали. "Падение" В. Сталина целиком на совести Хрущева, и "крокодиловы" слезы Хрущева при их встрече — это обычное фарисейство Хрущева, а в этом он был непревзойденный мастер.

С.А. Туев, г. Москва".

"Вы, товарищ А.Н. Колесник, видимо, хотели, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Иначе вы не включили бы в свою статью интервью с дочкой В. Сталина — Надеждой.

Скажите, пожалуйста, какой ребенок скажет плохо о своем родителе? Я таких пока не встречал. Тогда в чем смысл вашего выступления? Какой же был на самом деле Василий Сталин: такой, каким его описывает дочь, или такой, каким в приведенных его характеристиках?

Надежда Васильевна упрекает свою тетку, С. Джугашвили, что та кривит душой, когда пишет о кутежах и пьянках своего брата.

Но в таком случае сама Надежда тоже кривит душой, представляя своего папу почти ангелом. Для меня было открытием ваше сообщение. В те дни, то есть 24, 25 и 26 апреля 1953 года, я встречался с ним и могу засвидетельствовать, что это были дни именно пьянок и кутежей и ни о каком аресте никто даже не думал. Мы встречались с Василием у него дома (Гоголевский бульвар, 7), где жила и Надя (ей тогда было лет 8—9). Хотя она тогда и была ребенком, но, возможно, помнит, как к ее отцу приходили три курсанта-моряка, как дарили ей торт и шоколад, как один из этих курсантов лихо отплясывал "яблочко" в гостиной...

В моей памяти В. Сталин остался как человек властный, грубый, который ни с чем и ни с кем практически не считался. Он мог дать сто очков форы любому боцману на флоте по части виртуозной матерщины. Неужели Надя не припомнит, как он при всех нас обругал свою старую домработницу за то, что та (по договоренности со мной) отказалась принести ему водки? Это был эпизод, который я не забуду до конца своих дней.

Разве Надя не знает, что ее отец страдал острой формой язвы желудка и ему нельзя было пить водку, но он продолжал пить? Наверное, только слепой не заметил бы, как испуганы, придавлены были и Надя, и ее подружка, когда их позвали пред отцовы очи и мы вручали им подарки: торт, шоколад, конфеты. А помнит ли Надя, как мы все смотрели у них дома кино? В подвале их дома была оборудована прекрасная киноустановка и бильярд.

Но отец есть отец, и я, в общем, Надю понимаю.

Б.А. Шульга, г. Москва".

Приведем выдержки из письма полковника в отставке

И.П. Травникова (Москва) в связи с моими публикациями о В.И. Сталине:

"...Характеристику Василия мог бы дополнить фактами отрицательными, но унижать и оскорблять достоинство И.В. Сталина, отца Василия, мягко говоря, неприлично. Не верю, что отец с детских лет привил Василию привычку к вину, которая впоследствии перешла у него в порок.

Вы уводите от истинных виновников этого порока Булганина, Берия и др., которые принимали активное участие в совместных пьянках у Василия в дни его рождения и по другим поводам и без повода, скрывая от И.В. Сталина недостойные поступки Василия — это одна из главных причин его падения.

...Вы пишете о стремительных взлетах по службе Василия, при этом ссылаетесь на какого-то собеседника, не указывая его фамилии и должности, который утверждает, что это дело И.В. Сталина. Это дело Булганина и иже с ним, которые знали слабости Василия, скрывали их от отца, информировали неправдиво, говоря о Василие только положительное, тем самым укрепляли собственный авторитет и занимаемое положение.

Вы пишете: "Мог ли отец не знать о поведении своего сына, о его недостатках? Отец, человек, который держал под своим неослабным контролем тысячи людей? Его невмешательство в служебные дела сына было самой большой поддержкой Василию".

Вопросы поставлены правильно, а выводы не те, не объективные — действительность опровергает их.

Ни одного случая, известного И.В. Сталину о поведении Василия, не прошло без внимания и сурового наказания. Об этом говорят факты, а не голословное обвинение и предположение автора.

Будучи начальником инспекции ВВС КА, Василий встретился с женой известного кинорежиссера, и по взаимной договоренности они уехали к другу Василия. Муж, узнав о случившемся, обратился к своему товарищу, Власику, который, как известно, был начальником личной охраны И.В. Сталина. Власик выслушал его и предложил написать все как есть Сталину, тот так и поступил. Власик передал записку по назначению, последовала резолюция: "Василия (полковника) посадить на гауптвахту, ее вернуть домой", — что Власиком было выполнено. После отбытия наказания Василий был по указанию И.В. Сталина освобожден от занимаемой должности.

...В ранге командующего авиационным соединением, Василий как-то взялся глушить рыбу в водоеме. Произошел взрыв авиационной дистанционной бомбочки, при этом инженер по вооружению погиб, полковнику, Герою Советского Союза, серьезно повредило ногу, а Василия контузило. Доложили о

случившемся И.В. Сталину. После выздоровления Василий по указанию отца был освобожден от занимаемой должности.

Или вот такой эпизод. Проходил праздник — День Воздушного Флота в Тушине. И.В. Сталин объявил в эфир благодарность исполнителям высшего пилотажа. Василий находился на командном пункте военного воздушного отделения, а руководили полетом его заместитель тов. Е.М. Горбатюк и член Военного совета округа С.К. Федоров.

Василий был пьян, но услышав о благодарности вождя, "с воодушевлением" тут же отправился в здание, где руководители партии и правительства, военные начальники отмечали успехи. Поскольку охрана знала Василия, его беспрепятственно пропустили.

Василий вошел в зал, качаясь. И.В. Сталин, увидев его в таком состоянии, заметил: "Это что такое?" Василий ответил: "Я устал". И.В. Сталин: "И часто ты так устаешь?" Последовал ответ: "Нет!" Тогда командующий ВВС П.Ф. Жигарев доложил: "Часто, Иосиф Виссарионович". Василий допустил грубость в адрес Жигарева. И.В. Сталин резко оборвал сына: "Садись!" Наступила мертвая тишина, после которой И.В. Сталин произнес: "Вон отсюда". Утром следующего дня Маршал Советского Союза Булганин по указанию Сталина издал приказ о снятии Василия с занимаемой должности.

Вот такие факты".

А вот что рассказал дважды Герой Советского Союза, маршал авиации Евгений Яковлевич Савицкий о знакомстве с Василием Сталиным, поделившись некоторыми наблюдениями:

— Это произошло в Германии, в конце войны. До того я только слышал о нем: Вася Сталин, Вася Сталин, всемогущий Вася Сталин. Что греха таить, перед ним все преклонялись, боялись его. Я тогда командовал истребительным авиакорпусом. И вот приходит приказ: назначить Василия Сталина командиром 286-й дивизии ко мне в корпус. Это было полной неожиданностью. Ну, все, думаю, неприятностей теперь не оберешься. Признаюсь, что и оробел несколько: сын такого отца. Это мы сейчас знаем про учиненные Сталиным репрессии, справедливо называя его палачом. Тогда же мало кто и в мыслях мог подобное допустить. Мы обожествляли его, считали, что кругом нас враги — внешняя и внутренняя контрреволюция, а Сталин со всеми борется.

Ладно, прибывает в корпус Василий. И что меня сразу поразило — со свитой: адьютант и четверо охранников. Я сказал ему, что нужно как положено сдать и принять дивизию. Он отмахнулся небрежно: "Вот еще, не хватало. С завтрашнего дня вступаю в командование". Тут уж мой характер дал знать о себе. "Подождите, — ответил ему, — здесь я командую корпусом, так

что будьте добры делать так, как я говорю". "Нет, — услышал в ответ, — делать будете, как я скажу". То есть он сразу попытался диктовать свои условия. Все-таки я настоял, чтобы он принял дивизию по всем правилам. А в принципе он, конечно, был неуправляем. И я уже тут ничего не мог поделать. У вас в статье Василий показан относительно мягким человеком, вызывающим даже жалость: пить его научили, баловали. Но, видно, были в нем заложены какие-то недобрые гены, если, повзрослев, он стал таким деспотичным, мстительным, привыкшим жить на широкую ногу, всеми командовать. Я могу вспомнить немало ужасающих выходок Василия, по следам которых потом из Москвы приходили указания: дело не заводить, замять. И заминали.

— Но он ведь все-таки был вашим подчиненным. Подали бы рапорт...

— Легко сейчас говорить: подали бы рапорт. А ты подай его, когда у всех коленки трясутся. Всесильным считали Василия Сталина. Потом разобрались в его хитростях. От отца он тогда в отдалении был, особым его расположением не пользовался. Но мы-то не знали того. А вот с сестрой своей, Светланой, которая жила с отцом, была его любимицей, часто сносился. Ну и узнавал от нее многие "придворные тайны". Очень умело этим пользовался. Был тогда главкомом ВВС К.А. Вершинин. Вызвал он чем-то серьезное недовольство Сталина, о чем Василию Светлана рассказала. Тот начинает открыто недовольство проявлять: Вершинин-де плохой, снимать его надо. И действительно, через пять-шесть дней Вершинина снимают, через несколько лет он снова станет главкомом ВВС. А у всех тогда сложилось впечатление, что это Вася Сталин его снял.

Если сравнить все три боевые характеристики, данные на Василия в годы войны, можно отметить, что все его прямые начальники пытались оказать положительное влияние на него, что, видимо, в какой-то мере удавалось. Однако далеко не всегда. Срывы в его поведении были все-таки довольно частыми явлениями.

Во многих письмах ставится вопрос: насколько соответствует действительности версия об отравлении Сталина, о чем неоднократно говорил его сын Василий.

Пожалуй, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к воспоминаниям действительного члена Академии медицинских наук СССР профессора Я.Л. Мясникова (1899—1965), известнейшего советского врача-терапевта, лауреата международной премии "Золотой стетоскоп", участника консилиума у постели умирающего И.В. Сталина:

"Поздно вечером 2 марта 1953 г. к нам на квартиру заехал сотрудник спецотдела кремлевской больницы: "Я за вами —

к больному хозяину..." Сталин лежал грузный, он оказался коротким и толстоватым, лицо было перекошено, правые конечности лежали, как плети. Он тяжело дышал, периодически то тише, то сильнее (дыхание Чейн-стокса). Кровяное давление 210–110. Мерцательная аритмия. Лейкоцитоз до 17000. Была высокая температура — 38° с десятыми... При выслушивании и выстукивании сердца особых отклонений не отмечалось, в боковых и передних отделах легких ничего патологического не определялось. Диагноз нам представлялся, слава богу, ясным: кровоизлияние в левом полушарии мозга на почве гипертонии и атеросклероза. Лечение было назначено обильное...

Каждый из нас нес свои часы у постели больного. Постоянно находился при больном и кто-нибудь из Политбюро ЦК — чаще всего Ворошилов, Каганович, Булганин, Микоян.

Третьего утром консилиум должен был дать ответ на вопрос Маленкова о прогнозе. Ответ наш мог быть только отрицательным — смерть неизбежна. Маленков дал нам понять, что он ожидал такого заключения, хотя и надеется, что медицинские мероприятия смогут если не сохранить жизнь, то продлить ее на достаточный срок. Мы поняли: речь идет о необходимом фоне для подготовки организации новой власти, а вместе с тем и общественного мнения...

Болезнь Сталина получила, конечно, широчайший отклик в нашей стране и за рубежом... Вносились предложения о тех или иных мерах, которые предполагалось направлять консилиуму врачей.

С почтой шли трогательные обращения и письма. В адрес консилиума врачей выражалась вера в спасение жизни гениального вождя, отца и учителя, мольба об этом, изредка с акцентом грозного требования, хотя чаще в духе доверия и уверенности в силе советской медицины. Молодые офицеры и красноармейцы предлагали свою кровь для переливания — всю до капли, и некоторые писали, что, не колеблясь, готовы отдать свое сердце ("пусть хирурги вырежут мое молодое сердце и вставят товарищу Сталину").

Необходимо отметить, что до своей болезни — последние, по-видимому, три года — Сталин не обращался к врачам за медицинской помощью, во всяком случае, так сказал начальник лечсанупра Кремля...

В Москве он, видимо, избегал медицины. На его большой даче в Кунцево не было даже аптечки с первыми необходимыми средствами, не было, между прочим, даже нитроглицерина, и если бы у него случился припадок грудной жабы, он мог бы умереть от спазма, который устраняется двумя каплями лекарства. С каких пор у него гипертония — тоже никто не знал (и он ее никогда не лечил).

Сталин дышал тяжело, иногда стонал. Только на один короткий миг показалось, что он осмысленным взглядом обвел окружавших его. Тогда Ворошилов склонился над ним и сказал: "Товарищ Сталин, мы все здесь твои верные друзья и соратники. Как ты себя чувствуешь, дорогой?" Но взгляд уже ничего не выражал... Ночью много раз казалось, что он умирает. На следующее утро, четвертого, кому-то пришла в голову идея, нет ли вдобавок ко всему инфаркта миокарда. Из больницы пришла молоденькая врачиха, сняла электрокардиограммы и безапелляционно заявила: "Да, инфаркт". Переполох. Уже в деле врачей фигурировало умышленное недиагностирование инфаркта миокарда у погубленных-де ими руководителей государства. Теперь, вероятно, мы... Ведь до сих пор мы в своих медицинских заключениях не указывали на возможность инфаркта. А они уже известны всему миру. Жаловаться на боли, столь характерный симптом инфаркта, Сталин, будучи без сознания, естественно, не мог. Лейкоцитоз и повышенная температура могли говорить и в пользу инфаркта.

Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило — как его объяснить?

Для поддержки падающего давления непрерывно вводились различные лекарства. Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и догадках. Дежурил от ЦК Н.А. Булганин. Я заметил, что он на нас посматривает подозрительно и, пожалуй, даже враждебно. Он блестел маршальскими звездами на погонах; лицо одутловато, клок волос вперед, бородка — немножко похож на какого-то царя Романова или, может, на генерала периода русско-японской войны. Стоя у дивана, он обратился ко мне: "Профессор Мясников, отчего это у него рвота кровью?" Я ответил: "Возможно, это результат мелких кровоизлияний в стенке желудка сосудистого характера — в связи с гипертонией и инсультом". "Возможно? — передразнил он неприязненно. — А может быть, у него рак желудка, у Сталина? Смотрите, — прибавил он с оттенком угрозы, — что у вас все сосудистые да сосудистые, а главное-то и про..." (он явно хотел сказать — провороните или прошляпите, но спохватился и закончил: "пропустите").

Весь день пятого мы что-то впрыскивали, писали дневник, составляли бюллетени. Тем временем на втором этаже собрались члены ЦК; члены Политбюро подходили к умирающему, люди рангом пониже смотрели через дверь, не решаясь подходить ближе даже к полумертвому "хозяину". Помню, Н.С. Хрущев также держался дверей, во всяком случае, и в это время иерархия соблюдалась: впереди Маленков и Берия, далее Ворошилов, потом Каганович, затем Булганин, Микоян, Моло-

тов был нездоров, гриппозная пневмония, но он 2–3 раза приезжал на короткий срок.

Объяснение желудочно-кишечных кровоизлияний записано в дневнике и вошло в подробный эпикриз, составленный в конце дня, когда больной еще дышал, но смерть ожидалась с часу на час.

Наконец она наступила — в 21 час 50 минут 5 марта.

Это был момент, конечно, в высшей степени знаменательный. Как только мы установили, что пульс пропал, дыхание прекратилось и сердце остановилось — в просторную комнату тихо вошли руководящие деятели партии и правительства, дочь Светлана, сын Василий и охрана. Все стояли неподвижно в торжественном молчании долго, я даже не знаю, сколько — около 30 минут или дольше. Свершилось, несомненно, великое историческое событие. Ушел из жизни вождь, перед которым трепетала вся страна, а в сущности, в той или иной степени и весь мир. Великий диктатор, еще недавно всесильный и недосягаемый, превратился в жалкий труп, который завтра же будут кромсать на куски патологоанатомы... Затем он превратится в прах, как и трупы всех прочих обыкновенных людей...

Шестого марта в 11–12 часов дня на Садовой-Триумфальной во флигеле во дворе здания, которое занимает кафедра биохимии 1-го МОЛМИ, состоялось вскрытие тела Сталина. Присутствовали из состава консилиума только я и Лукомский. Были типы из охраны. Вскрывал А.И. Струнов, профессор 1-го МОЛМИ, присутствовал Н.Н. Аничков (президент АМН), биохимик профессор С.Р. Мардашев, который должен был труп бальзамировать, патологоанатомы: проф. Скворцов, Мигунов, Русаков. По ходу вскрытия мы, конечно, беспокоились — что с сердцем? откуда кровавая рвота? Все подтвердилось. Инфаркта не оказалось (были найдены лишь очаги кровоизлияний)...

Сильный склероз мозговых артерий, который мы видели на вскрытии И.В. Сталина, может возбудить вопрос, насколько это заболевание — несомненно, развивавшееся на протяжении ряда последних лет — могло сказаться на состоянии Сталина, на его характере, на его поступках в эти годы. Ведь хорошо известно, что атеросклероз мозговых сосудов, приводящий к нарушению питания нервных клеток, сопровождается рядом нарушений функций нервной системы. Прежде всего со стороны высшей нервной деятельности отмечается ослабление процессов торможения, в том числе и дифференцированного. Легко себе представить, что в поведении Сталина это проявлялось потерей ориентации — что хорошо, что дурно, что полезно, а что вредно, что допустимо, что недопустимо, кто друг, а кто враг. Параллельно происходит так называемое обострение черт личности:

сердитый человек становится злым, несколько подозрительный становится подозрительным болезненно, начинает испытывать манию преследования — это полностью соответствует поведению Сталина в последние годы жизни.

Мне кажется, при оценке известных исторических личностей необходимо не только чисто литературное или психологическое их описание, но анализ с медицинской точки зрения — ведь все они так или иначе болеют, по крайней мере, под конец их жизни, и именно в связи с болезнью может меняться — в какой-то степени — их поведение. Полагаю, что жестокость и подозрительность Сталина, боязнь врагов, утрата адекватности в оценке людей и событий, крайнее упрямство — все это создал в известной степени атеросклероз мозговых артерий (вернее, эти черты утрировал). Управлял государством, в сущности, больной человек. Он таил свою болезнь, избегал медицины, он боялся ее разоблачений. Склероз сосудов мозга развивается медленно, на протяжении многих лет. У Сталина были найдены очаги размягчения мозга очень давнего происхождения. Как известно, при этом заболевании умственное восприятие может совершенно не страдать или страдать мало. Поэтому такие старики могут сохранять многие проявления умственной деятельности на должной высоте, другие же стороны психической сферы (особенно эмоциональные реакции) могут сильно меняться..."

В этом воспоминании содержатся два ответа: как в пользу утверждения В. Сталина об отравлении, так и в пользу версии естественной смерти вождя. Во-первых, действительно врачи попали к больному с большим опозданием, только к концу второго марта. Во-вторых, нет никаких доказательств, что все это могло быть подстроено, и тем более кем-то конкретным. Очевидно, однозначный ответ на этот вопрос еще впереди.

Уже много лет живет слух о том, что И.В. Сталин имел крупный денежный счет и им пользовалась его дочь. Откуда он берет начало и как попал в печать, видно из следующих писем:

"В мае 1943 года немцы в районе станции Зимны (ж.д. Москва—Рига) бросали в расположение наших войск листовки, где утверждали, что И.В. Сталин в период критического положения нашей страны в 1941 году перевел, на случай поражения, в швейцарский банк 2 миллиона рублей.

В то время я воевал в полковой разведке 1115 сп 134 сд. Листовки собирали, жгли. Тогда никто этому не верил.

Но когда дочь И.В. Сталина Светлана выехала в Индию, затем в США, по пути следования в Италии (если не ошибаюсь, в Неаполе) сошла с парохода и на короткое время выехала в Швейцарию, а затем вернулась и продолжала свой путь в США.

Теперь я не сомневаюсь, что Светлана в Швейцарии, как единственно законная наследница, перевела банковское насле-

дие отца на себя и продолжала путь в США. До настоящего времени разъезжает по чужим странам и живет по широкому кругу.

Прошу Вас это осветить в "АиФ", так как какие-то следы этого в Госбанке или Минфине остались.

Участник ВОВ, пенсионер, Н.Е. Петров, г. Калинин".

"Где-то читал, что у И.В. Сталина был счет в швейцарском банке и им воспользовалась С. Аллилуева. Если это достоверно, то многим отобьет веру в скромность и аскетичность "вождя" всех народов.

А. Слатковский, г. Днепродзержинск".

"В газете "Сельская жизнь" № 12 (20596) за 14.01.1989 г. в статье публициста Агильдиева "Расставание" было написано: "Он (то есть Сталин) держал на свое имя крупный счет в одном из швейцарских банков, деньгами воспользовалась его наследница, дочь Светлана, уехавшая за рубеж".

Интересно знать, какая была сумма? И как могла воспользоваться ею Светлана, ведь она в 1957 году отказалась от фамилии Сталина и взяла фамилию своей матери?

Н.В. Клотков,
с. Покровка Октябрьского района Приморского края".

Эти утверждения не имеют каких-либо документальных подтверждений. У И.В. Сталина никогда не было за рубежом никаких вкладов, а в СССР — 3000 рублей (30 000 в дореформенном исчислении), которые были разделены его наследниками. Светлана Аллилуева после выезда из СССР жила на собственные, заработанные писательским трудом деньги и на получаемые ею пожертвования от частных граждан и организаций.

В очень многих письмах выражается протест против установления С. Аллилуевой (да и, наверное, не только ей) после возвращения в СССР каких-то благ.

"...По возвращении в СССР ей (Аллилуевой) была немедленно предоставлена квартира, назначена пенсия, выделена автомашина для выезда. В этой связи возникает вопрос: а за какие же заслуги ей предоставлена пенсия и другие блага? Может, за отца, или она сама чем-то их заслужила, о чем не написано в статье? Ведь простому смертному человеку, чтобы заслужить пенсию, нужно всю жизнь честно трудиться до определенного возраста. А чтобы получить квартиру в Москве или другом городе, то это и совсем уж недоступно, не говоря о машине.

Буду очень признателен, если получу ответ на страницах "АиФ". Думаю, что это интересует не только меня и моих знакомых.

Н.К. Никифоров, г. Гродно".

"Где найти слова, чтобы выразить негодование?

Я колхозник, в годы Великой Отечественной войны дошел до Берлина. Имею ранение, в Берлине контужен. За ШАГИ от Курской дуги до Берлина (Рейхстага) имею три боевых ордена, но до сих пор живу в общежитии.

А Аллилуевой и квартира и машина — ГДЕ ПРАВДА??

П.Г. Шадрин, г. Искитим, Новосибирская область".

Как ни тяжело, но приходится признать, что несправедливость была допущена большая — никаких льгот С. Аллилуева не заработала. В данном случае перед нами уродливое проявление правительственного меценатства за народный счет периода застоя, с чем перестройка стремится покончить навсегда.

Несмотря на то, что воспоминания С. Аллилуевой в СССР никогда не публиковались, тем не менее они существуют в нашем обиходе в виде различных рукописных вариантов, переписываются, перепечатываются, кочуют из рук в руки, рождая множество слухов и толкований.

"Слышал, что Светлана Аллилуева издала за рубежом книгу — "За кулисами Кремля" и что эта книга издана у нас и хранится в архиве.

А.И. Гольцов, г. Норильск".

"Прошу разъяснить: книга "Двадцать писем к другу" является ли политически вредной, клеветнического содержания произведением?

Разъяснение этого вопроса может оказать неоценимую помощь многим и многим в нашей стране, которые во времена застоя имели (и сейчас, наверное, многие имеют) ее полностью или ее часть в виде машинописной рукописи.

Мне кажется, что человека нашей страны, если он предан делу партии и всему, что связывает его с Родиной, не может поколебать никакая антисоветская литература. Он сам может отличить, что хорошо и что плохо. А человека-предателя, запрещай не запрещай, все равно запретами не сделаешь преданным Родине.

Поэтому, мне кажется, знать, что говорят и пишут наши друзья и враги, надо всем. И только в этом случае каждый покажет свое лицо, кто есть кто.

К.С. Тер-Абрамян, г. Ереван".

Как и всякие мемуары, работы С. Аллилуевой окрашены ее личным восприятием, не всегда свободны от ошибок и субъективных толкований событий. Тем более что, по собственным признаниям автора, в них вносилось слишком много конъюнктурных правок. Сегодня с первоисточниками произведений С. Аллилуевой можно познакомиться в Библиотеке имени В.И. Ленина в Москве. Они не скрыты от читателя и у разных людей вызывают различные, порой прямо противоположные оценки.

...Приведенные выше мифы и легенды о семье И.В. Сталина, конечно, не исчерпывают полностью все их множество и разнообразие. Но их существование говорит о неизбывном интересе к жизни И.В. Сталина, и не только к политической сфере его деятельности, но и чисто житейской.

В таких фигурах, как Сталин, всегда есть нечто магическое. Поэтому, разгадывая тайну их власти, люди интересуются всеми подробностями их жизни.

ЖЕНА СТАЛИНА

Предки Надежды Сергеевны Аллилуевой, жены И.В. Сталина, происходили из крепостных. Дед ее Яков Тимофеевич Аллилуев и бабушка Марфа Петровна родились крепостными и оба принадлежали к дворовым помещика Трежевского. Яков был определен кучером, а Марфа — горничной. В дворовых при барском доме были также и все их родичи. После освобождения от крепостной зависимости Аллилуевы поселились в селе Раменье Новохоперского уезда Воронежской губернии, где глава семейства умер от холеры, а его жена работала поденщицей, обшивала односельчан, но прокормить семью ей удавалось с трудом. Жили в большой нужде. Родители Надежды были профессиональными революционерами. Об этом можно судить по документам*, сохранившимся в политических архивах:

"ПОСТАНОВЛЕНИЕ:

1905 г. января 13 дня я и.д. московского градоначальника генерал-майор Руднев, принимая во внимание имеющиеся в отделении по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве сведения о жене крестьянина Воронежской губ. Новохоперского уезда Ярковской вол. Ольге Евгеньевне Аллилуевой и руководствуясь ст. 21 Положения о государственной охране, высочайше утвержденного в 14-й день августа 1881 года, постановил: задержанную Аллилуеву, впредь до разъяснения обстоятельств дела, заключить под стражу при Московской губернской тюрьме с содержанием, согласно ст. 1043 Уст. угол. судопр., в отдельном помещении. Настоящее постановление, на основании 431 ст. того же устава, объявить арестованной, а копию с постановления перепроводить прокурору Московской судебной палаты и в место заключения задержанной.

Постановление арестованной Аллилуевой предъявлено, но расписаться в объявлении такового она отказалась.

Генерал-майор Руднев.

Тов. пом. нач. тюрьмы (подпись)

Настоящее постановление объявлено".

Сохранился протокол допроса и отца Надежды Сергеевны: "1905 г. февраль 16 дня в Москве, я отдель.корп.жандармов подполковник Бабчинский, на основании 1035 статьи угол. суд., в присутствии тов. прокурора моск. окружн. суда С.Е. Виссарионова, с соблюдением 403 ст. того же устава, допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, который показал:

1. Зовут меня (фамилия, имя, отчество, замужние упоминают первоначальную свою фамилию) Сергей Яковлевич Аллилуев.

2. От роду имею 39; родился в 1866 г. сентября 25 дня, в Воронежской губ. Новохоперского уезда Ярковской вол. села Раменье.

3. Вероисповедание: православного.

4. Народность: великоросс.

5. Происхождение: крестьянское, дер. Раменье.

6. Подданство: русского.

7. Звание: крестьян.

8. Место постоянного жительства: г. Москва, Владимиро-Долгоруковская ул., д. Егорова.

9. Место приписки к сословию:

10. Место приписки в отношении к воинской повинности: Новохоперское по воинск.повин. Присутствие: в 1889 г. призывался и зачислен в ратники ополчения 2 разряда.

11. Занятие или ремесло: слесарь и машинист.

12. Средства к жизни: заработок личный.

13. Семейное положение (имя и отчество жены или мужа, имена детей, возраст, занятие и место жительства их): женат на тифлисск. гражд. Ольге Евгеньевой Федоренко, 27 лет; проживают со мной, дети: Павел, Федор, Анна и Надежда — малолетние.

14. Родственные связи (родители, братья, сестры, имена и отчества их, возраст, место постоянного жительства их и занятие): братья: Михаил 43 г., на ст. Урюпино, обл. Войска Донского, приказчик; Павел — 35 лет, в Борисоглебске Тамбовской губ., портной; сестра Мария по мужу Карина, в Борисоглебске, муж — столяр.

15. Место их постоянного жительства родителей или заменяющих лиц...

16. Экономическое положение родителей...

17. Место воспитания и на чей счет воспитывался, название учебных заведений, год поступления и окончания их: домашнее...

18. ....

19. Был ли за границей, где, когда и с какой целью: не был.

20. Привлекался ли к дознанию или следствию по делам о преступных деяниях государственных; если привлекался, то когда, где по какому делу и чем таковое закончилось: привлекался в 1900 г. при Тифлисском губ. жанд. упр. за участие в стачке на железной дороге, дело прекращено; 1902 г. — также по обвинению в тайном сообществе; в 1903 г. там же был задержан, но обвинение не предъявлялось. Воспрещено жительство на Кавказе.

21. Был ли под судом или следствием по делам общеуголовного характера: не был.

На предложенные мне вопросы отвечаю: я не признаю себя виновным в участии в сообществе, заведомо поставившим своею целью деятельность ниспровержения в России существующего строя. Никакого Чцкаева я не знаю и никогда никаких прокламаций я не ожидал от кого бы то ни было получить. В октябре 1904 г. я приехал из Серпухова в Москву приискать работу, но никакого знакомства с рабочими я в Москве не имел. У меня жил на хлебах аптекарьский помощник Цхомелидзе, но бывал ли кто-нибудь, я не видел, найденные в кофточке жены моей прокламации предъявлены мне чинами полиции при обыске, но раньше я их не видел и откуда они попали к нам в квартиру, я не знаю.

Сергей Яковлевич Аллилуев
Подполковник Бабчинский
Товарищ прокурора С. Виссарионов".

Соответствующие меры к родителям Надежды приняты были незамедлительно. Однако вновь обратимся к документам.

"Начальник Моск. Губ. Жанд. Упр.
3 марта 1905 г. № 2698
Господину начальнику моск. охранного отделения.

Секретно.

Привлеченный при вверенном мне управлении к дознанию по обвинению в преступлении, предусмотренном 126 ст. УГ крест. Воронежской губ., Новохоперск.у., с. Раменья, Сергей Яковлевич Аллилуев, согласно состоявшегося в дознании постановления на основании 2-й ч., 416 ст. Уст. уг. суд., отдан под особый надзор полиции.

В следствии изложенного, препровождая при нем упомянутого Аллилуева, прошу распоряжения вашего высокоблагородия об учреждении за ним особого надзора и о последующем меня уведомить.

Приложение: метрическ. свидетельство о рождении и крещении Сергея Аллилуева от Воронежск. дух. консистории, 1866 г. за № 10952 и выписка из метрической книги о рождении Ольги Аллилуевой от Тифлисской больнич. церкви от 3 января 1878 г.

Полковн. Соболев
Полковн. Бачинский".

"Начальник Донск. Област. Жанд. Управл.
20 мая 1905 г.
№ 2362 на № 3039
(Запросить на родине 24 мая).
Начальнику Московского губернского жандармского управления.

Секретно.

Сообщаю, что привлеченный при вверенном вам управлении и состоящий под особым надзором полиции крестьянин Сергей Яковлев Аллилуев по прибытии в г. Ростов-на-Дону скрылся и, по произведенному розыску, в гг. Ростове и Нахичевани-на-Дону на жительстве не оказался, почему названный надзор полиции за Аллилуевым не мог быть учрежден.

Ротмистр (подпись)".

Брак Сергея Яковлевича с Ольгой Евгеньевной был заключен в молодые годы. "Жена моя, — писал впоследствии С.Я. Аллилуев, — Ольга Евгеньевна, с первых дней замужества примкнула к революционному движению. Постоянно выполняя поручения подпольной организации, она на всем протяжении моего революционного пути всегда оставалась моим верным спутником и помощником".

Брак этот был счастливым.

Надежда родилась в Баку, детство ее прошло на Кавказе. В Петербурге училась в гимназии. В Тбилиси произошло знакомство будущего тестя с зятем, хотя о таком родстве оба они тогда вряд ли могли даже предполагать. По семейному преданию, в 1903 году Иосиф Сталин спас Надежду, когда она в двухлетнем возрасте, играя в Баку на набережной, свалилась в море, и он вытащил ее из воды. Через четырнадцать лет они встретились — шестнадцатилетняя гимназистка и тридцативосьмилетний ссыльный революционер, вернувшийся из Сибири.

Если судить по дневниковым записям Надежды, то накануне Великой Октябрьской социалистической революции она была далека от политики.

"Уезжать из Питера мы никуда не собираемся. С провизией пока что хорошо. Яиц, молока, хлеба, мяса можно достать, хотя дорого. В общем, жить можно, хотя настроение у нас (и вообще у всех) ужасное, временами плачешь: ужасно скучно, никуда не пойдешь. Но на днях с учительницей музыки была в музыкальной драме и видела "Сорочинскую ярмарку", остались очень довольны. В Питере идут слухи, что 20-го октября будет выступление большевиков, но это все, кажется, ерунда. 1 октября 1917 года".

"...Я теперь в гимназии все воюю. У нас как-то собирали на

чиновников деньги, и все дают по два, по три рубля. Когда подошли ко мне, я говорю: "Я не жертвую". Меня спросили: "Вы, наверное, позабыли деньги?" А я сказала, что вообще не желаю жертвовать. Ну и была буря! А теперь все меня называют большевичкой, но не злобно, любя...

Я уже два месяца занимаюсь по музыке, успехи — так себе, не знаю, что будет дальше. А пока до свидания. Мне еще надо несчастный Закон Божий учить. 11 декабря 1917 года".

"Занятия в гимназии идут страшно вяло. Всю эту неделю посещаем Всероссийский съезд Советов Раб. и Солд. и Крест. депутатов. Довольно интересно, в особенности, когда говорят Троцкий или Ленин, остальные говорят очень вяло и бессодержательно. Завтра, 17 января, будет последний день съезда и мы все обязательно пойдем. 16 января 1918 года".

"...В Питере страшная голодовка, в день дают восьмушку фунта хлеба, а один день совсем не давали. Я даже обругала большевиков. Но с 18-го февраля обещали прибавить. Посмотрим!.. Я фунтов на двадцать убавилась, вот приходится перешивать все юбки и белье — все валится. Меня даже заподозрили, не влюблена ли я, что так похудела...

Приехал к нам на десять дней Павлуша и опять уехал. Он записался в новую социалистическую армию, хотя говорит, что ему страшно надоел фронт. Мама его бранила, а мы на "ура" подняли. Отец тоже хочет записаться, но, конечно, шутит..."

Вскоре И. В. Сталин и Н. С. Аллилуева поженились. Жили в Москве. Надежда работала в секретариате В.И. Ленина у Л.А. Фотиевой, была вместе с мужем на Южном фронте.

В 1921 году у них родился первый ребенок, которого назвали Василием. Мальчиком в основном занимались родители жены и прислуга.

Надежда постепенно включалась в активную общественную жизнь. В 1923 году она стала кандидатом в члены ВКП(б).

В 1926 году в семье Сталиных родилась дочка. Назвали ее Светланой. Надя в это время активно участвовала в общественной работе. Основные обязанности по уходу за девочкой лежали на воспитательнице.

Надежда была крайне скромной женщиной. Внук ее, А.В. Бурдонский, в интервью газете "Вечерняя Москва" привел очень характерный пример: "Как-то в пятидесятые годы сестра бабушки — Анна Сергеевна Аллилуева передала нам сундук, где хранились вещи Надежды Сергеевны. Меня поразила скромность ее платьев. Старая кофта с заплатами под мышками, поношенная юбка из темной шерсти, с изнанки вся в заплатах. И это носила молодая женщина, о которой говорили, что она любила красивые наряды".

Брак Аллилуевой нельзя назвать счастливым. Сталин чаще всего был занят работой. Большую часть своего времени проводил в Кремле. Жене явно не хватало его внимания. Она несколько раз уходила от него вместе с детьми, а незадолго до смерти даже заявила о своем намерении после окончания Промышленной академии переехать к родственникам. Безусловно, она была в курсе дел мужа. В ее присутствии 23 декабря 1922 года дежурный секретарь В.И. Ленина М. Володчиева передала Сталину копию ленинского "Письма к съезду" (к XII съезду ВКП(б)). "Был поздний час, — вспоминает М. Володчиева, — когда я вернулась в секретариат. Я долго сидела там подавленная, стараясь осмыслить все услышанное у Ленина. Его письмо показалось мне очень тревожным. Я позвонила Лидии Александровне Фотиевой (секретарь Совнаркома) и сказала ей, что Ленин продиктовал мне чрезвычайно важное письмо очередному съезду партии, и спросила, что сделать, не показать ли кому-нибудь, может быть, Сталину?.. "Ну, что же, покажите Сталину", — сказала Лидия Александровна. Так я и сделала.

В квартире Сталина я увидела его самого, Надежду Сергеевну Аллилуеву, С. Орджоникидзе, Н.И. Бухарина, Назаретяна...

Для меня было важным довести до сведения Сталина, что хотя Владимир Ильич и прикован к постели, но он бодр, речь его течет бодро и ясно. У меня создалось впечатление, что Сталин был склонен объяснить ленинское "Письмо к съезду" болезненным состоянием Ильича. "Сожгите письмо", — сказал он мне".

В этом письме, как известно, В.И. Ленин в категорической форме выразил свое осуждение поведения И.В. Сталина, который допустил грубость по отношению к Н.К. Крупской: "Согласны ли взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения?" В ответе же Сталина на это письмо можно увидеть и его отношение к собственной жене. Вот что пишет М. Володчиева: "Передавала письмо (от Ленина – Сталину) из рук в руки. Я просила Сталина написать письмо Владимиру Ильичу, т.к. он ожидает ответа, беспокоится. Сталин прочел письмо стоя, тут же, при мне. Лицо его оставалось спокойным. Подумал и произнес медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, делая паузы между ними: "Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь. Я — не медик. Я — политик. Я — Сталин. Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали бы, я не счел бы себя вправе вмешиваться в это дело. А Крупская — член партии. Раз Владимир Ильич настаивает, я готов извиниться перед Крупской за грубость".

Что открыла для себя в Сталине его жена Надежда Сергеевна Аллилуева и что она знала о нем такое, что сделало ее жизнь

невозможной, — наверное, уже никогда узнать не удастся. Ее психика этого не выдержала, и в ночь с 8 на 9 ноября 1932 г. произошел роковой выстрел.

10 ноября в "Известиях" было объявлено о создании комиссии по организации похорон, в которую вошли: Енукидзе (председатель), Петерсон, Хазан, Каганович (Промакадемия), Паукер и Рубен. Некролог о смерти Надежды Сергеевны Аллилуевой подписали: Екатерина Ворошилова, Полина Жемчужина, Зинаида Орджоникидзе, Дора Хазан, Мария Каганович, Татьяна Постышева, Айхен Микоян. 11 ноября в "Известиях" были напечатаны стихи Демьяна Бедного "У смерти есть свое жестокое коварство". Тогда же было опубликовано сообщение ТАСС: "У могилы выступили Каганович и Калашников (Промакадемия) и Бухарин (Краснопресненский РК)".

Существуют три версии гибели Надежды Аллилуевой.

Первая, что она застрелилась. Об этом довольно подробно написано в воспоминаниях ее дочери Светланы "Двадцать писем к другу".

Вторая, что ее застрелил И.В. Сталин. Вот что об этом рассказал в письме Иван Спиричев из города Константиновска Ростовской области: "Вспоминаю: я студент первого курса Ставропольского пединститута. Готовлю по математике и физике ученика девятого класса, сына известного в городе доктора, работавшего в краевом управлении НКВД.

В тот день беру номер "Правды" — некролог; в котором говорилось, что Надежда Сергеевна Аллилуева умерла от болезни сердца. Придя на занятие на квартиру ученика, сообщаю им это известие. Мой школяр с какой-то непонятной ухмылкой спрашивает у меня: "А вы знаете, как она померла?" Лица его родителей при этом побледнели. Я почувствовал, что тут что-то не так, и решил разрядить обстановку. Одернул ученика, сказав ему: "Помолчи-ка лучше, ты много слишком знаешь". Разговор был прерван.

После занятий ученик имел обыкновение провожать меня до общежития, где я жил. Вышли из их квартиры на улицу, и он опять начал разговор об Аллилуевой. Говорит: "Ее застрелил Сталин!" Спрашиваю, откуда у него такие сведения? Отвечает: "Папа был сегодня на работе в управлении НКВД и там все время об этом разговоры идут".

Значительно позже я слышал передачу какой-то западной радиостанции (кажется, "Голос Америки" из Вашингтона), там тоже речь шла об убийстве. Говорилось, что Аллилуева входила в группу "Девяноста двух", оппозиционную Сталину, и готовилась на ближайшем съезде партии разоблачить "вождя народов". Где же истина?"

Автор письма и сам, очевидно, не уверен в правдивости этой

информации, если спрашивает об истине. Хотя это же свидетельствовала Фаина Гамарник — о чем уже рассказывалось.

А вот прислуга в доме Сталиных, обнаружившая Надежду Аллилуеву мертвой, утверждала, что она застрелилась ночью. Врачи были вызваны женой Молотова Полиной Семеновной Жемчужиной, которая передала подробности своей подруге Эмилии Владимировне Быстровой (бывшей в то время заместителем наркома легкой промышленности; она здравствует и теперь). Э.В. Быстрова со слов П.С. Жемчужиной утверждает, что смерть Н.С. Аллилуевой произошла ночью в результате самоубийства, и что И.В. Сталин узнал об этом только утром.

По третьей версии Надежду Аллилуеву застрелили по приказу мужа.

Две последние версии, видимо, никогда не найдут подтверждения и могут существовать только в виде предположений из-за отсутствия каких-либо документальных сведений.

Никита Сергеевич Хрущев, учившийся вместе с женой И. Сталина и хорошо ее знавший, впоследствии сказал по этому поводу: "...Я с глубоким уважением относился к Надежде Аллилуевой. Она так отличалась от Сталина! Мне всегда нравилась в ней скромность...

Потом Надя покончила с собой. Она умерла при загадочных обстоятельствах. Но как бы она ни умерла, причиной ее смерти были какие-то действия Сталина, и Светланка, должно быть, знала об этом. Ходил даже слух, что Сталин застрелил Надю. Согласно другой версии, которая представляется мне более правдоподобной, Надя застрелилась из-за оскорбления, нанесенного ее женскому достоинству. Светланка, несомненно, что-то знала о том, почему погибла ее мать, и она очень сильно переживала".

Что же могла знать дочь Сталина? И как она вообще описала похороны матери, состояние отца? Это представляет большой интерес еще и потому, что многие москвичи, наблюдавшие похороны жены Сталина, утверждают, будто они видели идущих за гробом дочь и чуть поодаль отца. В своих письмах многие пишут, что они даже подходили к Сталину вплотную, трогали его. Якобы он был без головного убора, бледен, на лицо был нанесен грим, так как оспин не было видно.

В воспоминаниях Светлана Аллилуева засвидетельствовала: "...Отец был потрясен случившимся. Он был потрясен, потому что он не понимал: за что? Почему ему нанесли такой ужасный удар в спину? Он был слишком умен, чтобы не понять, что самоубийца всегда думает "наказать" кого-то — "вот, мол, на, вот тебе, ты будешь знать!". Это он понял, но он не мог осознать — почему? За что его так наказали?

И он спрашивал окружающих: разве он был невнимателен?

Разве он не любил и не уважал ее как жену, как человека? Неужели так важно, что он не мог пойти с ней лишний раз в театр? Неужели это важно?

Первые дни он был потрясен. Он говорил, что ему самому не хочется больше жить... Отца боялись оставить одного, в таком он был состоянии. Временами на него находила какая-то злоба, ярость. Это объяснялось тем, что мама оставила ему письмо.

Очевидно, она написала его ночью. Я никогда, разумеется, его не видела. Его, наверное, тут же уничтожили, но оно было, об этом мне говорили те, кто его видел. Оно было ужасным. Оно было полно обвинений и упреков. Это было не просто личное письмо: это было письмо отчасти политическое. И, прочитав его, отец мог подумать, что мама только для видимости была рядом с ним, а на самом деле шла где-то рядом с оппозицией тех лет.

Он был потрясен этим и разгневан и когда пришел прощаться на гражданскую панихиду, то, подойдя на минуту к гробу, вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, ушел прочь. И на похороны он не пошел. Хоронили маму друзья, близкие, шагал за гробом ее крестный — дядя Авель Енукидзе. Отец был выведен из равновесия надолго. Он ни разу не посетил ее могилу на Новодевичьем. Он не мог. Он считал, что мама ушла как его личный недруг".

Утверждение С. Аллилуевой о том, что ее мать оставила политическое завещание, не подтверждает Э.В. Быстрова, знающая все подробности гибели Надежды Сергеевны и последующих за этим событий.

18 ноября 1932 года в центральных газетах было опубликовано письмо И.В. Сталина, в котором он благодарил организации, учреждения и отдельных лиц, выразивших соболезнования по поводу кончины Н.С. Аллилуевой-Сталиной.

Кстати, своим свидетельством о том, что ее отец не был на похоронах матери, С. Аллилуева еще в 1967 году подвергла сомнению достоверность некоторых положений биографической хроники Сталина, и в частности то, что "11 ноября 1932 г. И.В. Сталин провожает гроб с телом Н.С. Аллилуевой-Сталиной на Новодевичье кладбище" (Сталин И.В. Полн.собр.соч., т. 13, М., Госполитиздат, 1951, с. 411).

Однако это положение и до наших дней перекочевывает из одной работы в другую.

Вот что пишет пенсионер Ф.А. Гутченков из поселка Виноградного Краснодарского края: "В журнале "Смена", № 13 за 1988 год под рубрикой "К 70-летию ВЛКСМ. Живая память" написано: "Шагая по трупам собственного произвола, Сталин, этот искусный актер, разыгрывал роль скорбящего об утрате друга точно так же, как он шел по улицам Москвы за гробом

своей жены Аллилуевой, которую сам довел до самоубийства".

А вот свидетельство писателя Л. Разгона, опубликованное в журнале "Юность", 1988, № 5: "...Сталин посыпал главу пеплом и изобразил глубочайшее раскаяние.

Скульптор воздвиг на могиле Аллилуевой прекрасный памятник из белого мрамора, напротив бюста покойной была устроена мраморная скамейка, на которую приезжал тосковать безутешный супруг. Специальный прожектор освещал милое лицо Аллилуевой и ее прекрасную белую мраморную руку, за ближайшими надгробьями пряталась охрана. Все Новодевичье кладбище было предварительно прочесано и оцеплено, никто не мог помешать Сталину предаваться скорби. А также размышлениям о тех, кто посмел "возмутиться". Думаю, что тогда в его великолепной памяти начали откладываться списки обреченных. Но все это было потом. А пока смерть и похороны жены стали для Сталина некоей меркой отношения к нему. Он требовал сочувствия и проявления любви. Естественно, не к Аллилуевой, а к себе. Тело покойной лежало в Хозяйственном управлении ЦИК, которое занимало теперешнее здание ГУМа, мимо гроба проходил поток людей, в почетном карауле стояли все верные соратники, в газетах печатались выражения беспредельного сочувствия Сталину.

А сам Сталин постоянно сидел у гроба и зоркими, все видящими, желтыми своими глазами всматривался: кто пришел, кто как себя ведет, какое у кого выражение лица... Это было свойство его характера. И ничего не зная о похоронах Аллилуевой, точно об этом написал Борис Слуцкий в своем стихотворении: "Когда меня он плакать заставлял, ему казалось — я притворно плачу..."

Почти об этом же пишет в своих воспоминаниях Константин Симонов "Глазами человека моего поколения" ("Знамя", № 3 за 1989 г., с. 34): "...Мы не знали того, что действительно произошло в семье Сталина, не знали трагического поворота отношений его с женой, до нас доходили слухи о нем как о виновнике ее смерти, но мы знали, что он шел за гробом, и сочувствовали его потере..."

Следует внести ясность. "Мой отец, член КПСС с 1919 года, — пишет москвич А.Ф. Ревзин, — учился в Промакадемии вместе с Н.С. Аллилуевой и Н.С. Хрущевым. Он рассказывал мне, что после трагедии с Н.С. Аллилуевой его и еще нескольких студентов направили на ее похороны. В ГУМе присутствовал И.В. Сталин. Так что на начальной части процедуры похорон он присутствовал".

Но есть многочисленные свидетельства очевидцев, которые утверждают, что Сталин был и на кладбище. Их письма приводились в первой главе.

Итак, Светлана Аллилуева, непосредственный участник, засвидетельствовала, что отец на похоронах не был.

Изучение фотографий, беседы с немногими ныне здравствующими родственниками И.В. Сталина (по их просьбе фамилии не называются), бывшими на похоронах, позволяют утверждать — со Сталиным спутали А. Сванидзе, брата первой жены И.В. Сталина.

Если бы за гробом шел "сам", то на заборах никто бы не сидел, а тем более не сумел бы подойти к нему вплотную. Его охрана была поставлена безукоризненно.

Трагична судьба многих близких Надежды Сергеевны Аллилуевой. В 1938 году был арестован муж ее сестры Анны, работник НКВД Реденс. Незадолго до ареста он был откомандирован к новому месту службы в Казахстан, через некоторое время отозван оттуда, арестован и вскоре расстрелян.

П.С. Аллилуев, брат Надежды Сергеевны, работал военным комиссаром в автобронетанковом управлении РККА. Вернувшись после очередного отпуска, он не обнаружил своих сотрудников, подвергшихся арестам. Тут же, в кабинете он умер от сердечного приступа.

Анна Сергеевна Аллилуева и жена Павла Сергеевича вскоре были заключены в тюрьму по обвинению в "шпионской деятельности". Освобождены они были лишь в 1954 году. Причем Анна Сергеевна провела шесть лет в одиночке, вышла с тяжелым расстройством психики. В ходе следствия ей было предъявлено обвинение в том, что она "среди своего окружения распространяла клеветнические измышления в отношении главы Советского правительства". Под давлением — с применением пыток со стороны группы следователей во главе с заместителем начальника следственной части по особо важным делам Министерства государственной безопасности СССР Комаровичем — Анна Сергеевна признала себя "виновной" в шпионаже, снабжении иностранной разведки информацией о личной жизни Сталина, антисоветской пропаганде, принадлежности к контрреволюционной организации. В определении военной коллегии, вынесенном в ходе ее реабилитации в 1954 году, сказано, что ее показания, как и показания свидетелей, были получены "в результате незаконных методов ведения следствия".

Трагична и судьба брата первой жены Сталина — Алеши Сванидзе, того самого, которого спутали на похоронах со Сталиным. Накануне войны он также был арестован, как и его жена. Несмотря на пытки, показаний на себя от него не добились. Его расстреляли в 1942 году. Его жена, находившаяся в ссылке и там получившая сообщение о смертном приговоре, умерла от разрыва сердца. Сестра Алексея Сванидзе — Марико, работавшая в секретариате А. Енукидзе, была арестована и тоже погибла в

тюрьме. Не избежал ссылки и сын А. Сванидзе — он был сослан в Казахстан.

Такова семейная трагедия.

СТАРШИЙ СЫН

7 августа 1941 года А.А. Жданов ознакомился с документом такого содержания.

"**Секретно.**

Члену Военного Совета Северо-Западного направления тов. А.А. Жданову.

Направляю Вам 3 листовки, сброшенные с самолетов противника на линии нашего фронта.

Приложение: 3 листовки, только адресату.

Начальник Политического управления
Северо-Западного фронта

7 августа 1941 г.
(подпись неразборчива)."

Приводим их полный текст: "Товарищи красноармейцы! Неправда, что немцы мучают вас или даже убивают пленных! Это подлая ложь! Немецкие солдаты хорошо относятся к пленным! Весь народ обманывают! Вас запугивают, чтобы вы боялись немцев! Избегайте напрасного кровопролития и спокойно переходите к немцам!"

Здесь же фотография двух немецких офицеров с пленным, ниже текст: "Немецкие офицеры беседуют с Яковом Джугашвили. Сын Сталина, Яков Джугашвили, старший лейтенант, командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии сдался в плен к немцам. Если уже такой видный советский офицер и красный командир сдался в плен, то это показывает с очевидностью, что всякое сопротивление Германской армии совершенно бесцельно. Поэтому кончайте все войну и переходите к нам!"

На обороте листовки копия рукописного текста:

"Дорогой отец! Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей Германии. Обращение хорошее. Желаю здоровья, привет всем. Яков".

На нижней кромке второй страницы типографским шрифтом комментарий: "Письмо Якова Джугашвили к своему отцу Иосифу Сталину, доставленное ему дипломатическим путем".

На сегодняшний день нет документальных подтверждений того, что это письмо было передано И.В. Сталину, однако же не вызывает сомнения тот факт, что А.А. Жданов проинформиро-

вал Сталина. Член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), член Военного совета Северо-Западного направления пользовался особым доверием Сталина и неоднократно встречался с его сыном как у Сталина, так и у себя дома.

Я. Джугашвили был сыном Сталина от первого брака.

Его мать, Екатерина Сванидзе, женщина бедная, воспитывала сына, работая то портнихой, то прачкой и отдавая скудные заработки своему отцу. В 1908 году в возрасте двадцати двух лет она скончалась от брюшного тифа. После смерти матери Якова воспитывала сестра. Позднее он переехал к отцу в Москву, где окончил девятилетнюю школу.

Свидетели и очевидцы, знавшие его, говорят о скромности Якова Джугашвили. Вот что написал по этому поводу москвич Е.И. Чалых:

"С 1939 года по март 1941-го я служил в 3-м эксплуатационном железнодорожном полку ЗабВО, входившем в гарнизон станции. Мы в составе паровозных бригад обеспечивали воинские перевозки в район Халхин-Гола.

Вместе со мной в одном взводе служили москвичи, окончившие Московский институт инженеров транспорта: Геннадий Легков, Натан Рудницкий и другие.

О Яше Джугашвили, сыне Сталина, с которым они вместе учились в МИИТе, они рассказывали следующее.

Яша был скромным и весьма порядочным человеком. Нигде, как теперь говорят, не возникал. Очень любил играть в шахматы. И, как правило, становился победителем почти всех институтских шахматных соревнований.

Рассказывали и эпизод поступления Якова в МИИТ. По их словам, никто ни в приемной комиссии, ни в дирекции не обратил внимания на фамилию Джугашвили, и, таким образом, никак не думали, что это сын Сталина, подавший документы в институт.

И вот однажды, в конце приемных испытаний, позвонили директору института и сказали, что с ним будет говорить товарищ Сталин. По словам очевидцев, растерявшийся директор, у которого, видно, "сердце свалилось в колени", трясущейся рукой взял телефонную трубку и потерянным голосом пролепетал:

— Слушаю вас, товарищ Сталин!

— Скажите, Яков Джугашвили выдержал экзамены, принят в ваш институт?

Директор, даже толком не соображая, о ком идет речь, подобострастно ответил:

— Да, товарищ Сталин, Джугашвили принят в наш институт!"

Многие черты характера Якова Джугашвили можно определить по документам, хранящимся в его личном деле в Цент-

ральном архиве Министерства обороны СССР. Автобиография написана им собственноручно. Почерк мелкий. Много исправлений. Определенные выводы можно сделать и из партийной характеристики и аттестации.

Автобиография:

"Родился в 1908 г. в г. Баку, в семье профессионального революционера. Ныне отец Джугашвили — Сталин И.В. находится на партийной работе. Мать умерла в 1908 г. Брат Василий Сталин занимается в авиашколе. Сестра Светлана — учащаяся средней школы г. Москвы.

Жена Юлия Исааковна Мельцер родилась в Одессе в семье служащего. Брат жены — служащий г. Одессы. Мать жены –домохозяйка г. Одессы. До 1935 г. жена на иждивении отца — училась. С 1936 г. по 1937 г. работал на электростанции завода им. Сталина в должности дежурного инженера-трубочиста. В 1937 г. поступил на вечернее отделение Артакадемии РККА.

В 1938 г. поступил на 4 курс 1 факультета Артакадемии РККА.

Джугашвили Я.И.
11.VI.39 г."

"ПАРТИЙНАЯ (ПОЛИТИЧЕСКАЯ) ХАРАКТЕРИСТИКА
на члена ВКП(б) V курса 1 факультета Артиллерийской ордена Ленина академии К.А. им. Дзержинского
ДЖУГАШВИЛИ Якова Иосифовича

Член ВКП(б) с 1941 года, партбилет № 3524864, год рождения 1908, служащий. Делу партии ЛЕНИНА–СТАЛИНА предан. Работает над повышением своего идейно-теоретического уровня. Особенно интересуется марксистско-ленинской философией. Принимает участие в партийной работе. Участвовал в составе редколлегии стенной газеты, проявил себя хорошим организатором.

К учебе относится добросовестно. Упорно и настойчиво преодолевает трудности. Пользуется авторитетом среди товарищей.

Партийных взысканий не имеет.

Характеристика утверждена на заседании партбюро от 14.4.41 г.

Секретарь партбюро 5 курса Тимофеев".

А вот аттестация Я.И. Джугашвили, данная ему накануне Великой Отечественной войны:

"Общее и политическое развитие хорошее. Дисциплинированный, исполнительный. Учебная успеваемость хорошая. Принимает активное участие в политической и общественной работе курса. Имеет законченное высшее образование (инженер-теплотехник). На военную службу поступил добровольно.

Строевое дело любит и изучает его. К разрешению вопросов подходит вдумчиво, в работе аккуратен и точен. Физически развит. Тактическая и артиллерийско-стрелковая подготовка хорошая. Общителен. Пользуется хорошим авторитетом.

Полученное знание в порядке академических занятий применять умеет. Отчетно-тактическое занятие в масштабе стрелковой дивизии провел на "хорошо". Марксистско-ленинская подготовка хорошая.

Партии Ленина–Сталина и социалистической Родине предан. По характеру спокойный, тактичный, требовательный, волевой командир. За время прохождения войсковой стажировки на должности командира батареи выявил себя вполне подготовленным. С работой справился хорошо. После кратковременной стажировки на должности командира батареи подлежит назначению на должность командира дивизиона. Достоин присвоения очередного звания капитан...

Заключение аттестационной комиссии:

Достоин диплома. Может быть использован на должности командира батареи".

В мае 1941 года Яков Джугашвили стал командиром артиллерийской батареи.

27 июня 1941 года батарея 14-го гаубичного артполка вступила в боевые действия. 4 июля попала в окружение.

О месте и дате пленения старшего лейтенанта Я. Джугашвили стало известно из немецкой листовки, доставленной в политический отдел 6-й армии Южного фронта. На ней резолюция: "Разбросаны в Никопольской области. 13.8.41 г. Начальник политотдела 6-й армии, бригадный комиссар Герасименко".

На листовке помещена фотография, ниже текст:

"Это Яков Джугашвили, старший сын Сталина, командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии, который 16 июля сдался в плен под Витебском вместе с тысячами других командиров и бойцов.

По приказу Сталина учат вас Тимошенко и ваши политкомы, что большевики в плен не сдаются. Однако красноармейцы все время переходят к нам. Чтобы запугать вас, комиссары вам лгут, что немцы плохо обращаются с пленными.

Собственный сын Сталина своим примером доказал, что это ложь. Он сдался в плен. Потому что всякое сопротивление Германской армии отныне бесполезно! Следуйте примеру сына Сталина — он жив, здоров и чувствует себя прекрасно. Зачем вам приносить бесполезные жертвы, идти на верную смерть, когда даже сын вашего верховного заправилы уже сдался в плен?

Переходите и вы!"

Фашистские идеологи рассчитывали, что прочтя эту фаль-

шивку, советские воины начнут массово сдаваться в плен. С этой целью на листовке был отпечатан пропуск для неограниченного количества переходящих на сторону германских войск командиров и бойцов нашей армии:

"**П р о п у с к**

Предъявитель сего не желал бессмысленного кровопролития за интересы жидов и комиссаров, оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону германских Вооруженных Сил. Немецкие солдаты и офицеры окажут перешедшему хороший прием, накормят и устроят на работу".

Яков Джугашвили был взят в плен четвертой танковой дивизией группы армий "Центр". Допрос был проведен в штабквартире командующего группой армий "Центр" генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге профессиональным шпионом капитаном Штрикфельдом, который впоследствии вспоминал об этом как о неудачной попытке завербовать Якова: "Хорошее, умное лицо со строгими грузинскими чертами. Держал себя выдержанно и корректно. Со своим отцом в последний раз перед уходом на фронт разговаривал по телефону. Компромисс между капитализмом и коммунизмом категорически отвергал. Не верил в окончательную победу немцев".

Ему были сделаны предложения написать письмо семье, выступить по радио, издать листовки. Все это было безоговорочно отвергнуто.

Тем не менее геббельсовская машина дезинформации работала на полном ходу. Были сфабрикованы и использованы различные варианты "кричащих" листовок: "Следуйте примеру сына Сталина! Он сдался в плен. Он жив и чувствует себя прекрасно. Зачем же вы хотите идти на смерть, когда даже сын вашего вождя сдался в плен? Мир измученной Родине! Штык в землю!"

Протокол допроса, как и немецкие листовки, не дают ответа на вопрос: как все-таки Я. Джугашвили попал в плен? В годы войны на фронте, читая листовки, многие не верили, что сделал он это добровольно.

Вот свидетельство участницы Великой Отечественной войны: "Мне кажется, что материал касается не только судьбы Якова Джугашвили, а всех, кто погиб в плену. Яков был не только командиром Советской Армии, а человеком, несшим на своих плечах тяжелый груз отцовской славы.

О пленении Якова и его дальнейшей судьбе у нас на фронте рассказывали много правдоподобных предположений и легенд. Одно из правдивых предположений, в которое я верила сама, я и хочу рассказать.

В 1942 году наша дивизия участвовала в оборонительных

сражениях на подступах к Сталинграду. Чтобы сломить наше сопротивление, фашисты не жалели сил и средств. Разбрасывали листовки с призывами к нашим солдатам сдаваться в плен, включали радиотрансляцию.

На одной из листовок я сама видела Якова в окружении немецких офицеров, с вымученной улыбкой. Фашисты листовок не жалели, поэтому читали листовки многие с возмущением. Много было разговоров, передаю один из разговоров буквально.

В минуты затишья около санитарной землянки сидели кружком солдаты и вели разговоры о Якове.

К разговору я не прислушивалась, но восклицание разведчика Катамадзе привлекло мое внимание: "Хе! Чтобы Яшка сдался добровольно в плен — брехня. За Яшкой охотились лучшие немецкие шпионы! Рядом с ним был предатель. Один раз его оглушили и уже потащили, но выручили друзья. После этого Яков стал замкнутым и подозрительным, сторонился людей, и это его погубило. Чтобы скомпрометировать И.В. Сталина, — Якова оглушили и выкрали".

Кто-то спросил: "Откуда знаешь?" Катамадзе ответил: "Друг сообщил".

Такое правдоподобное предположение о пленении Якова Джугашвили я слышала не один раз. Сопоставляя факты, невольно приходишь к выводу, что пленение Якова Джугашвили было актом насилия, предательства. Воинов грузинской национальности было много. Если это не предательство, то откуда фашистам стало известно, что Яков Джугашвили — сын Сталина? Очень жаль, что писатели и журналисты невнимательно относятся к воспоминаниям фронтовиков-ветеранов.

Порой незначительный фронтовой эпизод открывает перед нами картину войны, стойкость и мужество солдат. Обратитесь к фронтовикам, может быть, и найдется человек, знающий истину пленения Якова Джугашвили без домыслов и вымыслов.

Бывший военфельдшер Ковалева Лидия Никитична,
г. Москва".

А вот что говорится в другом документа, написанном очевидцем, участником Великой Отечественной войны И.Д. Дубовым:

"Я не только свидетель тех событий, но и непосредственный их участник.

Но все по порядку.

Я служил командиром радиоотделения 5-й батареи 14-го гаубичного артполка 14-й бронетанковой дивизии. О том, что 6-й батареей этого же полка будет командовать сын Сталина, мы узнали еще накануне войны.

Когда началась война, несколько дней ушло на перевооружение и переобмундирование полка. Затем мы своим ходом по Смоленской дороге двинулись на запад.

В районе станции Лиозно нам приказали занять позиции, где мы простояли несколько дней.

4 июля 1941 г. мы снова двинулись на запад, миновали г. Витебск и выбрали позиции западнее этого города, кажется, на восточной стороне р. Западная Двина. Здесь 5 июля впервые вступили в бой.

Наблюдательный пункт был один для всего дивизиона. На нем находился командир дивизиона, командиры 4-й, 5-й и 6-й батарей, а также разведчики, связисты и радисты. Я, как командир радиоотделения 5-й батареи, также находился здесь с несколькими радистами и радиостанцией 6-ПК. Естественно, здесь же был и Я. Джугашвили. 3 дня, 5, 6 и 7 июля, наша дивизия пыталась выбить немцев из занимаемых ими позиций, но отсутствие поддержки со стороны нашей авиации не позволило добиться этого, и мы каждый раз возвращались на исходные позиции.

Телефонная связь между НП и огневой позицией дивизиона часто обрывалась в результате артобстрелов. Тогда команды на ведение огня мне приходилось передавать по радио.

К концу дня 7 июля закрепленная за мной радиостанция вышла из строя. Необходимо было нести ее в мастерскую дивизии.

А в это время поступил приказ: ночью построить блиндажи на НП.

Всю ночь шли работы по рытью котлованов, заготовке бревен в ближайшем лесу и доставка их на НП. В это время на НП из числа красноармейцев и младших командиров оставались только те, кто копал котлован и периодически приносил бревна. Часовых не выставляли.

Я участвовал в доставке бревен на НП.

Из-за темноты почти невозможно было рассмотреть лица тех, кто находился на НП. Да и некогда было этим заниматься – нас торопили со строительством блиндажей.

К рассвету 8 июля блиндажи были построены, и я, с разрешения командира взвода, с двумя радистами и радиостанцией направился в мастерскую дивизии. Путь туда лежал мимо огневых позиций, где нам предложили позавтракать. Мы кончали завтрак, когда огневые позиции начала обстреливать немецкая артиллерия. Орудийные расчеты тягачами стали выводить орудия из-под обстрела. Мы с радиостанцией также направились к дороге. И вдруг встретились с автомашиной, на которой ехали все те, кто был на НП. Старшего лейтенанта Я. Джугашвили среди них не было.

Оказалось, что с утра 8 июля нашу дивизию передислоцируют на несколько десятков километров южнее.

Зачем же мы тогда ночью строили блиндажи? Немцы не

мешали нам перемещаться, только самолет-разведчик "рама" кружил над нами.

Вскоре началось отступление в восточном направлении.

Полк отходил в полном составе и в окружение не попадали ни он, ни 6-я батарея.

О том, что Я. Джугашвили оказался в немецком плену, я узнал позже из немецких листовок.

А как же он попал в плен?

Анализируя сказанное выше, можно прийти к выводу, что это случилось в ночь с 7 на 8 июля во время строительства блиндажей на НП. Темнота. Постоянное движение. Людей на НП мало. Часовых нет. Вероятно, этим и воспользовались немецкие разведчики.

Дату своего первого боя, как и первого боя батареи Я. Джугашвили, я запомнил на всю жизнь. Так же, как и дату последнего боя — 2 мая 1945 г. в г. Берлине.

Вполне возможно, что в документах, составленных командованием полка и дивизии, умышленно исказили факты, чтобы избежать неприятностей".

О пленении Якова Джугашвили в результате операции немецкой разведки есть и вот такое свидетельство:

"В июле 1941 года я был в прямом подчинении у старшего лейтенанта Я. Джугашвили.

По приказу командования наш взвод броневиков "БА-6" 26-го танкового полка был назначен в полевое охранение гаубичной батареи 14-го артиллерийского полка. Нам было приказано: в случае прорыва немцев и при явной угрозе увезти командира батареи Я. Джугашвили с поля боя.

Однако так случилось, что в ходе подготовки его эвакуации ему был передан приказ срочно явиться на командный пункт дивизиона. Следовавший с ним адъютант погиб, а он оттуда уже не вернулся. Мы тогда так и решили, что это специально было подстроено. Ведь приказ был уже об отступлении и, видимо, на КП дивизиона уже никого не было.

По прибытии на разъезд Катынь нас встретили сотрудники особого отдела. Нас троих — командира 1-го огневого взвода, ординарца Я. Джугашвили и меня, командира взвода броневиков полевого охранения, неоднократно допрашивали — как могло случиться, что и батареи, и взвод охранения вышли, а Я. Джугашвили оказался в плену? Майор, допрашивавший нас, все говорил: "Придется кому-то оторвать голову". Но, к счастью, до этого дело не дошло".

Листовки с фотографиями Якова Джугашвили, разбрасывавшиеся в тылу советских войск, судя по всему, производили двоякое впечатление. Безусловно, они имели определенное воздействие, но далеко не всегда и не на всех, а порой содер-

жащиеся в них данные вызывали большое сомнение у красноармейцев. Об этом же говорит в своем письме очевидец А.Ф. Маслов, ныне житель города Елабуга Татарской АССР: "При очередном нашем отступлении где-то в конце августа или начале сентября 1941 года в районе Пушкинских гор Новоржева собралась группа солдат и нас — человека три молодых офицеров.

Разговор шел об отступлении Красной Армии, оставленных нами наших территориях. С болью спрашивали друг друга — что случилось, почему отступаем, деремся малыми силами, где наша армия? Почему воинская часть, стоявшая рядом, вдруг снялась и ушла на восток, оставив нас, солидно потрепанных, и т.д.

Пришли к выводу, что наша армия собирается с силами для решительного разгрома врага, нужно время. Характерно, что о поражении нашем не было речи.

Один солдат, доверившись нам, достал немецкую листовку (а подбирать и хранить подобное в то время было не безопасно). Значит, не одна листовка была про Я. Джугашвили.

Листовка оказалась в моих руках, в то время я был лейтенантом-танкистом 22-х лет. В верхней части листовки снимок: на стуле сидел, лучше сказать, полулежал человек в нашем х/б обмундировании без знаков различия, голова свесилась со спинки стула влево. Лицо какое-то безжизненное.

Текст листовки примерно следующий:

Посмотрите, кто это. Это Яков Джугашвили, сын Сталина. Вот какие люди нам сдаются, а вы, дураки, воюете. И далее — призыв к сдаче в плен. На другой стороне листовки сообщалось о наших потерях, ошеломлявших нас. Все для нас было впервые в жизни, ново, естественно, мы оцепенели.

Первым очнулся старший лентанант — артиллерист. Говорил возбужденно, что знает Я. Джугашвили, служил с ним. Заявил, что такие люди в плен не сдаются, это большой патриот Родины: "Не верю я немцам. Скорее всего немцы нашли его мертвым, посадили на стул и сфотографировали. Смотрите, он не живой, мертвый, видно же".

Я высказался по поводу листовки, что она изобилует множеством ошибок, какая-то безграмотная. Неужели немцы не нашли ни одного грамотного предателя среди такого количества пленных, чтобы написали более грамотную листовку. Что-то тут не так, немцам выгодно нас дурачить, вот и пишут неправду.

Такая же листовка оказалась еще у одного солдата, которую он тут же порвал и выбросил.

Обвинить артиллериста во лжи у меня не хватает смелости. Возможно, старший лейтенант знал Я. Джугашвили "понаслышке", но твердость в уверениях проявил потому, что верил в нашу победу и не хотел, чтобы рядом появились сомневающиеся, было и такое".

Между тем листовки с фотографиями Джугашвили продолжали тиражироваться. В дополнение к двум, опубликованным ранее, появилась третья. На ней крупным планом фотография, где Яков стоит в шинели с расстегнутым воротником, задумчив.

Удивляет то, что нет ни одной фотографии, где он смотрел бы в объектив. Все они явно сделаны скрытой камерой.

Осенью 1941 года была предпринята еще одна попытка извлечь политический капитал из необычного военнопленного.

Якова перевели в Берлин, передали в прямое распоряжение служб Геббельса, оставив надзор за гестапо, разместили в фешенебельном отеле "Адлон", окружив бывшими грузинскими контрреволюционерами. По всей видимости, это был тщательно разработанный план, связанный с попыткой воздействия на пленного путем контрастов лагерных условий и особо благоприятных в отеле, с постоянным показом фильмов о неудачах Красной Армии.

Именно здесь родился снимок Якова Джугашвили с Георгием Скрябиным — якобы сыном тогдашнего председателя Совета Министров СССР Вячеслава Молотова*. Снимок сделан на фоне осеннего пейзажа, оба в пилотках, шинелях без ремней, руки в карманах. Скрябин смотрит в сторону, Яков — в землю. У обоих серьезные, сосредоточенные лица. Снимок датирован 25 ноября 1941 года и сопровожден текстом:

"Посмотрите на них! Это ваши вчерашние товарищи, которые, увидев, что дальнейшее сопротивление бесполезно, сдались в плен. Это сыновья Сталина и Молотова! Они находятся в германском плену — оба живы, здоровы, сыты и одеты. Бойцы и командиры! Следуйте примеру сыновей Сталина и Молотова! И вы убедитесь сами, что есть новая жизнь. Она лучше, чем та, которую вас заставляли вести ваши "вожди".

Почему Джугашвили и Скрябина гитлеровцы свели вместе? Об этом нет объективных данных, видимо, расчет делался на то, что таким путем легче будет склонить бывших советских воинов отказаться от своих убеждений и привлечь на свою сторону. Но и на этот раз фашисты просчитались.

В начале 1942 г. Джугашвили переводят в офицерский лагерь "Офлаг XIII-Д", расположенный в Хаммельбурге. Здесь гитлеровцы сделали ставку на то, чтобы сломить его физическими издевательствами и голодом. Но и из этого тоже ничего не вышло.

Вот что написал в своем письме бывший австралийский репортер, а после войны владелец небольшой газеты Кейс Хупер:

"От Кейс Хупер
Фор Уиндз
80, Вордсворт авеню
Уэльс

22 августа 1945 г.

Дорогой советский друг!

То, что я пишу Вам это письмо, придает мне ощущение того, что я вкладываю этим самым мою маленькую долю в уплату долга, который мы, британцы, должны русской нации.

Разрешите мне прежде всего представиться. Я австралиец. Мне 24 года. Я солдат, так как в начале войны поступил пехотинцем в Австралийскую армию. Не знаю, известно ли Вам, что австралийские солдаты, моряки и летчики (1 000 000 человек на население австралийцев в 7 000 000 человек) — добровольцы. Я уехал из дому в апреле 1940 г. Мы направлялись во Францию, но так как была угроза вступления в войну Италии, то нас вместо этого отправили в Палестину, а оттуда в Египет, где мы разбили итальянцев в первой же встрече с ними у Бардии 3—5 января 1941 года. Это была первая боевая операция австралийских войск (обычно нас зовут "Диггерс" из-за наших широкополых шляп) со времени прорыва ими в первую мировую войну, будучи авангардом британских армий, "линии Гинденбурга" во Франции.

В мой первый боевой день я был произведен в сержанты. После Бардии мы захватили Тобрук (он не был сдан немцам, пока его защищали австралийцы, хотя был окружен в течение 10 месяцев), Дерну, Барс, Бенгази, Солуч, Агедабию. В марте 1941 года наша дивизия была заменена другой австралийской дивизией, а мы были посланы в Грецию. Вы, наверное, слышали об ужасных битвах, которые велись нами, когда мы уходили, отбиваясь, к Средиземному морю и даже на Крит, где мы, несмотря на отсутствие поддержки с воздуха и снабжения, 12 дней бились с гуннами, убив 20 000 неприятелей, пока не были побеждены.

В итоге меня захватили в плен и угнали в Германию, где я провел 4 года в концентрационных лагерях. Дважды я был в штрафных ротах с русскими ребятами. Мы были большими друзьями. Большинство этих товарищей были захвачены под Харьковом. Некоторые из них владели английским языком. Хотя мы и не владели русским, мы разговаривали на ломаном немецком языке. Я подружился с юношами из Днепропетровска, Сталина, Воронежа, Севастополя, Москвы и Вязьмы. В штрафных ротах мы, не в пример нашим товарищам в рабочих лагерях, получали посылки от Красного Креста раз в месяц. Эту посылку мы делили с нашими русскими товарищами. В благодарность за это они нам по ночам пели и танцевали с нами русские танцы, пока у нас не начинали ходить кругом головы.

Несмотря на ужасные условия, мы все иногда были счастливы. Но бывали времена, когда мы очень страдали за наших русских товарищей, тогда, когда они по 40, 50, 60 человек в день

умирали от голода, от жестокого обращения и оставались без погребения. Мы были этим до того ожесточены, что могли бы убить врагов голыми руками. Я вспоминаю, что старший сын товарища Сталина — Яков в плену был вместе с нами. Немцы его заставляли делать самые тяжелые работы, какие нам только представлялись. Я хотел бы знать, жив ли он еще и помнит ли он австралийцев в лагере XIII-Д, Хаммельбург, около Швенфурта, в Баварии?.."

К сожалению, ответить на последний вопрос Кейса Хупера Яков Джугашвили никогда не сможет.

В начале апреля 1942 года его переводят в лагерь "Офлаг ХС" в Любеке, где содержались особо опасные для рейха офицеры, выходцы из разных стран, в том числе 2000 польских офицеров и 200 солдат. Соседом Якова стал военнопленный капитан Рене Блюм — сын председателя совета министров Франции Леона Блюма.

Специальным приказом на коменданта лагеря полковника фон Фахмостера возлагалась персональная ответственность за советского пленного. Якову Джугашвили не разрешалось получать продовольственные посылки, не мог он получать и письма, что разрешалось заключенным полякам, французам, англичанам, которые получали даже денежное довольствие. По решению собрания польских офицеров Якову ежемесячно стали выделяться продовольственные посылки.

Есть основания предполагать, что в это время начался новый период все более интенсивной обработки Джугашвили. В качестве основного средства давления Якову стали предъявляться листовки, газеты, где были помещены сфабрикованные немцами его заявления. Об этом свидетельствует и бывший польский поручик Мариан Венцлевич: "4 мая 1942 г. трое вооруженных автоматами охранников во главе с капитаном ввели в наш барак пленного в советской военной форме. Этот тщательно охраняемый пленный и был старший лейтенант Джугашвили. Мы сразу узнали его: без головного убора, черноволосый, точно такой же, как на фотографии, помещенный в фашистской газете... Несколько раз мне удалось встретиться с Яковом с глазу на глаз. Он рассказывал о том, что никогда не делал немцам никаких заявлений. И попросил, если ему больше не придется увидеть своей Родины, — сообщить отцу, что он остался верен воинскому долгу. Все, что состряпала фашистская пропаганда, — ложь".

Сохранилось свидетельство другого очевидца, бывшего польского военнопленного капитана Александра Салацкого: "Во время пребывания в Любеке Джугашвили сблизился и подружился с поляками. К его близким друзьям относились поручик Кордани, свободно говоривший по-русски, поручик Вен-

целевич и поручик Мысловский. Мы обсуждали различные темы, играли в карты, шахматы... Рассказывая о своих трагических переживаниях, он подчеркивал, что никогда не изменит Родине, что заявления немецкой прессы ничем не прикрытая ложь. Он верил в победу Советского Союза".

Вскоре группа польских офицеров и Джугашвили предприняли попытку совершить побег. Их постигла неудача. А Яков в этот раз был вывезен в лагерь смерти Заксенхаузен и помещен в отделение, где находились пленные, являвшиеся родственниками высокопоставленных руководителей союзных стран антигитлеровской коалиции.

Лагерь был самым тяжелым из всех существовавших для пленных. В его стенах погибло 100 000 советских граждан. Наиболее вероятно, что делалась ставка оказать давление, сыграть на чувствах советского Верховного Главнокомандующего, чтобы он обратился к гитлеровскому руководству с просьбой вернуть пленного сына.

Сталинградская битва плачевно окончилась для немецкой армии. Знал ли Гитлер о Джугашвили, захваченном в плен? Безусловно. Ход событий сложился так, что Яков занял особое место в его планах сведения счетов с теми, на кого он хотел переложить ответственность за поражение. С Яковом Гитлер, видимо, связывал надежды на обмен фельдмаршала Фридриха Паулюса, участника 1-й и 2-й мировых войн, одного из главных авторов плана "Барбаросса", командующего армией, отдавшего под Сталинградом приказ своим войскам о прекращении сопротивления и сдаче в плен. Мог ли Сталин пойти на это?

Советовался ли он с кем-то по этому вопросу или принял решение сам — сегодня узнать трудно. Официальный же ответ, переданный через председателя шведского Красного Креста графа Бернадота, гласил: "Солдата на маршала не меняю".

Такое решение было приговором не только пленному старшему лейтенанту Джугашвили, но и многим другим советским воинам, находящимся в гитлеровских застенках.

До современников дошел официальный документ, хранящийся в архиве мемориала лагеря Заксенхаузен, оставленный бывшими его узниками: "Яков Джугашвили постоянно ощущал безысходность своего положения. Он часто впадал в депрессию, отказывался от еды, особенно на него подействовало не раз передававшееся по лагерному радио заявление Сталина о том, что "нет военнопленных — есть изменники Родины". Возможно, что это и подтолкнуло его на безрассудный шаг. Вечером 14 апреля 1943 г. Яков отказался войти в барак и бросился в мертвую зону. Часовой выстрелил. Смерть наступила мгновенно. И тогда труп бросили на проволочный забор, находившийся под высоким напряжением. "Попытка к бегству", — рапортовало

лагерное начальство. Останки Якова Джугашвили были сожжены в лагерном крематории..."

На все ли вопросы дает ответ цитируемый документ? Почему Я. Джугашвили отказался войти в барак? Почему он предпочел смерть от пули часового? Кто, кроме него, находился в этот момент в бараке? Был ли этот случай известен на Родине? Обратимся к другим источникам...

Вот как вспоминает о гибели Якова офицер СС Конрад Харфих, дежуривший в этот день при ограждении лагеря: "Джугашвили пролез через проволоку и оказался на нейтральной полосе. Затем он поставил одну ногу на полосу колючей проволоки и одновременно левой рукой схватился на изолятор. Отпустив его, схватился за электрический провод. Мгновение он стоял неподвижно, с отставленной назад правой ногой, грудью вперед, закричав: "Часовой! Вы же солдат, не будьте трусом, застрелите меня!"

Харфих выстрелил из пистолета. Пуля попала в голову в четырех сантиметрах от правого уха. Смерть была мгновенной".

Многие моменты проясняют воспоминания бывшего военнопленного Александра Салацкого, опубликованные в первом номере "Военно-исторического обозрения" за 1981 год в Варшаве.

"В бараке, кроме Якова и Василия Кокорина, содержались еще четыре английских офицера: Уильям Мерфи, Эндрю Уолш, Патрик О'Брайен и Кушинг. Отношения между русскими и англичанами были напряженными.

В глазах русских вытягивание перед немцами англичан по стойке "смирно" было оскорбительным и признаком трусости, о чем последним не раз давалось понять.

Англичанам отказы русских отдавать честь немецким офицерам, саботирование распоряжений и открытые вызовы доставляли многие неприятности. Англичане часто высмеивали русских за их национальные недостатки. Все это приводило к ссорам.

Атмосфера накалялась. В среду 14 апреля 1943 года после обеда произошла бурная ссора, переросшая в драку. Кушинг бросился на Якова с обвинениями в нечистоплотности, в конфликт ввязались все остальные заключенные. О'Брайен со злобной миной встал перед Кокориным и обозвал его "большевистской свиньей". Кушинг также обозвал Якова и ударил его кулаком по лицу. Именно этого последний пережить не мог. Для него все это явилось кульминационной точкой пребывания в плену.

Можно понять его. С одной стороны, сын самого Сталина, постоянно оказывающий сопротивление, несмотря на наказания, с другой — пленный, заложник, чье имя стало мощным элементом в дезинформации. Что могло ждать его даже после освобождения?

Вечером он отказался войти в барак и потребовал коменданта, а после отказа свидания с ним с криками: "Застрелите меня! Застрелите меня!" — внезапно устремился в сторону забора из колючей проволоки и бросился на нее. Сработала сигнализация и зажглись все прожектора на сторожевых башнях..."

Гитлеровцы скрыли смерть Якова Джугашвили. Даже мертвый он по-прежнему был для них возможностью для интриг, а использование его фотографий позволяло распространять ложь. Можно предположить, что они также боялись ответных действий по отношению к пленным немцам, находящимся в СССР.

После капитуляции фашистской Германии многие документы, связанные с пребыванием в плену Я. Джугашвили, попали в руки англо-американской группы, разбиравшей немецкие архивы. Они были скрыты от общественности на многие годы.

Была ли сделана в очередной раз попытка использовать образ Я. Джугашвили в своих целях? Ведь о Якове в послевоенные годы существовало множество легенд.

Далеко не на все вопросы дает ответ в своем письме от 27 июля 1945 года чиновник британского МИДа Майкл Вайнен своему коллеге в США: "Наше мнение по этому случаю таково, что следует отказаться от намерения проинформировать об этом маршала Сталина. Несомненно, было бы плохо обращать внимание на то, что смерть его сына вызвана англо-русской ссорой".

Причастны к сокрытию сведений и американские официальные органы. Если обратиться к делу № Т-176, хранящемуся в отделе трофейных иностранных документов Национального архива США, то в нем содержится несколько небезынтересных документов.

"Вашингтон. 30 июня 1945 года. 2 часа пополудни. Телеграмма от исполняющего обязанности государственного секретаря США Грю послу США в СССР Гарриману:

Сейчас в Германии объединенная группа экспертов государственного департамента и британского министерства иностранных дел изучает важные германские секретные документы о том, как был застрелен сын Сталина, пытавшийся якобы совершить побег из концлагеря. На сей счет обнаружено: письмо Гиммлера к Риббентропу в связи с данным происшествием, фотографии, несколько страниц документации. Британское министерство иностранных дел рекомендовало английскому и американскому правительствам передать оригиналы указанных документов Сталину, а для этого поручить английскому послу в СССР Кларку Керри информировать о найденных документах Молотова и попросить у него совет, как наилучшим образом отдать документы Сталину. Кларк Керр мог бы заявить, что это совместная англо-американская находка, и презентовать

ее от имени британского министерства и посольства США. Есть мнение, однако, что передачу документов следует произвести не от лица нашего посольства, а от госдепартамента. Суждение посольства о способе вручения документов Сталину было бы желательно знать в госдепартаменте. Вы можете обратиться к Молотову, если сочтете это полезным. Действуйте сообща с Кларком Керром при наличии у него аналогичных инструкций. Грю".

Но через три недели американский посол в Москве получил указание не сообщать информацию. 5 июля 1945 года немецкие документы были отправлены в Вашингтон. После рассекречивания их в 1968 году в дело была подшита справка: "После более тщательного изучения этого дела и его сути британское министерство иностранных дел предложило отвергнуть первоначальную идею передачи документов, которые по причине их неприятного содержания могли огорчить Сталина. Советским должностным лицам ничего не сообщили, а государственный департамент информировал посла Гарримана в телеграмме от 23 августа 1945 года, что достигнута договоренность не отдавать документы Сталину".

Такая постановка вопроса на многие десятилетия скрыла от человечества судьбу одного из миллионов советских военнопленных, погибших вдали от Родины. Пример безнравственности тех, в чьих руках оказались сведения о судьбе не только одного Джугашвили, но и судьбах миллионов пленных, и сегодня заставляет задуматься о многом.

Документы действительно не были переданы, но изучение материалов позволяет сделать вывод о том, что лично И. Сталин о судьбе своего сына знал. Можно предположить, что эту информацию он мог получить по разведывательным и дипломатическим каналам. Свидетельствуют об этом и воспоминания С.И. Аллилуевой "Двадцать писем к другу", а также направленная И. Сталину телеграмма из советской администрации в Германии, где на основании признаний бывшего немецкого военнопленного антифашиста сообщалось о месте захоронения Якова. Названное место, кстати, не совпадало с другими указанными местами его погребения. И.В. Сталин на телеграмму не отреагировал.

ВАСИЛИЙ

Ранние годы Василия прошли на даче Зубалово под наблюдением педагога Александра Ивановича Муравьева, который обучал его русскому, немецкому языкам, приобщал к чтению, рисованию. Василий часто общался с домочадцами Микояна,

Ворошилова, Шапошникова, чьи дачи были поблизости. Хозяйство вела Полина Васильевна Тимм. По выходным и праздничным дням с гармошкой появлялся Буденный, и тогда устраивались пения вместе с Ворошиловым, к которым иногда присоединялся сам хозяин. Особенно радовали приезды Н.И. Бухарина, который привозил игрушки и даже живых зверушек — ежа, ужа, лису.

В начале тридцатых годов Василий поступил в первый класс московской опытно-показательной школы. Уже в начальных классах учителя отмечали его неровный, крайне импульсивный характер. Видимо, на него наложил отпечаток весь уклад семейной жизни Сталиных. Отец был постоянно занят, мать в это время училась в Промышленной академии и одновременно работала в редакции.

К детям она относилась строго, не балуя их. Летние отпуска родители, как правило, проводили на Черноморском побережье, а дети в это время оставались в Москве.

Василию было пять лет, когда мать после очередного скандала с отцом уехала к родителям, в Ленинград, забрав его и пятимесячную дочь. Ему было восемь лет, когда из-за ссоры с отцом здесь же, на даче, предпринял неудачную попытку самоубийства его сводный брат — Яков.

У отца было правило давать детям грузинское вино. Это вызывало недовольство матери, которое отец игнорировал. Усвоенная с детских лет привычка впоследствии перешла в порок.

В одиннадцатилетнем возрасте Василий испытал, пожалуй, самое страшное потрясение — трагическую смерть матери. Семья переехала в Кремль. Постепенно стали меняться и наклонности детей. Василия опекали охрана и прислуга.

Дома он часто встречался с окружением отца. Василий знал лично всех членов тогдашнего правительства, часто общался с ними на даче. Сегодня можно только предполагать, какие изменения в его психике произвели последовавшие вскоре репрессии его родных по линии матери, видных деятелей партии, государства. Но в том, что они оказали воздействие на его нервную систему, наложив отпечаток на все его последующее поведение, сомнений нет.

По распоряжению отца Василия везде сопровождала охрана НКВД. Даже в школу он ездил с охраной. Никита Сергеевич Хрущев, знавший Василия в детские и юношеские годы, скажет впоследствии: "Вася в детстве был хорошим, умным, но упрямым мальчиком. Еще в ранней молодости он начал сильно пить. Он был недисциплинированным студентом и причинял Сталину немало огорчений. Я думаю, что Сталин постоянно ругал его и поручил чекистам держать Васю под наблюдением".

Читал Василий мало. К занятиям относился легкомысленно,

учился плохо. Пожалуй, он был одним из наиболее трудных подростков в школе, очень хотел верховодить, но это у него не всегда получалось: в школе было немало по-настоящему одаренных и интересных ребят, не дававших ему спуску. Учителя его побаивались, вопросов практически не задавали. А если такое и случалось, он мог и нагрубить учителю при всем классе. Если бы не перспектива поступления в летное училище, он на занятия, наверное, и не ходил бы. Справедливости ради следует сказать, что первоначально он мечтал стать кавалеристом. Восхищался С.М. Буденным, мог часами говорить с ним о лошадях, их привычках. Но после гибели кумира того времени Валерия Чкалова принял решение стать военным летчиком, как и все его одноклассники. В то время эта профессия была самой героической, самой привлекательной, самой престижной.

Совсем по-другому он относился к спортивным занятиям. Увлекался бегом, лыжами. Обладая средними физическими данными и не особенно утруждая себя тренировками, он тем не менее на состязаниях проявлял завидную волю и редко когда не оказывался в пятерке сильнейших. Вот что впоследствии вспоминала учившаяся вместе с ним в одной школе Галина Хинчук: "В нашей школе почти все с удовольствием занимались спортом. А главным событием становилась легкоатлетическая эстафета. И вот на одной из них я увидела Василия Сталина. Он бежал этап в районе Александровского сада. Думаю, что Василий был неплохим спортсменом, и свой этап он пробежал хорошо. Но что тут началось! К нему бросились с цветами, подняли на руки, а потом усадили в открытый автомобиль и он, сияющий, потный, поехал, словно триумфатор, — не в Кремль ли? В сущности же, событие было не ахти какое, обычные школьные соревнования. И наверное, уже тогда подхалимы и неверные друзья начали портить его характер. Причем никто не удивлялся этим неискренним, бурным восторгам, потокам лести: такое было делом привычным и чуть ли не узаконенным".

После окончания девятого класса Василий и все его одноклассники поступили в Качинскую Краснознаменную военную авиационную школу имени Мясникова. Василий окончательно определил свой жизненный путь — стать военным летчиком, хотя и здесь не все у него шло гладко. Будучи курсантом училища, Василий на каникулы приехал в Москву к отцу. В каждый свой приезд он обязательно появлялся на самом популярном в те годы катке — на Петровке, 26. Здесь же он познакомился с Галиной Бурдонской, в то время студенткой редакционно-издательского факультета Полиграфического института. "Василий по натуре был человеком шальной смелости, — рассказывала Г. Бурдонская. — Ухаживая за мной, он не раз пролетал над станцией метро "Кировская" на небольшом самолете. За

такие вольности его наказывали. Но наказывали робко, и И.В. Сталину об этом не докладывали. Они не знали, что отношения между отцом и сыном складывались далеко не безоблачно. В конце 40-го мы поженились и вскоре уехали в Липецк, где он служил".

До нас дошел единственный, собственноручно написанный им документ — автобиография, в которой он довольно подробно рассказывает о своей жизни в период с 1938 по 1945 годы:

"Родился в 1921 г. в г. Москве в семье профессионального революционера. С 1921 г. по 1938 г. жил на иждивении родителей и учился.

В 1938 г., после окончания 9 классов средней школы, поступил учиться в Качинскую Краснознаменную военную школу летчиков, которую окончил в 1940 году и был назначен летчиком в 16 истребительный авиаполк 24 истребительной авиационной дивизии, в котором прослужил до сентября 1940 года. В сентябре 1940 г. поступил учиться на командный факультет Военно-Воздушной Академии, где проучился до декабря 1040 г.

В январе 1941 г. был направлен на Липецкие авиационные курсы усовершенствования командиров эскадрилий, которые окончил в мае 1941 г. В июне 1941 г. был назначен на должность инспектора-летчика Управления ВВС КА.

В этой должности прослужил до сентября 1941 г., после чего до января 1943 г. служил начальником инспекции ВВС КА.

В январе 1943 г. был назначен командиром 32 Гвардейского истребительного авиаполка, где прослужил до декабря 1943 г.

В январе 1944 г. был назначен на должность командира 3 Гвардейской истребительной авиационной Брянской Краснознаменной ордена Суворова дивизии и с февраля 1945 года назначен на должность командира 286 истребительной авиационной Нежинской Краснознаменной ордена Суворова дивизии.

В период пребывания на фронтах Отечественной войны ранений и контузий не имел. В плену и окружении не был. Член ВКП(б) с 1940 г. Женат — жена Бурдонская Галина Александровна и двое детей — сын Александр и дочь Надежда. Семья проживает в г. Москве.

18 июня 1945 г.

В. Сталин"*

О том, какую квалификацию Василий получил за годы учебы в училище, к сожалению, сведений в его документах не сохранилось. И этот отрезок его жизни, наверное, так и остался бы неизвестным, если бы не письмо жителя Ленинграда Евгения Петровича Цуканова, присланное мне 19 декабря 1988 года, после публикации в "Аргументах и фактах" фрагмента очерка о Василии Сталине:

"Тов. Колесник!

Простите, но не знаю Вашего имени. Я хочу сообщить несколько слов по поводу публикации. Я далек от мысли подвергать критике или сомнению Ваше выступление. Уверен, что Вами добросовестно изучены имеющиеся материалы. Да к тому же в те годы я был крайне мал, и утверждать "я помню" было бы неуместно, хотя кое-что запечатлелось и в моей памяти.

Мне известно, что Василий Иосифович Сталин вышел из Качинской авиашколы в звании младшего лейтенанта без диплома о присвоении квалификации летчика ВВС. Ему была выдана справка, что прослушал курс вышеназванной школы... и только.

Виною тому его пристрастие к алкоголю. В это время мой отец был командиром полка в Люберцах под Москвой. Этот полк регулярно принимал участие в воздушных парадах (7 ноября, 1 мая, 18 августа) и был хорошо известен И.В. Сталину.

Обязательным приложением к параду являлся торжественный ужин в Кремле, на который приглашались командиры частей и соединений, участвовавших в параде. Из-за близости к Москве Люберцы неофициально называли "дворцовым гарнизоном". Однажды вечером к нам на квартиру позвонил И.В. Сталин и попросил отца ознакомиться со способностями В.И. Сталина и дать заключение о целесообразности делать из него летчика.

Так отец стал инструктором Василия. Пришлось давать ему летную программу в объеме авиашколы — сначала на У-2, потом на И-16, на УТП-4 и самостоятельно на И-16.

Не исключено, что этот период (4—6 месяцев) зафиксирован в документах как служба в качестве летчика в 16 ИАП 24 ИАД после окончания авиашколы.

Все неприятности у В.И. Сталина были в тот период на почве пьянства, хотя объективности ради надо отметить, что летчик он был способный, летать умел и любил.

Сразу же после этого моего отца Цуканова Петра Николаевича назначили начальником Егорьевской авиашколы".

Война застала Василия в Таллине в командировке. Он летал на боевые задания, смело вступал в воздушные бои. Зимой 1942 года, будучи начальником инспекции, Василий несколько раз навещал своих детей и сестру. Вот что написала об этом С.И. Аллилуева в своих воспоминаниях, характеризуя обстановку, в которой он жил: "...Возле него толпилось много незнакомых летчиков, все были подобострастны перед молоденьким начальником, которому едва исполнилось двадцать лет. Это подхалимничание и погубило его потом. Возле него не было никого из старых друзей, которые были с ним наравне... Эти же все заискивали, жены их навещали Галю и тоже искали с ней дружбы.

В доме нашем была толчея. Кругом была неразбериха — и в головах наших тоже. И не было никого, с кем бы душу отвести, кто бы научил, кто бы сказал умное, твердое, честное слово...

В дом вошел неведомый ему дух пьяного разгула. К Василию приезжали гости: спортсмены, актеры, его друзья-летчики, и постоянно устраивались обильные возлияния, гремела радиола. Шло веселье, как будто не было войны".

Всего через два года после начала службы в 1942 году Василию было присвоено воинское звание — гвардии полковник.

После пленения немцами Якова Джугашвили, старшего сына Сталина, участие Василия в боевых действиях было ограничено, в полетах его оберегали. Об одном эпизоде рассказал мне генерал-полковник И.С. Глебов: "Под Сталинградом у хутора Широкого на командном пункте 4-й танковой армии в присутствии командующего генерала Владимира Дмитриевича Крюченкина я стал свидетелем атаки двумя немецкими "мессерами" десяти наших самолетов, причем наши в бой не ввязывались, а всячески уклонялись, выстроившись в круг и уходя, перемещаясь по спирали. Все это было настолько возмутительно, что по указанию командарма была дана телеграмма командующему.

Полученный ответ озадачил нас. В нем говорилось, что самолеты после выполнения боевого задания вел на аэродром Василий Сталин, и рекомендовалось не поднимать больше этот вопрос".

Что стояло за этим эпизодом, сегодня установить трудно.

Но обвинить Василия в трусости никак нельзя. Напротив, несмотря на запрещения отца участвовать в боевых действиях, он за четыре года войны совершил 27 боевых вылетов и сбил один самолет противника.

Из документов, характеризующих его фронтовую деятельность, до нас дошла следующая боевая характеристика:*

"Тов. Сталин В.И. исполняет должность командира дивизии с мая месяца 1944 г.

Лично т. Сталин обладает хорошими организаторскими способностями и волевыми качествами. Тактически подготовлен хорошо, грамотно разбирается в оперативной обстановке, быстро и правильно ориентируется в вопросах ведения боевой работы.

В работе энергичен, весьма инициативен, от своих подчиненных всегда требует точного выполнения отданных распоряжений.

Боевую работу полка и дивизии организовать может.

Наряду с положительными качествами лично гвардии полковник Сталин В.И. имеет ряд больших недостатков.

По характеру горяч и вспыльчив, допускает несдержанность,

имели место случаи рукоприкладства к подчиненным.

Недостаточно глубокое изучение людей, а также не всегда серьезный подход к подбору кадров, особенно штабных работников, приводил к частым перемещениям офицерского состава в должностях. Это в достаточной мере не способствовало сколачиванию штабов.

В личной жизни допускает поступки, не совместимые с занимаемой должностью командира дивизии, имелись случаи нетактичного поведения на вечерах летного состава, грубости по отношению к отдельным офицерам, имелся случай легкомысленного поведения — выезд на тракторе с аэродрома в г.Шяуляй с конфликтом и дракой с контрольным постом НКВД.

Состояние здоровья слабое, особенно нервной системы, крайне раздражителен: это оказало влияние на то, что за последнее время в летной работе личной тренировкой занимался мало, что приводит к слабой отработке отдельных вопросов летной подготовки (ориентировки).

Все эти перечисленные недостатки в значительной мере снижают его авторитет как командира и несовместимы с занимаемой должностью командира дивизии.

Дивизией командовать может при обязательном условии изжития указанных недостатков.

Командир 1-го гвардейского
истребительного авиационного
Минского корпуса
гвардии генерал-лейтенант авиации
Белецкий

25 января 1945 г.

С характеристикой и выводами согласен:

Командир 3-й воздушной армии
генерал-полковник авиации
Папивин

11 февраля 1945 г.".

Следует признать, что подписавшие такую характеристику генералы были людьми не только честными, но и весьма мужественными. Однако это не остановило стремительного должностного взлета Василия.

С Шяуляем у Василия было связано несколько историй. Именно здесь его навестила жена, прилетевшая к нему из Москвы. А той же ночью на аэродром прорвались немецкие танки. Бой на земле начался в условиях паники с нашей стороны. Разобравшись мгновенно в обстановке, Василий посадил в открытую машину жену, выехал на взлетную полосу перед бегущими и бросил им: "Трусы, смотрите, женщина и та не боится". Во многом благодаря его личному мужеству паника была преодолена, самолеты подняты в воздух.

На следующий день, провожая жену, Василий попросил ее на соседнем аэродроме забрать посылку. Ее удивлению не было предела, когда она обнаружила, что "посылка" — это отощавшая израненная лошадь. Конечно, она его просьбу не выполнила. Но он все-таки изыскал возможность и переправил лошадь в Москву, а впоследствии и выходил ее на своей даче.

Надо отметить, что каких-либо поблажек по отношению к Василию со стороны руководства 16-й воздушной армии не допускалось. Как засвидетельствовал в беседе со мной кандидат военных наук, генерал-лейтенант Н.Н. Остроумов, причиной такой служебной принципиальности могло быть письмо И.В. Сталина в адрес Военного совета, пришедшее сразу после прибытия Василия на новое место службы, в котором отец прямо указал: "...не делать каких-либо исключений для сына". Это было исполнено командованием. Вот что написал впоследствии маршал авиации С.И. Руденко: "С порога полковник Сталин, как и следует, доложил о своем прибытии, протянул мне огромный, как сейчас помню, пакет с пятью сургучными печатями. Не распечатывая, я положил конверт в сейф, дав понять подчиненному, что потом разберусь, есть дела поважнее.

Такой поворот обескуражил Василия, привыкшего повелевать командирами. И уже вскоре я почувствовал, что он возвращается в рамки субординации. Я же, в свою очередь, решил вести разговор спокойно. За обедом рассказал Василию про дивизию, про порядки. Рекомендовал в заместители к нему Редькина, которого хорошо знал по Дальнему Востоку. Рекомендовал, зная, что командовать придется Редькину, а не Василию. Так оно и вышло. Боевыми делами занимался Редькин, а Вася скорее был не командиром, а шефом дивизии. Всю энергию и желание отличиться он направлял на хозяйственные нужды. И надо сказать, в дивизии с обеспечением и выбором места базирования проблем не было".

При изучении документов и свидетельств бросается в глаза, что многие проступки Василия начались после неоднократных посещений его Л.П. Берией, который и сам себе не отказывал в развлечениях, и старался втянуть в них Василия.

Довольно способным командиром дивизии Василий проявил себя в ходе подготовки к Берлинской операции. Он внимательно вникал во все элементы готовящегося штурма, хотя сам непосредственно в боевых вылетах не участвовал. По представлению своего прямого командования он был поощрен в числе наиболее отличившихся. В приказе Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В. Сталина говорилось: "...В боях за овладение Берлином отличились... летчики Главного маршала авиации Новикова, Главного маршала авиации Голованова, генерал-полковника авиации Руденко, генерал-полков-

ника авиации Красовского, генерал-лейтенанта авиации Савицкого, генерал-лейтенанта авиации Белецкого, генерал-майора авиации Токарева, генерал-майора авиации Крупского, генерал-майора авиации Каравацкого, генерал-майора авиации Скока, генерал-майора авиации Сиднева, генерал-майора авиации Дзугова, генерал-майора авиации Комарова, полковника Сталина..."

Сразу же после войны Василий довольно тщательно изучил трофейную технику и на "отлично" выполнил полет на новом для него самолете, показав себя за штурвалом хорошим летчиком.

На земле же он продолжал позволять себе многое. Неоднократно были случаи, когда допускал рукоприкладство. Проезжая по дороге, он запросто мог остановить не понравившуюся встречную машину и ударить водителя за то, что тот не уступил ему дорогу.

Оказывал ли отец содействие должностному продвижению сына? Прямых данных, подтверждающих это, нет. Правда, один из моих собеседников утверждал, что в 1946 году И.В. Сталин специально переместил комкора в Москву, назначив на его место своего сына.

В действительности все было несколько по-другому: названный командир корпуса был переведен в Москву с должности командира 3-го авиационного корпуса, а Василий назначен командиром 1-го. Причем он был назначен командиром, несмотря вот на такую аттестацию, подписанную Г.К. Жуковым и К.Ф. Телегиным:

"...Офицер кадра с 1938 г., первичное звание присвоено в 1940 г., состояние здоровья слабое — болезнь ноги, позвоночника, особенно при перегрузке, переутомление и расстройство нервной системы. В личной жизни допускает поступки, не совместимые с должностью командира дивизии.

В обращении с подчиненными допускает грубость, крайне раздражителен.

Перечисленные недостатки в значительной степени снижают его авторитет как командира-руководителя. Лично дисциплинирован, идеологически выдержан.

Вывод: Для повышения теоретической подготовки желательно послать на учебу в ВВА. Занимаемой должности соответствует.

Командующий 16-й воздушной армии
генерал-полковник Руденко

20 июля 1945 г.

Для повышения теоретической подготовки желательно послать на учебу в ВВА.

Занимаемой должности соответствует.

Главнокомандующий группы Советских оккупационных войск в Германии
Маршал Советского Союза
Жуков

Член Военного совета группы оккупационных войск в Германии
генерал-лейтенант
Телегин

3.8.1945 г."

Мог ли Сталин-отец не знать о поведении своего сына, о его недостатках? Нет. Сталин знал все не только о своем сыне, он держал под своим неослабным контролем тысячи людей. Его невмешательство в служебные дела было самой большой поддержкой последнему. Хотя известен и такой факт: в 1946 году Сталин позвонил Василию и обнаружил отсутствие сына на службе, который в это время был занят поисками пропавшей любимой собаки. Верховный Главнокомандующий незамедлительно объявил ему десять суток ареста.

Справедливости ради следует отметить, что в аттестации, данной Василию Сталину в июле 1946 года, уже говорилось другое:

"Генерал-майор авиации Сталин летает на самолетах: По-2, Ут-1, Ут-2, И-15, И-153, МИГ-3, МАГГ-3, ЯК-1, ЯК-7, ЯК-9, ИЛ-2, Бостон, Зибель, ЛА-5, ЛА-7, Харрикейн — общий налет 3174 ч. 15 мин.

286-й дивизией командует с февраля 1945 г., под его руководством частями дивизии по выполнению плана УБП в 1946 г. произведено всего 14111 вылетов, с налетом 8376 часов 12 мин., из них на боевых самолетах ЛА-7 5628 полетов с налетом 4021 час 58 мин. На По-2 днем 5091 полет с налетом 2996 ч. 27 мин. и ночью — 3392 полета с налетом 1357 ч. 47 мин.

Летным составом частей дивизии отработаны взлет восьмерки и посадка парами и четверками. Летчики хорошо овладели стрельбами по воздушным и наземным целям. Большое внимание в дивизии уделяется стрельбам из фотокинопулеметов, всего произведено из фотокинопулеметов 7635 стрельб. Учеба с летно-техническим составом дивизии организована хорошо и проводится планомерно в учебном кабинете дивизии, который состоит из 16 хорошо оборудованных классов. Технико-эксплуатационная служба дивизии организована также хорошо, о чем свидетельствует тот факт, что за аттестационный период не было случаев отказа материальной части по вине технического состава. За год работы силами инженерно-технического состава дивизии произведено 4439 мелких и текущих ремонтов, 112 аварийных и 1833 ремонта моторов. Штаб дивизии сколочен и работает хорошо; за упомянутый период дивизией проведено 3 двухсторонних летно-тактических полко-

вых учения с охватом летного состава 4 полков по взаимодействию с бомбардировщиками.

За первое полугодие 1946 года проведено 22 летно-тактических учения, все они прошли организованно, без происшествий. В целом дивизия по выполнению плана всех видов учебно-боевой подготовки занимает первое место в корпусе. За время, прошедшее после войны, 286-я дивизия заметно выросла, стала более организованной. Летный состав полностью подготовлен к выполнению боевых задач на средних высотах, 40% летчиков могут летать на больших высотах и в сложных метеоусловиях. Сам генерал-майор авиации Сталин обладает хорошими организаторскими способностями, оперативно-тактическая подготовка хорошая. Свой боевой опыт умело передает летному составу. В работе энергичен и инициативен, этих же качеств добивается от подчиненных. В своей работе большое внимание уделяет новой технике, нередко подает новаторские мысли и настойчиво проводит их в жизнь. Летную работу организует смело и методически правильно...

Вывод: Занимаемой должности вполне соответствует, может быть назначен на повышение, целесообразно было бы использовать в инспекторском аппарате Главного управления Воздушных Сил Красной Армии.

Командир 3-го истребительного
авиационного Никопольского орденов
Суворова и Кутузова корпуса
генерал-лейтенант авиации Савицкий

7 июля 1946 г.

С аттестацией командира корпуса согласен. Дивизия по боевой подготовке занимает ведущее место в армии. Достоин продвижения на должность командира корпуса. Изжить недостатки, указанные в аттестации, хотя по сравнению с прошлыми имеется резкое и заметное улучшение.

Командующий 16-й Воздушной армией
генерал-полковник авиации Руденко

8 июля 1946 г.".

Будучи командиром корпуса, Василий много внимания уделял совершенствованию материальной базы, заботе о быте личного состава, офицеров и их семей. Тогда же он проявил себя как страстный охотник, рыболов, продолжал увлекаться охотничьими собаками. Один из летчиков, попросивший не называть его фамилию, рассказал мне случай, когда за успехи в летной подготовке Василий наградил его двумя породистыми охотничьими щенками. Но так случилось, что, бегая по территории аэродрома, они случайно съели банку клея и околели. Гнев Василия был страшен.

Всего лишь год Василий был командиром авиационного корпуса. В июле 1947 года его назначают помощником командующего военно-воздушных сил Московского военного округа по строевой части. Мундир двадцатишестилетнего генерал-майора авиации украшали два ордена Красного Знамени, орден Суворова 2-й степени, медали "За оборону Москвы", "За оборону Сталинграда", "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.". 22 мая 1948 года приказом Главнокомандующего Военно-Воздушными Силами ему была объявлена благодарность "За хорошую организацию межокружного перелета и своевременную перегонку больших групп самолетов Ла-3, а также за приемку, подготовку и укомплектовку этих самолетов".

Василий и до перевода в Москву не задерживался больше двух лет в должности, здесь же его головокружительный взлет по ступеням служебной лестницы продолжался. 18 июня 1948 года в двадцать семь лет он примет пост командующего ВВС Московского военного округа. Приказ о его назначении подписал Маршал Советского Союза Н.А. Булганин. Подпись его отца — И.В. Сталина — стояла под выпиской из постановления Совета Министров СССР от 11 мая 1949 года о присвоении ему звания генерал-лейтенанта авиации. Тогда же он был избран депутатом Верховного Совета СССР.

Назначение Василия на пост командующего принесло изменения и в сложившийся до него ритм и особенности работы штаба и управлений ВВС МВО. Вот как это описывает Е.П. Цуканов, которого судьба второй раз в жизни свела с Василием: "В штабе на улице Осипенко В. Сталин был хозяином. Круто изменился здесь режим работы. Если раньше сидели чуть ли не до полуночи, потому что сидит вышестоящий, то теперь задержка на работе стала наказуемой. На 30 минут разрешалась задержка лишь начальникам отделов. На первом этаже появились театральная касса и книжный киоск.

Стали нормой коллективные посещения театров, концертов, вечеров отдыха в Центральном Доме Красной Армии — туда приглашались лучшие артистические силы. Регулярно выезжали и вылетали на коллективную охоту: на уток — в Астрахань, на волков — в Архангельск, на зайцев и кабанов — в Подмосковье.

Присутствие на Северной трибуне стадиона "Динамо" было обязательным, если играла команда ВВС. Праздники после официальной части переносились к кому-нибудь на квартиру. Все офицеры штаба обязаны были присутствовать на зимнем мотокроссе на приз имени В.П. Чкалова, который проводился в Химках. То же самое касалось и летнего мотокросса, проводившегося на Минском шоссе.

Чествование победителей проводил сам Василий".

Действительно, Василий Сталин рьяно взялся за дело. На первых порах он занимался летной подготовкой личного состава, вникал в кадровые проблемы. Развернул небывалое до него аэродромно-казарменное строительство.

Вступив на пост командующего ВВС, Василий был полон благих намерений. Он взял на себя и роль мецената от спорта. Кто-то, зная его слабость к лошадям, рекомендовал избрать Василия председателем Федерации конного спорта СССР. С его легкой руки были утверждены планы строительства конно-спортивных баз, получила дальнейшее развитие селекция лучших пород скакунов. Он присутствовал почти на всех соревнованиях конников. В его личной конюшне, оборудованной на даче в Ново-Спасском, содержались именитые скакуны.

С именем Василия связано и создание крепких спортивных команд Военно-Воздушных Сил. "Я хочу, чтобы в моей команде играли самые лучшие игроки, и они будут в ВВС", — заявил он на одном из совещаний со спортсменами.

Впоследствии все так и было. Но решал он все проблемы организации спорта в духе того времени — приказами, а то и устрашением. Ему не понравился тренер футбольно-хоккейной команды А. Тарасов, в дальнейшем знаменитый тренер сборной СССР по хоккею, и он тут же заменил его Сергеем Капелькиным. По его указанию в течение нескольких дней в команде оказались Константин Крижевский, Всеволод Бобров, Евгений Бабич, Виктор Шувалов и даже Виктор Тихонов, ставший в наши дни заслуженным тренером СССР, главным тренером сборной СССР по хоккею. Со спортсменами он не церемонился. В. Тихонов, вспоминая о нем, скажет: "Значит ли это, что Василий Сталин был жестоким человеком, что он унаследовал те черты отца, о которых мы сегодня знаем?

Судить не берусь. Рассказываю только о том, что помню, что было тогда. Повторяю, я был, в сущности, мальчишкой и ни во что особенно не вникал. Безусловно лишь одно. Он был крайне нетерпимым к возражениям.

Даже Всеволод Михайлович Бобров, которого Василий Сталин буквально боготворил, не осмеливался ему возражать. Да это было и бессмысленно. Сейчас, задним числом, думаю, что у Василия Сталина не было того, что принято называть чувством меры. Вероятно, бесконтрольность, к которой он привыкал годами, развратили его. Мог подарить, сняв с руки, золотые часы (так он отметил фантастическую игру Всеволода Михайловича в матче против команды города Калинина, когда Бобров забросил шесть шайб), а мог и неожиданно несправедливо и даже грубо обрушить упреки".

Стремясь заполучить для любимой команды того или иного спортсмена, Василий не останавливался ни перед чем. Так было с Г. Джеджелавой, известным футболистом, не пожелавшим добровольно принять предложение В. Сталина стать старшим тренером команды. Принудив его в итоге принять предложение, Василий щедро постарался и вознаградил последнего. Вот как сам Г. Джеджелава позже прокомментировал этот случай: "Шел второй час ночи. Генерал снова снял трубку, вызвал Мамзелева, начальника отдела кадров Московского военного округа, и отдал распоряжение срочно подготовить приказ о назначении Г.И. Джеджелавы старшим тренером футбольно-хоккейной команды ВВС МВО с присвоением звания инженер-майора, поскольку у меня было высшее техническое образование. В 4 часа утра Василий Сталин подписал этот приказ".

Покровительствуя спортсменам, Василий многое сумел сделать для них, установив хорошие отношения с руководителями крупных военно-строительных организаций Б.В. Богачевским, Н.А. Антипенко, А.Н. Комаровским. Именно благодаря их помощи Василию удалось в течение сорока восьми часов добиться переоборудования самолетного ангара под баскетбольный зал, приспособив под душевые подсобные помещения, и баскетбольная команда ВВС МВО получила разрешение участвовать в чемпионате СССР, хотя до этого ей в этом отказывали по причине отсутствия у команды своего спортзала.

Усилиями Василия был положительно решен вопрос о строительстве первого в Москве пятидесятиметрового бассейна.

Не обошел вниманием Василий и волейболистов, отдав им под игровой зал полный конный манеж, который всего в течение двух недель круглосуточной работы военных строителей был превращен в спортивный зал со всем необходимым оборудованием.

Василий был скор в решениях, скор он был и в наказаниях несогласных с ним. Вот что засвидетельствовал П. Мшевениерадзе, ныне полковник, кандидат юридических наук, а в то время игрок московской команды "Динамо": "...Отыграв два сезона, поддался на уговоры и стал членом коллектива ВВС. Там действительно были собраны отличные игроки, мы даже стали чемпионами СССР.

И все же команды, настоящего коллектива там не было. Очень скоро я понял, что идея создания "искусственной" команды несостоятельна и что там я не буду расти как игрок, а ведь мне только-только перевалило за двадцать. Короче говоря, я решил возвратиться в "Динамо". Что и сделал.

...Можете себе представить, чтобы в наше время человек, не пришедший на тренировку, был отдан под суд?

Увы, в те годы такое было возможно. Хотя я не был аттес-

тован, а в команде ВВС оставался вольнонаемным, мои действия были расценены по законам военного времени с позиций уголовно-процессуального кодекса. В общем, я был отдан под суд. На суд явилась вся наша динамовская команда. Приехал и генерал В.И. Сталин. Все понимали, что этот процесс был организован именно по его указанию.

Четыре часа длилось заседание. Четыре часа билась против нелепейших обвинений молодая женщина-судья. Как видите, и в те времена были люди, которых трудно сломить.

...Подсудимый был оправдан".

Как меценат спорта, часто присутствуя на состязаниях, Василий старался не выделяться среди посетителей, как правило, он никогда не поднимался на места для почетных гостей, был среди спортсменов и болельщиков. Для него была характерна темпераментная реакция на состязания. Его невысокая фигура в кожаном пальто с меховым воротником в окружении многочисленной свиты была неотъемлемой деталью всех всесоюзных и международных соревнований.

Кстати, об окружении Василия следует сказать особо. Среди этой публики крутилось немало далеко не бескорыстных людей, использовавших его возможности в своих целях. Он редко кому отказывал в просьбах.

Как на командующего ВВС МВО, на Василия было возложено непосредственное руководство и организация летных парадов, которые так любили наблюдать тогда руководители государства. Он их готовил с большой тщательностью.

Высокий должностной пост, покровительство высшего руководства создали вокруг Василия обстановку вседозволенности и злоупотреблений. Он начал спиваться, не выходил неделями на службу.

Вот как описал произошедшие в 1952 году события и последовавшие за ними неожиданные и трагические для Василия решения С.И. Руденко, в то время командующий дальней авиацией ВВС (кстати, не совпадающие с описанием их С.И. Аллилуевой в ее книге "Двадцать писем к другу"): "...После майского парада получаю приказание из ВВС Московского округа, в котором мне предписывается выполнить такие-то задания на основании приказа командующего ВВС МВО за подписью заместителя начальника штаба генерал-майора Трифонова. Василий явно не решился сам подписать письмо, а приказал это сделать Трифонову, бывшему моему подчиненному, к которому я хорошо относился. Хитер был в таких вещах Василий, но на сей раз просчитался. Отказал я ему по всей форме, да напомнил, как и в прежние времена, что недурно и субординацию соблюдать.

Пожаловался Василий министру обороны Василевскому, а

министр главкому Павлу Федоровичу Жигареву. Не подчиняется, мол, ему Руденко, а раз так, то просит снять с него, Василия Сталина, ответственность за парад. На следующий день состоялось совещание, на котором Жигарев с моей подачи и принял "отставку" Василия, оставив его командовать только одним отделением. Обиделся Василий и запил. Да так, что позволил себе на репетицию прийти нетрезвым. Пробовал даже командовать в таком состоянии. Но мы дали указание перевести всю связь на другую волну и, таким образом, летчики выполняли только наши команды.

После парада состоялся традиционный обед на даче у Сталина. Присутствовало все Политбюро, командование ВВС и Василий. Даже в такой обстановке он не удержался и пришел пьяным. Сталин-отец приказал его вывести. В сердцах приказал снять сынка с должности и послать на Дальний Восток, в самую отдаленную часть".

Осенью того же года без вступительных экзаменов Василий был зачислен слушателем авиационного факультета Военной академии имени К.Е. Ворошилова. Преподаватели приезжали к нему прямо на квартиру.

Круто его жизнь изменила смерть отца. Вечером 1 марта 1953 года он позвонил по прямому телефону на квартиру отцу. Трубку никто не поднял. Через некоторое время он позвонил снова. На этот раз трубку взял дежурный офицер, что уже само по себе показалось странным, и сказал, что Сталин отдыхает. Около четырех утра Василий вновь позвонил. Сразу же ответил Берия: "Товарищ Сталин устал. Ему надо отдохнуть. Приезжать вам не надо".

И повесил трубку.

Василий попал к отцу только утром 2 марта. Все происшедшее с отцом он сумел понять только после разговора с прислугой в служебном помещении. Здесь ему рассказали, что Сталину не была оказана необходимая медицинская помощь. Все это позволило Василию говорить в дальнейшем, что отца "убрали". Конечно, многое здесь спорно, однако определенные совпадения есть и в рассказе майора в отставке А.Т. Рыбина, одного из офицеров охраны Сталина, опубликованные в журнале "Социологические исследования", № 3 за 1988 год.

6 марта 1953 года первые полосы центральных газет появились в траурном обрамлении. Все они опубликовали сообщение: "5 марта в 21 ч. 50 мин. скончался И.В. Сталин". 9 марта на Красной площади состоялись официальные похороны Сталина, тело Сталина внесли в Мавзолей... А 26 марта генерал-лейтенант авиации В.И. Сталин в соответствии с Положением о прохождении военной службы офицерским составом был уволен из кадров Советской Армии в запас по статье 59

пункту "е" без права ношения военной формы одежды.

Ввиду того, что тридцатидвухлетний генерал-лейтенант авиации прослужил 14 календарных лет и 4 месяца, а в льготном исчислении 30 лет и 4 месяца, ему была установлена пенсия в размере 4950 рублей в месяц плюс единовременное пособие в размере шести окладов.

Его отпускной билет на демобилизацию подписал начальник главного управления кадров генерал-полковник А.С. Желтов, второй экземпляр его сохранился в личном деле В.И. Сталина.

Последующие события в жизни Василия довольно подробно описала в своих воспоминаниях его сестра — Светлана Аллилуева. Она вспоминала, что, несмотря на произошедшие перемены, вызванные смертью отца, Василий продолжал считать себя всесильным.

Апрель 1953 года он провел в ресторанах, кутежах, понося всех и вся. Правда, в дни перед арестом он чувствовал себя неуютно. 23 апреля он приехал в штаб ВВС заплатить партийные взносы. Их у него не приняли. Оттуда он позвонил министру обороны Маршалу Советского Союза Н.А. Булганину, но тот отказался от разговора. 28 апреля того же года его арестовали. Всплыли факты растрат, превышения власти. Военная коллегия Верховного Суда СССР осудила его на 8 лет. О причинах ареста В. Сталина ходило много слухов, догадок. Живы они и сейчас.

В последнее время в газетах и журналах, в том числе и в декабрьском за 1989 г. номере "Военно-исторического журнала", утверждалось, что Василий был повинен в аресте главного маршала авиации Новикова. Об этом же пишет в своих воспоминаниях "Двадцать писем к другу" С. Аллилуева. Но так ли это? Качество самолетов действительно не всегда соответствовало условиям их эксплуатации. Развитие отечественной реактивной авиации отставало от зарубежной. Состояние авиации и авиационной техники И.В. Сталин знал прекрасно, и маловероятно, что он спрашивал об этом сына и ориентировался на его суждения, тем более цену которому он хорошо знал. Можно допустить, что беседа отца с сыном в Потсдаме, на которую многие ссылаются, была толчком к реализации уже сложившегося решения, но вряд ли Василий ставил себе целью убрать Новикова. Ни А.А. Новиков, ни А.Н. Шахурин, ни другие работники авиационной промышленности никогда не были Василию конкурентами, он никогда не встречал со стороны кого-либо из них никакого противодействия. По свидетельству Бурдонской, все они относились к Василию с симпатией и так же относился к ним он.

Не убедило меня и обращение к изданной в Англии книге "Хрущев вспоминает", в которой затрагивается этот факт: "В

результате происков Берии и Маленкова против ленинградской тройки еще раньше возникло дело Шахурина... Шахурина арестовали за то, что в период войны он, якобы, допускал производство неисправных самолетов. Я в это время еще находился на Украине. Маленков позднее сказал мне, что Вася Сталин, сам летчик, пожаловался на Шахурина своему отцу, и Сталин приказал провести расследование...

Маршал авиации А.А. Новиков к началу ленинградского дела также находился в тюрьме. Его арестовали после войны за прием неисправных самолетов. Говорили, что и на него донес Вася Сталин. Я хорошо знал Новикова. Он командовал ВВС Советской Армии большую часть войны и во время Сталинградской битвы приезжал к нам в штаб. У него были недостатки. Он пил, возможно больше, чем следовало, но он был преданным, честным и уважаемым человеком".

Скорее всего из высказываний Н.С. Хрущева можно сделать вывод о виновности Берии и Маленкова, чем о причастности Василия к аресту вышеназванных лиц, этому нет ни документальных подтверждений, ни свидетельств первых лиц. Очевидны ссылки на информацию, полученную от других.

В марте 1955 года Василий из Владимирской тюрьмы был переведен в Москву, в Центральный госпиталь МВД СССР, и помещен в терапевтическое отделение. Обострились его фронтовые болезни. Открылась язва желудка. Ему была выделена отдельная маленькая палата, а лечила его заведующая отделением госпиталя Л.С. Сметанина. Врачам было категорически запрещено спрашивать что-либо у него, передавать кому-либо сведения о нем. Вел себя больной тихо, ничего лишнего себе не позволял. Однажды во время приема в кабинете у начальника отделения, оставшись один, он набрал по памяти телефонный номер Г.И. Джеджелавы и, когда тот ответил, попросил навестить его. Вот как вспоминает Джеджелава эту встречу: "Мы встретились, расцеловались. Я впервые увидел на его глазах слезы, хотя он не переносил плачущих мужчин. Сказал, что ему очень плохо. Нет, со здоровьем все в порядке. Зачем его перевели в госпиталь? Он сам не знает. Считает, что все еще находится в заключении. Надо бы выпить за встречу, но ничего нет, он теперь себе не принадлежит. Я достал из портфеля бутылку доброго грузинского вина. Он опять прослезился. Сказал, что я — единственный из спортсменов, кто приехал в эти дни к нему".

Вскоре его вновь вернули во Владимирскую тюрьму. Сюда к нему приезжали его сестра и жена, родственники, стремившиеся облегчить его участь. Светлана описывала эти дни так: "Этого мучительного свидания я не забуду никогда. Мы встретились у начальника тюрьмы в кабинете. На стене висел огромный портрет отца, под которым сидел в своем кресле на-

чальник тюрьмы, а на диване перед ним Василий. Он требовал от нас ходить, звонить, говорить о нем, где только можно, чтобы вызволить его из тюрьмы. Он был в отчаянии и не скрывал этого. Он метался, ища кого бы попросить, кому бы написать. Он писал всем членам правительства, вспоминал общие встречи, обещая, уверяя, что будет другим. Капитолина — мужественная, сильная духом женщина, говорила ему: "Не пиши никуда, потерпи, немножко осталось, веди себя достойно". Он набросился на нее: "Я тебя прошу о помощи, а ты мне советуешь молчать". Потом он говорил со мной, назвал имена лиц, к которым, как он полагал, можно обратиться. "Но ведь ты сам можешь писать кому угодно, — говорила я, — твои письма куда важней, чем то, что я буду говорить". После этого он прислал мне еще несколько писем с просьбой писать, убеждать. Мы с Капитолиной, конечно, никуда не ходили и не писали. Я знала, что Хрущев стремится помочь ему. Во Владимире Василий пробыл до января 1960 года. Потом меня снова вызвал Хрущев. Был план, по которому предложено было отпустить Василия, дать ему возможность жить в другом городе, сменив фамилию. Я сказал, что он, по-моему, не пойдет на это. Вскоре после этого Хрущев вызвал Василия и говорил с ним больше часа.

Прошло почти семь лет после ареста Василия. Он потом говорил, что Хрущев принял его, как родной отец. Они расцеловались и оба плакали. Все кончилось хорошо".

Василия оставили в Москве.

Он начал интересоваться делами ВВС, звонил бывшим своим сослуживцам. Об одном из таких разговоров мне рассказал А.Е. Боровых, в годы войны командир полка, бывший в подчинении у Василия, а в тот период командующий армией истребительной авиации войск ПВО страны: "Звонок Василия застал меня в кабинете. Он подробно расспросил о сегодняшнем дне авиации, о технике, о людях, о задачах, о тех проблемах, которые решаем сегодня. Мы договорились встретиться. Я выехал. Но встреча не состоялась. По дороге Василий попал в аварию с представителем иностранного посольства, с которым он вдобавок и поскандалил".

В апреле 1960 года его вернули в Лефортовскую тюрьму "досиживать" свои 8 лет. Но здесь уже были совсем иные условия его содержания, чем во Владимире. Он имел большие права. Ему удалось здесь даже подписаться на дефицитную тогда подписку художественной литературы и передать ее во время свидания своей дочери Наде. Отсюда он выйдет весной 1961 года. К этому моменту это будет полный инвалид: больная печень, прогрессирующая язва желудка.

Вот что рассказала мне дочь Василия — Надежда Сталина. "После смерти И.В. Сталина отец каждый день ожидал

ареста. И на квартире, и на даче он был в полном одиночестве. Друзья и соратники покинули его. Аллилуева кривит душой, когда говорит, что отец провел последний месяц в пьянствах и кутежах. Он знал, что в ближайшие дни последует его арест. Видимо, поэтому он и просил меня быть с ним. Однажды, вернувшись из школы, я обнаружила пустую квартиру, отца уже увели, а дома шел обыск. Тогда многие документы пропали безвозвратно. Во 2-й Владимирской тюрьме отца содержали под фамилией Василия Павловича Васильева. Я с мамой каждую неделю навещала его. Это были одночасовые встречи в обеденный перерыв. Отец любил наши приезды, очень их ждал. Во время встречи отец утверждал, что суда над ним не было. Часто, когда мы его ожидали, через открытую дверь в коридоре было видно, как его вели. В телогрейке, ушанке, в кирзовых сапогах он шел, слегка прихрамывая, руки за спиной. Сзади конвоир, одной рукой придерживающий ремень карабина, а другой державший палку отца, которую ему давали уже в комнате свиданий. Если отец спотыкался и размыкал руки, тут же следовал удар прикладом. Он действительно был в отчаянии. В письмах, которые передавал через нас и посылал официально, он доказывал, что его вины нет. Он требовал суда. Но все было бесполезно.

Кстати, после ареста отца я, как обычно, явилась в школу. Но в гардеробе меня встретила директор школы. Сорвав с вешалки мое пальто и швырнув его мне в лицо, она прокричала: "Иди вон к своему отцу и деду!" Я так опешила, что у меня непроизвольно вырвалось: "Мне идти некуда! Отец в тюрьме, а дед в могиле!" Но из школы пришлось уйти. Училась я тогда уже в 7-м классе.

Семь лет, пока отец был в тюрьме, дни тянулись очень медленно. Как-то я сидела вечером одна дома, когда раздался телефонный звонок. Я подняла трубку. Знакомый голос сказал: "Дочка, это я — твой папа, я звоню с вокзала. Скоро буду". Я так растерялась, что спросила: "Какой папа?" Его ответ я запомнила дословно: "У тебя что, их много? Отец бывает только один".

Через полчаса он приехал. С белым узелком и тростью в руках. На другой день он пошел оформлять документы. При выписке паспорта ему предложили принять другую фамилию. Он отказался. После этого его вызвал Шелепин. Разговор был долгий. Вернувшись от него, отец сказал, что он лучше будет жить без паспорта, чем с другой фамилией. Его поселят в гостинице "Пекин", а через некоторое время — на Фрунзенской набережной. Тогда же его осмотрел профессор А.Н. Бакулев. Его вывод был такой — сердце в порядке, печень здорова, единственное, что вызывает опасение, так это болезнь ноги от длительного курения.

На свободе он пробыл всего два с половиной месяца. За это время мы побывали с ним в санатории, он загорел, чувствовал себя хорошо. Как-то ему передали вино, мы с ним его отдали сестре-хозяйке.

После отдыха его тянуло к работе. Он говорил мне, что хотел бы работать директором бассейна. Такая у него была мечта. Вообще он был очень добродушным человеком. После перевода в Лефортово ограниченность в передвижении отрицательно сказалась на нем и во многом подточила его здоровье. Что касается автомобильной катастрофы и заключения отца после этого в Лефортовскую тюрьму, то, на наш взгляд, она была устроена. Все это было на моих глазах, когда мы ехали с отцом. После выхода из Лефортово его сразу выслали из Москвы в Казань сроком на пять лет. Дальнейшую связь мы поддерживали с ним по телефону. 18 марта 1962 года он позвонил мне. Мы говорили долго. Он очень просил приехать. Встреча, к сожалению, не состоялась при его жизни. Смерть моего отца и до сегодняшнего дня для меня загадка. Заключения о его смерти не было".

Свидетельство дочери Василия Сталина не лишено эмоциональности, но оно достаточно объективно. Внимательно изучив связанные с делом Василия события, сопоставив многочисленные свидетельства, я пришел к выводу, что вероятнее всего Василий действительно был заключен в тюрьму на основании решения Особого Совещания КГБ СССР. Л.П. Берия, несомненно завладевший после смерти И.В. Сталина многими его личными документами, среди которых, возможно, имелось досье и на Берию, да и на других руководителей, опасался, что Василий мог что-то знать об этом и где-то проговориться. Как человек безалаберный, Василий повод для ареста мог дать любой. Было бы только желание его осуществить.

14 октября 1988 года, уже после встречи с Надеждой Сталиной, Дмитрий Волкогонов сказал мне: "Безусловно, Василий — жертва обстоятельств. А.Н. Шелепин, посетивший его в тюрьме после получения очередного письма, был потрясен его видом, состоянием. После его доклада Никита Сергеевич приказал доставить Василия к нему. Через несколько дней его освободили. Но вот после случая с аварией вновь встал вопрос — что делать? Ясно было, что в тюрьме он погибнет. Остановились на варианте высылки в Казань.

В Казани он жил в однокомнатной квартире на последнем этаже пятиэтажного блочного дома, пользовался льготами генерала в отставке.

Следует отметить, что и личная жизнь Василия не сложилась. После его смерти 19 марта 1962 года, остались семеро детей, четверо собственных и трое удочеренных.

На его похороны пришло много народа. Были среди них

военные летчики, спортсмены, люди старшего поколения, жители Казани. Но похороны в целом прошли спокойно. Последние почести Василию были отданы на нормальном человеческом уровне.

Много лет уже прошло после смерти Василия Сталина. Казань, где покоится его прах, сегодня переживает сложные времена. Затрагивают они и покойника. 28 октября 1988 года в статье "Осквернители", опубликованной газетой "Вечерняя Казань", сообщалось:

"Есть на Арском кладбище ничем не примечательная могила...

Стоят в оцепенении люди около железной ограды. Читают. Не смотрят в глаза друг другу. Краской стыда горят их негодующие лица.

— Памятник, он что? Он все вынесет, — причитает старушка.

— Вандализм какой-то! — возмущается юноша-студент.

Девушка достает из сумочки белоснежный платок и пытается стереть с черного мрамора застывшую нитрокраску. Кто-то плеснул на золотистые буквы серной кислотой. Сквозь рыжие потеки они еле проступают:

"Джугашвили Василий Иосифович 24.III.1921 – 19.III.1962. Единственному от М. Джугашвили".

Да, судьба распорядилась так, что последние годы своей недолгой жизни Василий Джугашвили — сын Сталина — провел в Казани. До этого он воевал, прошел Великую Отечественную войну, потому и похоронен рядом с братским кладбищем. Здесь он и обрел последний свой приют...

Была когда-то на мраморном обелиске фотография Василия Джугашвили. Но ее десятки раз выбивали железом, в нее стреляли из малокалиберной винтовки, выкорчевывали вместе с осколками черного камня...

Зачем? Почему? Кто? Откуда эта патологическая ненависть к человеку, который был виноват лишь в том, что был сыном Сталина? "Сын за отца не отвечает", — изрек когда-то Сталин и... уничтожил тысячи ни в чем не повинных сынов и дочерей "врагов народа". Так неужели и мы будем пользоваться сталинскими методами? Ответьте мне те, кто вот уже около 25 лет оскверняет безвинную могилу..."

Эта газетная статья заставляет задуматься о многом. Сложна судьба Василия Сталина. Еще более сложны и неоднозначны оценки его нашими современниками. Но безоговорочно лишь одно — глумление над могилой безнравственно. Двадцать семь раз Василий Сталин вступал в бой. Двадцать семь раз оказывался лицом к лицу со смертью, и уже этим он не заслуживает такого отношения к себе. Его дочь Надежда Сталина сказала мне: "Мы просили не раз перезахоронить отца на Новодевичьем

кладбище в Москве, рядом с прахом его матери Надежды Сергеевны. Раньше следовали отказы. Сейчас другое время. Самим нам это сделать не под силу ни физически, ни материально. Думаю, что солдат Великой Отечественной войны Василий Сталин заслужил это от Министерства обороны".

СВЕТЛАНА

Светлана Аллилуева родилась в 1926 году. От рождения она была зарегистрирована Сталиной. Ее детство прошло на даче в Зубалове, неподалеку от Москвы, в бывшем доме нефтепромышленника из Батуми. С малых лет ее окружали няньки, воспитатели, педагоги. С матерью Светлана прожила всего шесть с половиной лет. Сохранилось только одно письмо Надежды Аллилуевой к своей дочери, написанное, видимо, в 1930-м или 1931-м году, которое во многом характеризует мать:

"Здравствуй, Светланочка!

Вася мне написал, что девочка что-то пошаливает усердно. Ужасно скучно получать такие письма про девочку. Я думала, что оставила девочку большую и рассудительную, а она, оказывается, совсем маленькая, и, главное, — не умеет жить повзрослому. Я тебя прошу, Светланочка, поговори с Н.К. (воспитательница. — А.К.), как бы наладить все дела твои, чтобы я больше таких писем не получала. Поговори обязательно и напиши мне вместе с Васей или Н.К. письмо о том, как вы договорились обо всем. Когда мама уезжала, девочка обещала очень, очень много, а оказывается, делает мало.

Так ты обязательно мне ответь, как ты решила жить дальше, по-серьезному или как-нибудь иначе. Подумай как следует, девочка уже большая и умеет думать. Читаешь ли ты что-нибудь на русском языке? Жду от девочки ответ.

Мама".

Письмо матери наводит на серьезные размышления. Адресуется оно пятилетней девочке, дочери, но тон его, манера общения слишком черствы. В письме так мало материнской теплоты и даже подпись "мама" слишком лаконична, не сопровождаемая привычными ласковыми словами к ребенку, которые были бы здесь так уместны.

Совсем иного содержания письма, которые она получала от отца, когда кто-то из них находился на отдыхе. Между отцом и дочерью установилась своеобразная, я бы сказал, игровая форма взаимоотношений: дочь писала ему в шутливой форме "приказы", а он в ответах докладывал ей об их исполнении, ласково

называя ее хозяйкой. Если же она сердилась на отца, то грозила пожаловаться на него повару, на что отец отвечал ей: "Пожалей меня. Если ты скажешь повару, то я совсем пропал".

"Сетанке-хозяйке.

Ты, наверное, забыла папку. Потому-то и не пишешь ему. Как твое здоровье? Не хвораешь ли? Как проводишь время? Лельку не встречала? Как ты жива? Я думал, что скоро пришлешь приказ, а приказа нет как нет. Нехорошо. Ты обижаешь папку. Ну, целую. Жду твоего ответа.

Папка".

А вот другое:

"Здравствуй, Сетанка!

Спасибо за подарки. Спасибо также за приказ. Видно, ты не забыла папку. Если Вася и учитель уедут в Москву, ты оставайся в Сочи и дожидайся меня. Ладно? Ну, целую.

Твой папка".

На сохранившихся фотографиях счастливый отец, чаще в сапогах и кепке, рядом с дочерью или она у него на руках. Лица их радостны. Девочка одета нарядно. Во взглядах отца нельзя не заметить любовь к дочери.

Сохранились и ее детские фотографии на коленях у Л.П. Берии. Тоже счастливые лица. Берия опекал ее. Когда она ездила в Грузию в гости к бабушке, то останавливалась в его доме. Отсюда пошло ее обращение к нему "дядя Лара".

Детство ее, несмотря на материальное благополучие и любовь отца, нельзя назвать безоблачным, оно во многом наложило отпечаток на всю ее последующую жизнь.

Никита Сергеевич Хрущев, бывавший в 30-х годах в доме И.В. Сталина, много лет спустя скажет: "Отношения Светланки с отцом складывались сложно. Он любил ее, но проявлял свою нежность так, как это делает кошка по отношению к мышке. Вначале он травмировал душу ребенка, позже — девушки, а еще позже — женщины, ставшей матерью. Результатом всего этого явилось постепенное возникновение у Светланки психического расстройства".

О том, что мать не просто умерла, а покончила жизнь самоубийством, Светлана узнала, уже будучи взрослой девушкой, прочитав об этом в зарубежной прессе, а затем выяснив подробности у окружающих ее людей. Для нее, конечно, это было потрясением, тем более что ей стало известно о якобы оставленном матерью политическом завещании. Сама она его никогда не видела и узнала о нем только из рассказов прислуги. Завещание это не обнаружено и никаких его следов в архивах нет.

После смерти матери жизнь Светланы проходила в основном в Кремле или на даче рядом с отцом. Отец следил за ее учебой,

почти каждый день интересовался ею, регулярно подписывал дневник. Дочкой он был доволен. Училась она хорошо. Но часто засиживалась допоздна, утром опаздывала на занятия. Как и Василий, в школу она ходила в сопровождении охранника, питалась отдельно от остальных учащихся. Учителя отмечали ее склонность к литературе. Перед окончанием школы учительница литературы даже написала И.В. Сталину письмо, в котором говорила о целесообразности ее поступления на филологический факультет. Того же хотела и Светлана. "В литераторы хочешь, — недовольно проговорил отец, — так и тянет тебя в эту богему! Они же необразованные все, и ты хочешь быть такой... Нет, ты получи хорошее образование, ну, хотя бы на историческом. Надо знать историю общества, литературу — это тоже необходимо. Изучи историю, а потом занимайся чем хочешь".

Отец настоял на поступлении Светланы на исторический факультет МГУ, где она начала учебу в 1943 году. После его окончания она все-таки поступила на филологический факультет и успешно его окончила. Ее стремление к филологии было оценено отцом, получило его поддержку, и в итоге она поступила в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, после окончания которой ей была присвоена ученая степень кандидата филологических наук.

Вот что о ее учебе написал профессор Я.Ф. Яскин из Саратова, учившийся в МГУ в те годы: "О том, что у нас в МГУ учится дочь Сталина, можно было даже прочитать на плакате. Хорошо помню, как на площадке лестницы, ведущей на второй этаж здания исторического факультета на улице Герцена, висел плакат: "Сталинские стипендиаты". Четыре фамилии и среди них — Сталина Светлана. Она окончила истфак по кафедре всеобщей истории и писала дипломную работу под руководством профессора Звавича. Потом некоторое время она училась в аспирантуре кафедры марксизма-ленинизма МГУ, где ее руководителем значился профессор Кротов, но над диссертацией здесь она не работала и вскоре оказалась на кафедре литературы АОН при ЦК КПСС, где и защитила диссертацию по историческому роману, использовав свое базовое образование.

Во время празднования Нового, 1952 года в присутствии многочисленных гостей отец преподал ей жестокий урок, когда она, уставшая, не захотела танцевать в кругу людей много старших ее и бывших уже изрядно пьяными. В ответ на ее отказ отец схватил ее за волосы и, дернув, затащил, плачущую, в круг. Его отцовские чувства даже по отношению к дочери имели очень своеобразную форму выражения.

Светлана проявила себя довольно способным литератором-профессионалом. Она перевела с английского языка книгу "Мюнхенский сговор". Позже, за рубежом, написала и издала

три книги собственных воспоминаний: в 1967 году — "Двадцать писем к другу", в 1970 году — "Всего один год", в 1984 году — "Далекие звуки". Конечно, как и всякие воспоминания, они отмечены личным восприятием событий, людей, есть в них и конъюнктурные моменты.

Вот фрагмент из ее воспоминаний, в котором она анализирует трагический период нашей истории: "Какие это были люди! Какие цельные, полнокровные характеры, сколько романтического идеализма унесли с собою в могилу эти ратные рыцари Революции — ее трубадуры, ее жертвы, ее ослепленные подвижники, ее мученики...

А те, кто захотел встать над ней, кто желал ускорить ее ход и увидеть сегодня результаты будущего, кто добивался Добра средствами и методами Зла — чтобы поскорее, быстрее, быстрее крутилось колесо Времени и Прогресса, — достигли ли они этого?

А миллионы бессмысленных жертв, а тысячи безвременно ушедших талантов, погашенных светильников разума, которым не вместиться ни в эти двадцать писем, ни в двадцать толстых книг — не лучше ли было бы им, живя на земле, служить людям, а не только лишь "смертию смерть поправ", оставить след в сердцах человечества?

Суд истории строг. Он еще разберется — кто был герой во имя Добра, а кто — во имя тщеславия и суеты. Не мне судить. У меня нет такого права. У меня есть только лишь совесть. И совесть говорит мне, что если не видишь бревна в своем глазу, то не указывай на соринку в глазу другого... Все мы ответственны за все.

Пусть судят те, кто вырастет позже, кто не знал тех лет, и тех людей, которых мы знали. Пусть придут молодые, задорные, которым все эти годы будут — вроде царствования Иоанна Грозного — так же далеки и так же непонятны, и так же странны и страшны...

И вряд ли они назовут наше время "прогрессивным", и вряд ли скажут, что оно было "На благо великой Руси"... Вряд ли..."

Да, она довольно точно сумела предугадать последовавшие в наше время суровые оценки преступлений, совершаемых в ходе массовых репрессий в период культа личности Сталина, когда были безвинно уничтожены миллионы людей, когда нарушение законности было возведено в ранг официальной политики. Но время все поставило на свои места. Восстановление справедливости, начатое Н.С. Хрущевым вскоре после 1953 года, получило революционное продолжение в наше время перестройки, развития демократии, обновления всех сторон жизни общества.

...Смерть И.В.Сталина, безусловно, внесла коррективы во

всю последующую жизнь Светланы. Эта смерть была для нее потрясением, ее она восприняла как страшную трагедию, как уход одного из самых близких ей людей, который любил ее и которого любила она, кого она многие годы считала всесильным, способным преодолеть все, хотя признаки надвигавшейся его старости не проходили мимо нее. По всей видимости, она тяжело пережила разоблачения преступлений Сталина, и так же, как когда-то ее мать, Светлану постигло трагическое разочарование. В дальнейшем она была уже не "лелеянным дитем", прожив десять трудных для себя лет после XX съезда партии в совсем иных условиях, чем до 1953 года, хотя и пользовалась многими льготами и привилегиями.

В 1962 году не было ее и на похоронах брата Василия в Казани, наверно, из-за состояния ее здоровья. В Москве она обращалась к К.Е. Ворошилову и А.И. Микояну с просьбой разрешить похоронить брата на Новодевичьем кладбище рядом с матерью. Ввиду того, что к новой жене брата она, судя по всему, не испытывала симпатий, не общалась с ней и не могла лично знать происходивших там событий, она тем не менее написала: "На похороны собралась чуть ли не вся Казань... На детей и Капитолину смотрели с удивлением — медсестра Маша, успевшая зарегистрировать с ним брак, уверила всех, что она-то и была всю жизнь его "верной подругой". Она еле допустила до гроба детей".

Думаю, серьезных оснований для такого утверждения у С. Аллилуевой не было.

Довольно тяжело складывалась и личная жизнь Светланы. В семнадцать лет она увлеклась тридцатидевятилетним Алексеем Яковлевичем Каплером. Это стало известно отцу. "Мне все известно, — сказал он. — Твой Каплер — английский шпион". — "А я люблю его!" — сказала дочь. "Любишь?!" — выкрикнул отец с невероятной злостью к самому этому слову. Я получила две пощечины, впервые в своей жизни. "Подумайте, няня, до чего она дошла! — он не мог больше сдерживаться, — идет такая война, а она занята..." — и он произнес грубые мужицкие слова".

Каплер провел в заключении десять лет...

Студенткой Светлана вышла замуж за Г.И. Морозова*, сына коммерческого директора парфюмерной фабрики в Москве. Григорий учился в одном классе с ее братом Василием. Он бывал в их доме, и вполне естественным выглядит ее увлечение красивым, способным и интеллигентным молодым человеком.

Как и многих родственников жены Сталина Н.С. Аллилуевой, отца мужа Светланы также арестовали по ложно сфабрикованному обвинению и продержали в заключении шесть лет, вплоть до 1953 года. Причем обвинение строилось на том, что он якобы изменил фамилию Мороз на Морозов, хотя на сохра-

нившейся до наших дней могиле его деда стоит надгробие с надписью "Морозов". Отец Светланы, как она сама написала, браку не препятствовал, но с ее мужем не встречался. В их семейную жизнь Сталин не вмешивался. Этот брак распался через три года. От него у Светланы остался сын. Удивительно, как чутко реагировало сталинское окружение на изменения в родственных отношениях вождя. Буквально сразу последовала серия разводов на национальной почве. И первой этому примеру последовала дочь Маленкова Валя, которая развелась со своим первым мужем Шамбергом, хотя сам Маленков никогда антисемитом не был. Вскоре Светлана вышла замуж за Ю.А. Жданова*. Видимо, в угоду отцу ее сын от первого брака был переоформлен на фамилию второго мужа. По ее свидетельству, это был брак без особой любви, без особой привязанности, по здравому размышлению. Это замужество также не принесло Светлане счастья. Вскоре они расстались. Дочь Ю.А. Жданова Катю Светлана воспитывала без мужа.

После окончания школы Светлана жила отдельно от отца. По ее просьбе ей была выделена хорошая квартира в "доме на набережной". В ней она прожила вплоть до 1967 года. После ее отъезда из СССР некоторое время в ней жил ее сын Иосиф.

После 1953 года существенно изменился и внутренний мир Светланы, отразившийся на ее образе жизни. Видимо, сказались изменения, произошедшие в советском обществе. Сосредоточить свое внимание на каком-то виде деятельности ей не удавалось. Короткое время она работала в Литературном институте, потом в Агентстве печати "Новости". Вероятно, работа удовлетворения не приносила. Существенно изменилось и отношение к ней со стороны многих знавших ее людей — от заискивания до вражды, от прежних симпатий до отчуждения, от хороших отношений до непредсказуемых последствий.

Она обратилась к религии: "Я крестилась в Москве в мае 1962 года", — ответила Светлана Аллилуева в Москве на вопрос корреспондента агенства "Рейтер" Чарлза Бремнера в 1984 году, — я, безусловно, верующий человек, хотя формальная принадлежность к церкви и формальные ритуалы имеют для меня очень малое значение. Я бы даже сказала, что без моего глубокого религиозного чувства у меня просто не было бы вот этой ужасной вины, которая висела надо мной все эти годы и в конце концов привела меня домой. Да, я религиозный человек и сегодня".

Ее обращение к богу, по всей видимости, отражало поиски новых нравственных ориентиров. К религии люди обращаются, как правило, в результате разочарования бытием, окружением или, напротив, поиска высших нравственных ценностей. У Светланы могло быть и то, и другое. Фактом остается глубокое

разочарование во всем своем окружении, да и в самой себе тоже. Имея прекрасные профессиональные способности, высокую научную квалификацию, она тем не менее потеряла всякую профессиональную перспективу. Не находила ее она и в личной жизни. Вся ее жизнь вдруг потеряла смысл в самый расцвет ее жизненных и творческих сил.

Если обратиться к написанному ею в этот период, отпечаток религиозности ощутим довольно определенно: "И когда умру, пусть меня здесь в землю положат, в Ромашково, на кладбище, возле станции, на горке — там просторно, все вокруг видно, поля кругом, небо... И церковь на горке, старая, хорошая — правда, она не работает и обветшала, но деревья в ограде возле нее так буйно разрослись, и так славно она стоит вся в густой зелени и все равно продолжает служить Вечному Добру на Земле".

И все-таки что заставило ее уехать из СССР, бросить все, даже детей, близких друзей? Ее официальная версия: "...Мое невозвращение в 1967 году было основано не на политических, а на человеческих мотивах. Напомню здесь, что уезжая тогда в Индию, чтобы отвезти туда прах близкого друга — индийца, я не собиралась стать дефектором, я надеялась тогда через месяц вернуться домой. Однако в те годы я отдала свою дань слепой идеализации так называемого "свободного мира", того мира, с которым мое поколение совершенно было незнакомо".

Если верить ее мыслям, высказанным в книге "Двадцать писем к другу", то в течение пяти недель, летом 1963 года, она подвела итог своей жизни, абсолютно искренне, как на исповеди, и совершилось это на даче в деревне Жуковке. "У меня не было подвигов, я не действовала на сцене. Вся жизнь моя проходила за кулисами. А разве там не интересно? Там полумрак, оттуда видишь публику, рукоплескающую, разинув рот от восторга, внимающую речам, ослепленную бенгальскими огнями и декорациями, оттуда видны и актеры, играющие царей, богов, слуг, статистов; видно, когда они играют, когда разговаривают между собой, как люди. За кулисами полумрак, пахнет мышами и клеем и старой рухлядью декораций, но как там интересно наблюдать! Там проходит жизнь гримеров, суфлеров, костюмерш, которые ни на что не променяют свою жизнь и судьбу — и уж кто, как не они, знают, что вся жизнь — это огромный театр, где далеко не всегда человеку достается именно та роль, для которой он предназначен. А спектакль идет, страсти кипят, герои машут мечами, поэты читают оды, венчаются цари, бутафорские замки рушатся и вырастают в мгновение ока. Ярославна плачет, летают феи и злые духи, является тень короля, томится Гамлет, и безмолвствует народ..."

В книге С. Аллилуевой "Двадцать писем к другу" содержатся подчас противоречивые оценки ряда людей, не всегда их ха-

рактеристики и описания связанных с ними событий представляются объективными. Многие мои собеседники, знавшие Светлану довольно близко до ее отъезда из СССР, видят причину этого в том, что в книгу вошли ее дневниковые записи, первоначально для печати не предназначавшиеся. Некоторые события в ее книге как бы лишены внутренней логики. Так, о своем первом муже Г.И. Морозове она написала, что И.В. Сталин с ним не встречался. Могло ли так быть? Ведь жили они в Кремле в одной квартире, и встречи их были неизбежны.

Можно предположить, что, готовя книгу к публикации за границей, С. Аллилуева сознательно в ней отстраняла Н.И. Морозова от своей семьи, боясь, что он будет иметь неприятности на Родине. Возможно, она надеялась, что в трудные минуты он не оставит ее детей, поможет им. Так, собственно, в жизни и случилось. Здесь материнское чувство ее не подвело.

Прошло всего четыре года после 1963 года, и она стала совсем другим человеком, решившимся на самый радикальный шаг в своей жизни, переступив через самое дорогое — Родину.

В те годы, как и сейчас, о ее личной жизни ходило много слухов, сплетен, говорили, что именно в этом причины ее выезда из СССР. Наверное, большинство из них не имело под собой реальных оснований, порождены они были отсутствием правдивой информации. Н.С. Хрущев по этому поводу сказал: "Мне всегда неприятно было слушать сплетни о плохом поведении Светланы и о ее супружеской неверности. Она долгое время жила одна, без мужа. Это нельзя считать нормальным. У нее было двое детей, сын от первого мужа и дочка от младшего Жданова. Разоблачение злоупотреблений властью, которые допускал Сталин, явилось для нее еще одним жестоким ударом.

Позднее Микоян рассказал мне, что Светлана приходила к нему за советом. Она хотела выйти замуж за индийского журналиста. Она сказала Микояну, что любит этого человека. Он был старше ее, но она знала его в течение длительного времени, и он был порядочным человеком, коммунистом. Микоян сказал: "Она просила меня выяснить, как ты к этому отнесешься". Я был удивлен, что она спрашивает мое мнение. С моей точки зрения, это было ее личное дело. Я так и сказал Микояну: "Если она считает его достойным человеком, пусть выходит за него замуж. Что бы она ни решила, не будем вмешиваться. Тот факт, что он не является гражданином Советского Союза, не должен быть препятствием, если она действительно любит его". И она вышла за него замуж. Я был доволен. Я просто хотел, чтобы она смогла устроить свою личную жизнь.

Смерть и похороны ее третьего мужа стали последней каплей, переполнившей чашу терпения. Она сейчас очень несчастна".

После отъезда Светланы из СССР ее лишили советского гражданства. За рубежом же ей посвящали свои страницы самые престижные органы печати. Делался "новый бестселлер Америки", и вместе с ним обретала известность и Светлана. Газета "Франс суар" рассказала "о трагических любовных историях Светланы". Газета "Юманите диманш" прокомментировала первые шаги ее за рубежом следующим образом: "Итак, жизнь С. Аллилуевой выставлена напоказ для толпы. Можно не сомневаться, что некоторые заатлантические журналисты, которых не терзают угрызения совести и которые не слишком стеснительны, еще больше добавят того, что они называют "пикантным". Эммануэль д'Астье де ла Вижери сообщил газете "Франс суар", что сокровенное желание Светланы состоит в том, чтобы вернуться в Индию и "закончить свою жизнь в тиши". Приходится констатировать, что эта "тишь" начинается очень большой шумихой и что если "ее судьба состоит в том, чтобы скитаться по свету", то эти скитания не выглядят такими уж бескорыстными. Прекрасные чувства всегда немножко вызывают опасения, когда украшением им служит доллар...

Да, маловероятно, что доллары принесут удачу этой женщине..."

Французский журналист Анри Вордаж, что называется, попал "в точку". Он предсказал Светлане, и во многом очень точно, жизнь на двадцать лет вперед, тяжелую прежде всего для нее самой.

Журнальный вариант "Мемуаров" был продан гамбургскому еженедельнику "Шпигель" за 480 000 марок, что в переводе на доллары составляет 122 тысячи. Свою жизнь за рубежом Светлана начинала очень беспечно.

Неизбежно возникает вопрос: каким образом рукопись оказалась за рубежом? И целый комплект фотографий к ней? Совершен был этот шаг в порыве или продуман заранее?

Как стало мне известно, рукопись книги "Двадцать писем к другу" С. Аллилуева вывезла в сумке, где находилась урна с прахом ее мужа.

Обратимся к пресс-конференции, проведенной 16 ноября 1984 года в конференц-зале Комитета советских женщин в Москве.

Итак, вопросы двух журналистов:

Питер Бицер, корреспондент журнала "Штерн":

— Вопрос касается мемуаров, которые были опубликованы в журнале "Штерн". 17 лет назад вы опубликовали в Америке свою первую книгу, где вы говорили о рукописи, которая была украдена КГБ, текст ее Виктор Луи привез в Германию, и он был опубликован в журнале "Штерн". Вы сейчас собираетесь восстановить свои связи с этим господином?

С.Аллилуева:

— Я никогда в жизни не встречала Виктора Луи, и у меня сейчас нет ни малейшего желания его встречать. Летом 67-го года действительно одна из копий, которая оставалась в Москве, была перевезена им в Англию вместе с целой кучей фотографий, взятых у меня в моем доме. Он пытается напечатать эту рукопись в журнале "Штерн". Я видела эти страницы, там было много добавлено, а фотографиям он дал ложное толкование, потому что не знал, кто это и что это. Это был факт. И я повторяю, что Виктор Луи ссылается на то, что он, якобы, знал меня и так далее. Мы с ним никогда не встречались и надеюсь, что не встретимся.

Серж Шенеман, корреспондент газеты "Нью-Йорк таймс":

— Мисс Аллилуева, в своем заявлении вы сказали, что во время вашего пребывания вы были в руках... или вами манипулировали, в частности, ЦРУ (если я не ошибаюсь, вы упомянули ЦРУ), и вам не дали возможность поселиться в небольшой нейтральной стране, насколько я помню, вы упомянули Швейцарию. Не могли бы вы сказать, кто и каким образом помешал вам сделать это?

С.А. Аллилуева*:

— Я уже сказала, что с самого первого момента, как только попала в Соединенные Штаты, я оказалась в руках, во-первых, очень сильной адвокатской фирмы из Нью-Йорка, которая была, так сказать, рукой правительства во всем этом. Еще в Швейцарии в 1967 году мне дали подписать ряд легальных бумаг, смысла которых я не могла понять, и этот смысл не был мне объяснен. Эти документы, подписанные мною, поставили меня в положение совершенной бесправности: как автор, я лишилась всех прав на свою книгу, я должна была делать то, что эта фирма говорила. Я помню, как мне предложили поехать туда, потом поехать сюда. Я бы хотела первые месяцы быть в Нью-Йорке, чтобы посмотреть этот город и все, что там есть. Нет, меня все время пересылали из одного места в другое, что было все малоинтересно.

Дальше. Моя первая книга мемуаров "Двадцать писем к другу". Эта фирма находилась в очень тесном контакте и с Государственным департаментом, и с ЦРУ. Дальше возник вопрос о второй книге, потому что мои мемуары о детстве и о семье Америку не удовлетворяли. Написание книги "Только один год" было буквально коллективным творчеством. Моими страницами была глава об Индии. Тут я писала все, что хотела. В дальнейшем мне начали говорить и подсказывать, что писать, чего не писать, исключить всю историю о том, как мы летели из

Дели через Рим в Швейцарию, что и почему. Рукопись читалась и перечитывалась целым рядом лиц, большинство из которых я упомянула в конце, выразив им всем ироническую благодарность, против чего они не возражали. Но некоторые лица были там даже не упомянуты, потому что не принято называть имена лиц, которые работают в Интеллидженс.

Итак, попробуем проанализировать ответы. Маловероятно, что рукопись предназначалась для опубликования в СССР, во всяком случае, в тот период. Аллилуева попала в двойственное положение. С одной стороны, в рукописи была предпринята попытка в духе развенчания культа личности осудить сталинские репрессии, приведшие к огромным жертвам. И это было сказано в 1963 году. А с другой стороны, уже с 1964 года вплоть до выезда автора из страны в 1967 году начался период замалчивания и тихого оправдания сталинизма. Как историк, как писатель, Светлана, видимо, стояла перед выбором: обречь свое произведение на неизвестность или сделать роковой шаг, за которым могла открыться совсем иная страница ее биографии. Ведь как писателя ее до 1967 года в нашей стране не знал никто. Для очень многих она была только дочерью Сталина, и внимание к ее персоне, несмотря на незаурядные способности, было диаметрально противоположным тому, чего она хотела. Так что, думаю, рукопись попала за рубеж не случайно. Теперь попытаемся представить ситуацию, что рукопись была бы опубликована за рубежом, когда автор — в СССР. На примере Б. Пастернака и даже Н.С. Хрущева мы знаем, как и чем это кончается. Могла, наверное, это предположить и С. Аллилуева, которая обладала волевыми качествами, необходимыми для решающего выбора.

Это во многом подтверждается и тем, что она стремилась за рубежом активно писать, заниматься фотографией, языками. Как показывает анализ ее жизни и деятельности после 1967 года, кое-что ей удалось, но далеко не все, что, вероятно, заставило ее сказать через много лет: "Моя жизнь за границей постепенно утрачивала всякий смысл. Моей целью было не обогащение, а жизнь среди писателей, художников, интеллигенции. Однако из этого ничего не вышло".

В самых невероятных вариантах и в самых немыслимых интерпретациях ходят по рукам перепечатанные записки С. Аллилуевой "Двадцать писем к другу", "Только один год". Многие советские граждане из самых различных городов и сел СССР ссылаются на них.

Очень многие считают, что она выехала из СССР под давлением Никиты Сергеевича Хрущева. Это не так. Хрущев, узнав о ее невозвращении на Родину, был потрясен, но постарался войти в ее положение.

Вот что он написал по этому поводу: "Ее бегство на Запад — совершенно неправильный поступок, которому нет оправдания. Однако во всем этом деле есть и другая сторона. Она действительно совершила глупый шаг, но и со Светланкой обращались грубо и оскорбительно. После захоронения праха своего мужа она, по-видимому, отправилась в наше посольство в Дели. Советским послом в Индии был тогда Бенедиктов, я знал его. Это человек исключительно строгих взглядов. Светланка сказала, что хотела бы остаться в Индии на несколько месяцев, но Бенедиктов посоветовал ей немедленно вернуться в Советский Союз. Это было глупостью с его стороны. Когда советский посол рекомендует советскому гражданину немедленно возвратиться на родину, это вызывает у данного человека подозрения. Светланка слишком хорошо знала подобную практику. Она знала, что это служит выражением недоверия к ней. Это не было заботой о ее благополучии. Ей выразили недоверие, политическое недоверие, что могло плохо кончиться для нее. Такая тактика оскорбительна, унизительна и выводит из равновесия даже человека со стойким характером, а у Светланки характер был нестойким. Об этом говорит и ее книга. Она не выдержала и обратилась за помощью к властям других стран. В ее бегстве частично виноваты те люди, которые вместо проявления такта и уважения к гражданину Советской Родины применяли полицейские меры.

Что, с моей точки зрения, следовало бы сделать? Я убежден, что если бы с ней обошлись по-иному, этого прискорбного случая вообще бы не произошло. Когда Светланка пришла в посольство и заявила, что ей необходимо остаться в Индии еще на 2–3 месяца, там ей должны были сказать: "Светлана Иосифовна, а почему только на 3 месяца? Возьмите визу на год, или два или даже на три года. Вы можете получить визу и жить здесь. Потом, когда будете готовы, вы можете в любое время вернуться в Советский Союз". Если бы ей дали возможность свободного выбора, она сохранила бы спокойствие. Ей следовало показать, что она пользуется доверием. Я убежден, что если бы с ней поступили подобным образом, то даже при наличии уже написанной книги она либо не опубликовала бы ее совсем, либо переписала бы заново. Однако с ней обращались так, как будто хотели подчеркнуть, что она находится под подозрением. Светланка — умная женщина; она поняла это и пошла к американскому послу. Вот так она и попала в Швейцарию, а оттуда в Америку. Она навсегда порвала связь с Родиной, оставила своих детей, сына и дочь, покинула своих друзей. Она лишилась всего, что ей было дорого. А с этим окончилась ее жизнь как советского гражданина. Мне так жаль Светланку! Я все еще называю ее Светланкой по привычке, хотя она уже много лет Светлана Иосифовна.

А что, если бы вели себя в соответствии с моими рекомендациями, а Светланка все равно не вернулась бы из Индии? Это было бы плохо, но не хуже того, что произошло. Ведь на деле-то даже существующая система выдачи виз не позволила вернуть ее обратно. То, что случилось со Светланкой, причиняет мне боль, однако я считаю, что пока еще не все потеряно. Она еще может возвратиться. Она, возможно, будет чаще и чаще думать о возвращении к своим детям. Нам следует дать ей еще один шанс. Ей необходимо дать понять, что если она выразит желание вернуться назад, то ей охотно пойдут навстречу, и что слабость, которую она проявила, когда оставила свою страну и уехала в Америку, не будет использована против нее. Я не оправдываю поступок Светланки, но не могу простить и тех людей, которые не захотели протянуть ей руку помощи и подсказать правильный путь, а вместо этого толкнули ее на ошибочный, не имеющий оправдания и неразумный шаг, швырнувший ее в грязное болото эмигрантской жизни".

Н.С. Хрущев, мне кажется, сумел дать точную оценку причин, способствовавших ее невозвращению домой. Наверное, слишком хорошо знавшая формы и методы действия в таких случаях своего отца, его окружения и соответственно официального подхода к подобным явлениям, она могла предположить для себя и самое страшное. Но могло быть и так: имея в руках книгу своих воспоминаний и чувствуя в себе силы продолжить творческую деятельность, она не нашла в себе сил отказаться от лестных издательских предложений, которые ее ставили в довольно независимое материальное положение, поэтому она и предприняла такой шаг — покинуть Родину. В жизни всегда приходится выбирать. И, как правило, такой выбор редко бывает случайным или неожиданным для того, кто его делает, в отличие от окружающих. Человек, делающий роковой выбор, наверное, не раз совершает его в своих мыслях и только потом наяву, в жизни. Думаю, не была здесь исключением и Светлана Аллилуева.

"Сияющее от радости лицо Светланы, дочери Сталина, изысканное американское общество впервые увидело в 1967 году, когда она прилетела в США. Изящная, жизнерадостная женщина 41 года с рыжими, вьющимися локонами, розовыми щеками, робкими голубыми глазами и привлекательной улыбкой, казалось, светилась чувством добра и искренности. Казалось также, что она одновременно и наслаждалась своей известностью — феноменальным успехом своей первой книги "Двадцать писем к другу", которая принесла ей полтора миллиона долларов. Появившиеся поклонники стали посылать ей домой в Принстон (штат Нью-Джерси) цветы, письма, всевозможные подарки и даже предложения на брак. В общественных

кругах и кругах деловых людей не без успеха ухаживали за ней" — так писал о ней журнал "Шпигель" в мае 1985 года в статье "Мой отец расстрелял бы меня за это".

Этот журнал рассказал, что в дальнейшем она получила приглашение погостить от вдовы архитектора Райта, урожденной Лазович, в свое время приехавшей из Грузии. Через три недели после приезда к ней Светлана вышла замуж за В.В. Питерса, главного архитектора Танзимет-Веста. От этого брака 21 мая 1971 года родилась дочь Ольга, которая в 1978 году получила гражданство США.

Брак С.И. Аллилуевой с В.В. Питерсом был непродолжительным. В 1972 году он был расторгнут, а она получила права родительской опеки.

Вот как охарактеризовала С. Аллилуева своего мужа: "...Архитектор Вильямс Весли Питерс — слабый человек. Он делает то, что ему говорят. Он вступил в брак со мной, потому что так хотели окружавшие его сотрудники и боссы. И он сделал это, переоценив мое финансовое благополучие. Как только он выяснил эту переоценку, так весь его интерес к его семье и новорожденной дочери улетучился. Наш брак распался очень скоро, менее, чем через два года. В соглашении, подписанном им в июле 1972 года в городе Феник, Аризона, в конторе фирмы "Люкс энд Рока", он отказался в мою пользу от всех прав на нашу дочь, предоставив мне всю полноту опеки над ней. С тех пор он не потратил ни копейки нз ее воспитание, а своим правом посещения постоянно пренебрегал, посетив ее всего лишь четыре раза за 12 лет! Меня удивляет его интерес к дочери теперь, хотя я должна бы помнить, что мистер Питерс всегда с удовольствием откликался на интервьюирование и считал, что личная реклама полезна для популяризации его архитектурной фирмы. Я сделаю со своей стороны все возможное, чтобы осмеять его неуклюжие попытки вмешаться через столько лет в жизнь нашей дочери. Он сделал сам все возможное, чтобы отдалить девочку от себя, и в результате она его очень мало знает".

В дальнейшем она жила в нескольких городах Америки, а последний год своей жизни, до приезда в СССР — в Англии. В 1984 году в Индии была издана ее книга воспоминаний "Далекие звуки". От издания этой книги особого удовлетворения она, в отличие от "Двадцати писем к другу", не получила. Повторения феноменального успеха первой книги не произошло. Общество уже почерпнуло нужную информацию, да и, вероятно, не было интереса к ней самой как к писателю. Слишком многого о жизни в СССР, о переменах в обществе она не знала. Выходившая на Западе в этот период диссидентская литература вызывала более живой интерес, тем более, авторы были только что из СССР.

В том же году она обратилась с письмом к своему сыну в

СССР, в котором высказала намерение возвратиться на Родину. 10 ноября 1984 года Светлана обратилась в советское посольство в Лондоне и прибыла в СССР.

Какой же итог ее жизни за рубежом? Что она обрела за границей? Свободу мысли? Свободу творчества? Свободу передвижения? Счастье?

Возвращение ее на Родину говорит о том, что, видимо, то, что она хотела найти за ее пределами, найти ей не удалось, и это, наверное, нестерпимо горько, тем более когда приходится по этому поводу давать публичные объяснения, как было с ней на пресс-конференции. Но можно только приветствовать то великодушие, с которым отнеслось к ней руководство страны, не захлопнув перед ней двери.

Передо мной текст ее заявления для прессы. Очевидно, он неоднократно правился, переписывался, в него вносились дополнения. На последнем экземпляре ее рукой сделана правка. С. Аллилуева явно стремилась к отточенности фраз, предложений. Под текстом подпись: "С.Аллилуева. 16 ноября 1984 года".

А вот как итог своей зарубежной жизни подвела она сама (отдав-таки дань некоторым конъюнктурным моментам в духе того времени): "Попав в этот самый "свободный мир", я не была в нем свободна ни одного дня. Там я была в руках бизнесменов, адвокатов, политических дельцов, издателей, которые превратили имя моего отца и мою жизнь в сенсационный товар. Я стала в эти годы любимой дрессированной собачкой "Си-Ай-Эй"*, тех, что дошли даже до того, что стали говорить мне, что я должна писать, о чем и как. Старый друг, швейцарский адвокат доктор Питер Хафтер из Цюриха, хорошо знает из личной переписки со мной, как быстро испарился мой идеализм по отношению к Америке. Продолжать сегодня идеализировать США — было бы совершенно невозможно. Я знаю многих, кому возвратиться домой мешает только страх перед возможным наказанием. Я говорю о тех, кто, как и я, остался там, одурманенный идеалами псевдодемократии. Те, кто ехал туда, чтобы разбогатеть, они разбогатели, конечно, и процветают. Им там хорошо.

Все эти годы меня не покидало чувство глубокой вины. Сколько я ни старалась вполне искренне жить так, как все американцы, и наслаждаться жизнью, у меня этого не получалось. Позже я сделала попытки переехать в какую-нибудь мирную, небольшую страну вроде Швейцарии, Швеции, Греции, даже, может быть, в Индию, но мне удалось лишь только два года назад выбраться в Англию. Это к вопросу о свободе. То, что я хотела, — я сделать не могла. Я только сумела выехать в Англию. Только тогда и только там возник наконец контакт с моим сыном через переписку и телефон. До того я была совершенно отрезана от всякой информации о моих детях.

Моя жизнь за границей постепенно утрачивала всякий смысл. Моей целью было не обогащение, а жизнь среди писателей, художников, интеллигенции. Я хотела заниматься фотографией, языками. Однако из этого ничего не вышло. Мою третью книгу о моем невеселом американском опыте и разочарованиях ни американцы, ни англичане не желали издавать. Она была издана этим летом только в Индии очень небольшим тиражом.

Решение вернуться приходило ко мне несколько раз. Первый раз, когда я три года назад посмотрела в Нью-Йорке замечательный фильм Н. Михалкова "Обломов". Я чуть было не пошла в консульство тогда же. Затем, когда мы жили в Англии и происходило празднование победы союзных войск в Европе. Это было невозможно представить, чтобы при этом были забыты 20 миллионов советских простых солдат, которые отдали свои жизни для этой победы. Это было такой невообразимой несправедливостью, что в этот момент я ощутила, к кому я в самом деле принадлежу.

В общем-то, я не скрывала своих чувств. Когда в английской печати появились ненатуральные статьи перебежчика Битова, мне стало его очень жаль. Я написала ему письмо в газету "Гардиан", чтобы объяснить ему, что он заблуждается, что он слеп и в конце концов поймет, что он сделал ошибку. Это письмо было мне возвращено редакцией газеты "Гардиан". Оно было помечено: "Благодарим вас за вашу контрибуцию, но напечатать его не можем". Мне очень интересно, получил ли это письмо Битов? Потому что позже он уехал домой. В марте этого года я дала интервью газете "Обсервер". И в нем я тоже говорила о том, что мне очень хочется предупредить всех потенциальных дефекторов о том, чтобы они дважды подумали, прежде чем решат оставить свою страну и перебежать в так называемый "свободный мир". Это было напечатано в "Обсервер" в конце марта прошлого года.

Последней каплей для принятия решения в сентябре была болезнь моего сына и отсутствие вестей от моей дочери, которая живет на Камчатке. Она — геофизик, вулканолог. Я просто больше не могла терпеть этого разъединения и написала свое прошение. Решение вернуться сняло с меня чувство вины, мучавшее меня все эти годы. Я чувствую себя счастливой — я вернулась домой".

Заявление само по себе горькое. Видимо, в своих мыслях она возвращалась на Родину не раз. Да и тех, кто думал, что в "свободном мире" все легко и просто, наверное, не случайно она хотела как-то остановить, даже вступая в конфликты с прессой.

Возвратившись на Родину после почти восемнадцатилетнего отсутствия, Светлана неожиданно для себя встретила теплое

отношение и доброжелательство соотечественников. Москву она увидела неузнаваемо изменившейся. Ей звонили ее школьные и университетские друзья, знакомые. Она с удовольствием встречалась со своими родственниками, беседовала с ними, старалась найти контакты, восстановить добрые отношения. Начала собирать переводную литературу, обратилась к оставленным книгам. Обращаясь к журналистам, она сказала: "Прошу вас всех понять, что я вернулась в город, где родилась почти 59 лет назад. Здесь моя школа, мой университет, мои друзья, дети, внуки. Я наконец дома. Что вам еще? Что я еще должна объяснять? Меня приняли с великодушием, с доброжелательностью, которых я даже не ожидала. Моя просьба о гражданстве была быстро удовлетворена. Нас приняли, как принимали блудного сына в библейские времена. Я только могу сказать, что бесконечно благодарна!

Я намереваюсь жить такой же тихой частной жизнью, как я и прожила мои первые сорок лет в Москве. Личная реклама никогда не была моей целью. И я счастлива, что в этом обществе нет привычки выставлять напоказ частную жизнь семей. Как член этого общества, я не обязана отвечать на вопросы иностранной прессы. Я делаю вам любезность, и это в последний раз. Пожалуйста, не сопровождайте меня на улицах и не ловите меня в подъездах. Давайте после этой встречи оставим друг друга в покое и займемся своими текущими делами — вы и я".

Кстати, американским журналистам, не внявшим пожеланиям Светланы, и пытавшимся взять у неё интервью, встретив ее на московской улице, довелось испытать ее решительный характер, ибо в выражениях она не поскупилась. В Москве она тоже не осталась. Наверное, слишком разительным был контраст её воспоминаний и действительности. В Москве она жила в гостинице, от четырехкомнатной квартиры на улице Алексея Толстого отказалась, обосновав это нежеланием иметь столько домашних дел и уборки. Вскоре она выехала в Тбилиси, объяснив это своей привычкой жить в небольших городах, вдали от столичной суеты. До этого в Грузии она бывала несколько раз. В Грузии, как и в Москве, ее встретили с большим пониманием. Она поселилась в двухкомнатной квартире улучшенного типа, ей было установлено денежное содержание, специальное обеспечение и право использования для поездок государственного автомобиля. В Тбилиси она встретила свое шестидесятилетие, которое было отмечено в помещении музея ее отца. Дочь ее ходила в школу, занималась конным спортом. Но что-то, однако, и здесь ее не устроило. Вскоре она начала срываться, в гневе обрушиваясь на дочь, на знакомых, устраивала скандалы. Окончательно оттолкнула от себя сына, который, несмотря на устроенный ему ранее скандал, попытался вновь наладить с ней

взаимоотношения, когда она лежала в больнице на обследовании. Многие тбилисцы не раз были свидетелями ее скандалов с дочерью Ольгой. Ее старшая дочь так и не встретилась с ней, и внучки от нее она в СССР не увидела.

Прожив неполных два года в Советском Союзе, С. Аллилуева направила письмо в ЦК КПСС с просьбой разрешить ей выезд из СССР, мотивировав его отсутствием взаимопонимания с детьми. В Москве ей такое разрешение было дано незамедлительно, и она покинула во второй раз свою Родину, сохранив за собой двойное гражданство — СССР и США.

Своими впечатлениями от встреч со Светланой Аллилуевой я попросил поделиться четырех человек — Е.Я. Джугашвили, Н.В. Сталину, ее племянника и племянницу. Вот что рассказал в своем письме кандидат военных наук полковник Е.Я. Джугашвили (сын Якова Джугашвили):

"Первое, что меня поразило, удивило и насторожило, — это нежелание С. Аллилуевой видеть своего сына Иосифа с женой у меня дома, куда я ее пригласил на ужин. В моем доме в их адрес были сказаны оскорбительные слова. Когда я рассказал об этом Иосифу, он сказал: "Ты бы почитал ее письмо моему руководству, она требует исключить меня из партии, лишить ученого звания и, что самое смешное, — она требует, чтобы меня после всех лишений выслали на Сахалин!"

Стол моя жена приготовила в грузинском стиле. Еще бы, сама дочь И.В. Сталина после семнадцати лет мытарства на чужбине! Через некоторое время пришло ее письмо в академию. Со мной "разбирались". Искали по ее жалобе побочные доходы, поскольку я живу якобы не по средствам. Правда, "разбирались", посмеиваясь над содержанием письма.

Спустя какое-то время С. Аллилуева написала письмо моей жене, где советовала бросить меня и самой воспитывать "прекрасных деток". Как я потом выяснил, развестись с женой она требовала и от Иосифа.

При всей ее довольно скромной одежде, я уверен, она постоянно ощущала на своей голове корону и часто пускала в ход приказные формулировки, а свою дочь неоднократно обижала. Работники музея в Гори были свидетелями ее повелительных распоряжений и требований особого внимания к ее персоне.

Уезжая из Тбилиси, она заявила, что "ей надоело жить среди дикарей".

В самолете по пути Тбилиси–Москва она так описывала будущее семьи Сталина работнику грузинского музея: все внуки должны со временем переехать в Грузию и группироваться вокруг Оли (ее заграничной дочери). Одного работника постпредства назвала — "чекист проклятый".

Почему спустя некоторое время возненавидела Иосифа и

меня? А Бурдонского обласкала? — Чувство соперничества! Она всю жизнь боролась с Василием. Поехала она в свое время в тюрьму во Владимир вовсе не из-за сострадания, а чтобы насладиться падением "конкурента".

После семнадцатилетнего порхания за рубежом она здесь встретила новое поколение, сумевшее заявить о себе. Иосиф защитил докторскую диссертацию — личность в своей среде. А я просто не давал ей спокойно спать. Как это так? Она напишет из Грузии: "Сиди тихо в своем Урюпинске, не вылезай, иначе будешь иметь дело со мной. В Грузию ездить не смей!"

Семнадцать лет она "страдала" по детям. Даже пачку сигарет не привезла в подарок сыну и внуку. Когда мы с ней встретились в гостинице "Советская" (я принес цветы, конфеты, грузинское вино), пригласил ее на ужин в ресторан. Она отказалась. Я подумал, что стол, видимо, она накрыла в номере. Увы, из холодильника она вынула недопитую бутылку шампанского — это было, видимо, гостеприимство по западному образцу.

Вначале она возгорелась любовью к Галине Джугашвили (дочь Я. Джугашвили от второго брака) и сочувствием, видимо, к ее сыну.

По указанию Москвы в Грузии ей были созданы все условия жизни, а в гараже Совмина ГССР стояла машина ГАЗ-24 для ее обслуживания. На ипподроме выделялась лошадь для езды дочери. Преподаватели на дому обучали дочь русскому и грузинскому языку, разумеется, бесплатно. На отдыхе в Кобулети (в санатории Совмина) она ударила официантку по лицу за нерасторопность.

Поведение С. Аллилуевой непредсказуемо. Так, в начале нашей встречи она постоянно звонила (часто очень поздно) и советовалась. Например, она просила меня поговорить с руководством школы № 23, где учится мой младший сын Яков, о приеме ее дочери в эту школу, ибо она с английским языком, да и Яша мог бы опекать свою сестру.

Поездку в Грузию она мыслила осуществить через своих каких-то знакомых. Я посоветовал ей идти официальным путем. С ее согласия я обратился в Постпредство Грузии, с которым постоянно поддерживал связь. Результат оказался положительным.

Однако наши теплые отношения неожиданно были прерваны. Из "доброго и умного племянника" я вмиг превратился в "Женьку-хама и зазнайку, за которым бежит вся Грузия".

Или еще пример. При выходе из гостиницы "Советская", где они временно проживали, нас сфотографировал один мой товарищ с ее предварительного согласия. Каково же было мое удивление, когда она спустя некоторое время заявила, что это я сделал насильно. Но, судя по снимкам, она позировала с удовольствием".

А вот какое впечатление произвела С. Аллилуева на свою племянницу Н.В. Сталину (дочь Василия): "Как мать, воспитывающая дочь, не могу понять Аллилуеву. Фактически она бросила своих детей на произвол судьбы, не возвратившись в СССР. Еще до выезда из СССР о ней ходили слухи, как об исключительно скромном человеке. Но это только слухи. Я сама хорошо помню, что там, где она появлялась, сразу же шел слушок: "дочь Сталина". Это ей импонировало. Но скромность ее поведения, ее морально-этические аспекты выставлены напоказ в ее воспоминаниях. Когда она бывала у меня дома, уже после возвращения в СССР, я обратила внимание вот на какую деталь. Ее больше всего интересовало, как сложилась семейная жизнь ее близких. Удалась или нет? Мне кажется, что это от ее глубокого одиночества. В ее жизни не нашлось спутника, который прошел бы вместе с ней через все трудности и, когда надо, заслонил собой. У нее было несколько попыток подчеркнуть свои большие возможности. Она даже предложила мне купить дубленку. Но я с ранних лет слишком хорошо знаю цену деньгам, да и сейчас моя семья живет на зарплату мужа-актера, а она невелика, чтобы принимать такие подарки от других. Приглашала меня вместе с моей двоюродной сестрой Галиной Яковлевной Джугашвили отдохнуть летом на побережье. Я отказалась, а Галина мне потом рассказывала преотвратительные сцены, которые Светлана устраивала на отдыхе. Для нее ничего не стоит оскорбить другого человека. Безобразно вела себя она и в аэропорту на глазах у сотен людей, когда мне мои знакомые передали в подарок фрукты. Вот уже в ком уживается удивительная способность красиво писать и делать в жизни все подругому".

Наверное, многое в этих высказываниях характеризует натуру Светланы Аллилуевой. Но если посмотреть на все рассказанное сочувствующим взглядом, можно предположить и другие причины столь странных поступков, когда немолодая, одинокая женщина вдруг так неосмотрительно разрывает последние родственные связи. Она знала жизнь в СССР больше по тому времени, когда она жила при отце — до 1953 года, и после — до 1967 года. О начавшемся в СССР процессе замалчивания преступлений сталинизма и постепенного оправдания И.В. Сталина, который происходил в годы застоя, она могла узнать из сообщений советской прессы. Многое могло видеться через годы совсем по-иному, чем тогда, когда она выехала из СССР. А избранный Генеральным секретарем ЦК КПСС и Председателем Президиума Верховного Совета СССР К.У. Черненко к Сталину и его окружению питал, судя по всему, определенные симпатии. Процесс постепенной реабилитации Сталина и сталинщины, конечно же, повлиял на ее решение

вернуться в СССР. Но поднявшаяся после ухода из жизни К.У. Черненко новая волна разоблачений культа личности Сталина и преступлений сталинизма могла ее сильно встревожить, вернуть к переживаниям и страхам 1953 года. Не поняв многого из грядущих перемен, которые ее пугали, она могла и по этой причине принять решение вновь уехать за рубеж. Таким образом, ее жалобы на своих близких в официальные органы, наверное, можно было бы объяснить ее желанием оградить их от возможных, по ее мнению, последствий и преследований за связь с ней.

После выезда из СССР она снова поселилась в Англии.

Жизнь наградила ее во многом драматической судьбой. Так уж устроен мир, что детям часто приходится расплачиваться за своих родителей. Ее отец оставил ей в наследство суровое и очень противоречивое отношение к ней окружающих. Чтобы все это вынести, надо обладать очень сильными чертами характера. Светлана же, как женщина, как впечатлительный человек, к тому же с травмированной психикой, вынести этот тяжелый груз не смогла.

ВНУКИ СТАЛИНА

При жизни И.В. Сталин был дедом восьмерых внуков, а последняя его внучка, Ольга Питерс, родилась в Америке почти через 18 лет после его смерти. Отношение к своим внукам у Сталина было диаметрально противоположным — от любви к одним до полного равнодушия к другим.

И судьбы его внуков различны: и счастливые, и трагичные. Отношение потомков к своему деду так же неоднозначно, как и оценки его деятельности.

"Я хорошо знал в быту Сталина, — рассказывает бывший нарком в правительстве И.В. Сталина Семен Захарович Гинзбург. — Много раз встречался с ним дома у Кирова, у Орджоникидзе, да и на даче самого "хозяина"... Он был антиподом Ленина в политике, очень жестоким отцом и еще более жестоким дедом. Его дети никогда его не занимали.

Я хорошо помню Якова по работе на ЗИСе. Это был прекрасный молодой человек. То, что Сталин сделал по отношению к его первой и второй женам, — бесчеловечно. Когда Светлана Аллилуева пишет о любви Сталина к внучке Галине, то здесь неправда. Я, неоднократно видевший его отношение к ней, опровергаю это ее утверждение.

Он не уделял должного внимания Василию, хотя и больше любил его, чем Якова. В 1942 году у меня произошел с ним

конфликт. Василий, будучи начальником инспекции у Главкома ВВС Новикова, повел себя по отношению ко мне бестактно. Отец на мое письмо к нему отреагировал очень правильно, наказав сына и заставил извиниться передо мной.

От детей Василия Сталин был еще дальше, чем от детей Якова.

Грубо он вел себя не раз на моих глазах и по отношению к Светлане, любимой дочери. Но любовь его к ней и ее детям тоже была очень жестокой. Его занимал только он сам. Другие его не интересовали ни в политике, ни дома. Это был монарх, самодержец. Сделав несчастными миллионы людей, он сделал несчастными и своих близких".

Яков Джугашвили, старший сын Сталина от первого брака с Екатериной Сванидзе, был женат дважды, но имел трех детей от трех женщин. В первый раз он женился на своей бывшей однокласснице Зине, причем его не остановило даже то, что она была дочерью священника, что в то время не поощрялось. На этой почве у него состоялся конфликт с отцом, едва не закончившийся смертью Якова при попытке самоубийства. После этого Яков уехал в Ленинград к родственникам по линии Аллилуевых, где у него родилась дочь Лена, умершая в младенческом возрасте. Этот брак был непродолжительным и вскоре, после смерти дочери, распался.

Через некоторое время в Урюпинске, в квартире родственников второй жены И.В. Сталина, Надежды Сергеевны Аллилуевой, состоялось его знакомство с Ольгой Голышевой, от которой у него остался сын, сегодня единственный из сталинских потомков кадровый военный, о чем так мечтал И.В. Сталин.

Разница в возрасте у молодых людей была совсем небольшой. Яков — 1908 года рождения, а Ольга — 1909-го.

Была ли это большая взаимная любовь, нет ли — сказать трудно. Но отношения были продолжены в Москве. Рожать Ольга Голышева уехала в Урюпинск, в родительский дом. 10 января 1936 года она родила сына Евгения, а 11 января в книге регистрации новорожденных бюро ЗАГС г. Урюпинска Сталинградской области появилась актовая запись № 49. Имя новорожденного — Джугашвили Евгений. Отец — Джугашвили Яков Иосифович, грузин, студент, мать — Голышева Ольга Павловна, русская, техник.

Малыш рос бойким, смышленым. Через год он уже вовсю бегал по двору, похожий на шустрого цыганенка, и без конца повторял свое ребячье "та-та-та-та". За эту скороговорку мать и ее сестра Надежда Павловна, которая большей частью воспитывала малыша, в шутку прозвали его Татком.

Вскоре Ольга снова уехала в столицу, оставив ребенка на попечение родителей. Здесь он и рос, пошел в школу. Отно-

шения у Якова с Ольгой не складывались. И через некоторое время они расстались. В 1939 году Яков женился на танцовщице Юлии Мельцер, и у них родилась дочь Галина.

К Юлии Мельцер и их дочери Гале Яков Джугашвили относился с большой любовью. Об этом свидетельствует вот это письмо к ним, направленное 26 июня 1941 года из района Вязьмы, где он старается успокоить жену и не говорит о тяготах военного времени:

"Дорогая Юля!

Все обстоит хорошо. Путешествие довольно интересное. Единственное, что меня беспокоит, — это твое здоровье. Береги Галку и себя, скажи ей, что папе Яше хорошо. При первом удобном случае напишу более пространное письмо. Обо мне не беспокойся, я устроился прекрасно. Завтра или послезавтра сообщу тебе точный адрес и попрошу прислать мне часы с секундомером и перочинный нож.

Целую крепко Галю, Юлю, отца, Светлану, Васю.

Передай привет всем. Еще раз крепко обнимаю тебя и прошу не беспокоиться обо мне. Привет В. Ивановне и Лидочке.

С Сапегиным все обстоит благополучно.

Весь твой Яша".

Судьба Юлии Мельцер, матери дочери Якова, далеко не безоблачная, хотя она в это время жила в семье И. Сталина. После того, как И. Сталину стали известны некоторые сведения о пленении Якова, у него возникло подозрение в предательстве. Сталин стал подозревать и жену Якова, которая вскоре была арестована, позже реабилитирована.

Сегодня Галина Яковлевна Джугашвили кандидат филологических наук. Она воспитывает сына, живет в Москве.

Однако вернемся к судьбе Евгения Джугашвили.

Ольга Голышева, его мать, была на фронте, а после победы работала в ведомстве Василия Сталина инкассатором при финчасти. Василий в то время командовал военно-воздушными силами Московского округа. Ольга жила у своей тетки, поддерживала самые тесные отношения с сестрой жены Сталина — Анной Сергеевной Аллилуевой. Умерла Ольга Голышева сорока восьми лет от роду в 1957 году. Похоронена в Москве на Головинском кладбище.

Анна Сергеевна Аллилуева пришла на похороны и подарила Евгению Яковлевичу книгу своего отца "Пройденный путь", где сделала такую надпись: "Дарю на память Жене Джугашвили, сыну Яши Джугашвили-Сталина, книгу воспоминаний моего отца Сергея Яковлевича Аллилуева "Пройденный путь". Сергей Яковлевич Аллилуев любил Яшу, жил с ним в Петрограде-Ленинграде, а также за городом в Зубалове. О его сыне Жене он знал через Яшу и Эгнаташвили Александра Яковлевича. А так-

же он и я, Анна — его дочь, знали о Жене через урюпинских родственников Аллилуевых: Матрены Федоровны Аллилуевой, Августины Михайловны Дутовой-Аллилуевой, Маи — ее дочери, и Ирины — дочери Серафима Аллилуева. Через Васиных детей — Сашу и Надю.

В данный момент я познакомилась с ним по печальной причине, по случаю смерти его матери, с которой я виделась при жизни несколько раз. Скорблю о ее безвременной смерти.

С соболезнованием к ее сыну Жене — А.С. Аллилуева.

Яша также мне говорил, что у него есть сын, который проживает по соседству с моими и папиными родственниками в городе Урюпинске. Желаю ему удачи в жизни, счастливой и благородной жизни и деятельности, а также хорошей семейной жизни, чего, к сожалению, не имела его мать".

До последнего времени о Евгении Джугашвили, как о внуке И. Сталина, было мало что известно. 24 ноября 1986 года журнал "Шпигель" написал: "После смерти ближайшего соратника Сталина, бывшего 10 лет премьер-министром и 13 лет министром иностранных дел СССР (В.М. Молотов. — А.К.) родилась сенсация — Московское агентство печати "Новости" (АПН) распространило в предыдущую среду фотографию прощания у гроба на московском Новодевичьем кладбище с подписью "Полковник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР". На фотографии офицер Евгений Яковлевич Джугашвили, сын сына Сталина, Якова, погибшего в немецком лагере для военнопленных. До кончины Молотова этот внук диктатора никогда публично не представлялся. В записках дочери Сталина Светланы, охотницы до писанины, о нем также не упоминалось".

Как действующий офицер Е.Я. Джугашвили действительно упоминался в нашей прессе всего несколько раз, а за рубежом — никогда.

Вот что сказал о нем В.М. Молотов: "Помнится, в Кремле у Сталина я впервые встретился с его сыном, отцом Евгения, Яковом Джугашвили. Это был истинный рыцарь. Вглядитесь в Евгения, еще одного отпрыска Джугашвили, он, как вылитый, похож на своих предков. Те, кто встречался и беседовал со Сталиным, обязательно заметит их сходство, и не только внешнее, но и в манере ходить, вообще в поведении, характере. Я рад, что Евгений часто навещает меня, привозит своих сыновей Виссариона и Якова Джугашвили. Встречи с ними продлевают мне жизнь, придают силы. В Москве живет дочь Якова, Галина. И хотя я не поддерживаю с ней близких отношений, но знаю, что она приятный человек во всех отношениях, крупный ученый. Прекрасно, когда у достойного человека остаются достойные дети.

Я хорошо помню, что в годы войны Сталин, всецело погло-

щенный государственными делами, мог встречаться с близкими не чаще двух раз в год и очень переживал".

Евгений Яковлевич Джугашвили, как я уже говорил, единственный из внуков Сталина, избрал себе профессию военного. В автобиографии он написал: "Я, Джугашвили Евгений Яковлевич, родился 12 января 1936 г. в г. Урюпинске Волгоградской области в семье служащего. По национальности грузин. В 1945 г. переехал в г. Москву, где после окончания 3-го класса 557 средней школы поступил в Калининское Суворовское военное училище. После окончания училища поступил в 1954 г. в Военно-воздушную инженерную академию имени Н.Е. Жуковского в городе Москве. В 1959 г., окончив полный курс названной академии, был направлен для прохождения службы в военное представительство Московского военного округа. В течение ряда лет по работе выезжал на Байконур.

В 1970 г. поступил в адъюнктуру ВПА им. В.И. Ленина. В 1973 г. окончил адъюнктуру, защитил кандидатскую диссертацию и назначен преподавателем в Военно-воздушной академии им. Ю.А. Гагарина, в которой проработал два года. В 1975 г. зачислен слушателем в академию ГШ им. К.Е. Ворошилова на военно-историческое отделение. После окончания отделения с 1976 по 1982 гг. работал в Военной академии бронетанковых войск им. Р.Я. Малиновского в должности преподавателя и старшего преподавателя, получил ученое звание "доцент". С января 1983 г. работаю в академии Генерального штаба ВС СССР имени К.Е. Ворошилова в должности старшего преподавателя на кафедре истории войск и военного искусства.

Женат, имею двух детей. Жена — Нанули Георгиевна Джугашвили (Нозадзе), родилась 8 июня 1939 года в г. Хашури Грузинской ССР в семье рабочего. Грузинка. Окончила Тбилисский Университет. Домохозяйка.

Отец — Джугашвили Яков Иосифович, погиб в годы Великой Отечественной войны в 1943 г. в лагере Заксенхаузен. Награжден посмертно орденом Отечественной войны I степени.

Мать — Голышева Ольга Павловна, участница Великой Отечественной войны, умерла в 1957 г.

Отец жены — Нозадзе Георгий Семенович, родился в 1904 г. в г. Хашури. Член КПСС. Персональный пенсионер союзного значения. Проживает в г. Тбилиси...

Полковник Е. Джугашвили".

Василий Сталин, первый сын Сталина от брака с Надеждой Сергеевной Аллилуевой, женат был официально трижды, а отношения с Капитолиной Васильевой зарегистрированы вообще не были, хотя они действительно проживали совместно. Его первой женой была Галина Александровна Бурдонская, которая тогда училась в Полиграфическом институте на редакционно-

издательском факультете. Фамилия ее идет от прапрадеда — француза Бурдоне. Пришел он в Россию вместе с армией Наполеона, был ранен. В Волоколамске женился на русской.

С Василием Иосифовичем Сталиным они поженились в 1940 году. В 1941 году от этого брака родился сын Александр, а через полтора года появилась на свет дочь Надежда.

Первое время молодожены жили на квартире у Сталина в Кремле, в здании бывшей казармы. Обставлена она была старой казенной мебелью с инвентарными номерами. Удобств никаких. С невесткой Сталин никогда не общался. Внуков видеть не желал. Совместная жизнь у Василия с Бурдонской продолжалась всего четыре года. Разорвав отношения, Василий лишил ее права общаться с детьми.

Второй раз Василий женился в 1944 году на Екатерине Семеновне, дочери Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, не расторгнув брака с первой женой. От этого брака у Василия было двое детей. Сын Василий прожил всего 19 лет и трагически погиб, будучи студентом в Тбилиси. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Дочь Светлана живет сейчас в доме на Набережной. Сама Екатерина Семеновна ушла из жизни осенью 1988 года. Вот как ее и третью, незарегистрированную супругу отца, охарактеризовал сын Василия Александр Бурдонский: "У нас появилась мачеха Екатерина Семеновна, дочь маршала Тимошенко, — женщина властная и жесткая. Мы, чужие дети, раздражали ее, видимо. Пожалуй, этот период жизни был самым трудным. Нам не хватало не только тепла, но и элементарной заботы. Кормить забывали по три-четыре дня, одних запирали в комнате.

Помню такой эпизод. Жили зимой на даче. Ночь, темень. Мы с сестрой тихонько спускаемся со второго этажа, идем во двор, в погреб за сырой картошкой и морковкой. Поварихе Исаевне здорово попадало, когда она нам что-нибудь приносила.

А потом у отца появилась третья жена — Капитолина Георгиевна Васильева, известная в то время пловчиха. Я ее вспоминаю с благодарностью, да и теперь мы поддерживаем связи. Она была единственной в то время, кто по-человечески пытался помочь отцу.

Сегодня сын Василия Александр Бурдонский — режиссер Центрального академического театра Советской Армии, заслуженный деятель искусств РСФСР, в театре работает уже почти семнадцать лет, закончив режиссерский факультет ГИТИСа. Он поставил здесь немало пьес: "Вассу Железнову" Горького, "Снеги пали" Феденеева, "Орфей спустился" Уильямса, "Последний пылко влюбленный" Саймона, "Даму с камелиями" Дюма и др. Не так давно в интервью телевизионной программе "Взгляд" и корреспонденту газеты "Вечерняя Моск-

ва", вскоре после постановки пьесы "Мандат" на вопрос:

— Почему вы выбрали для постановки именно эту пьесу?

Александр Васильевич ответил:

— Потому что драма Николая Робертовича Эрдмана "Мандат", написанная в 20-е годы, и сегодня не потеряла своей актуальности. Рожденная совсем молодым драматургом, она заключает в себе дар предвидения. В свое время была поставлена Мейерхольдом. Эта пьеса о людях, которые, по словам автора, "при любом режиме хотят быть бессмертными"; о зловещей повторяемости, "непотопляемости" такого явления, как духовное мещанство. Оно-то и является питательной средой для процветания бюрократии, возникновения вождизма, культа личности — чудовищного сплава революционных и монархических идей.

На главную тему "работает" и оформление спектакля: на переднем плане на фоне Кремлевской стены установлен манекен в хорошо узнаваемой фуражке, из чрева которого появляются все персонажи... Впрочем, мне трудно говорить об этом. Находятся люди, которые мои взгляды на сталинизм считают желанием откреститься от своего деда.

— А вы хорошо его помните, часто ли встречались?

— Я никогда его близко не видел, только на парадах с гостевой трибуны. Сталин внуками не интересовался, да, пожалуй, и детьми тоже. Так что имя Сталина у меня не ассоциируется с общепринятым семейным понятием "дедушка". Бесплотный символ, недосягаемый и недоступный. Доминирующим было чувство страха, связанного с именем деда. Оно рождалось из множества мелочей, обрывков фраз, разговоров в семье, в самой атмосфере, на которую влиял характер Сталина — замкнутый, властный, не знающий милосердия.

— Что же случилось?

— Совместная жизнь у родителей не сложилась. Мне было четыре года, когда мама от отца ушла. Детей ей взять с собой не позволили. Нас разлучили на восемь лет.

— В вашем семейном альбоме я обратила внимание на одну любопытную фотографию. Девочка Галя Бурдонская в белых шортиках, улыбающаяся, стоит рядом с папой, а за спиной — огромный портрет Сталина с надписью: "Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!"

— Мама, разлученная с детьми, металась в поисках выхода, но наталкивалась на стену. Однажды ей удалось тайком встретиться со мной. Это было, когда я учился в 59-й школе в Староконюшенном переулке. Незнакомая женщина подошла на перемене, сказала, что в подъезде соседнего дома ждет мама. Видимо, кто-то передал отцу, и меня сразу отправили в суворовское училище. Думаю, еще одной причиной такого решения был мой характер, слишком мягкий, на взгляд отца.

Мама в это время бедствовала, пытаясь устроиться на работу. Но как только в отделе кадров видели паспорт со штампом о регистрации брака с Василием Сталиным, отказывали под любым предлогом. Помог случай. Узнала ее историю домоуправ, женщина грубоватая, курящая и матерщинница. Совершила она по тем временам смелый поступок — сожгла мамин паспорт в печке и похлопотала о новом, уже без штампа.

Когда умер Сталин, мама послала письмо Берии с просьбой вернуть детей. Слава богу, что оно не успело найти адресата — его арестовали. Иначе могло это кончиться плохо. Написала Ворошилову, и только после этого нас вернули маме. Мы и сейчас живем вместе — я и мама.

У сестры Надежды своя семья. Иногда спрашивают: почему люблю ставить спектакли о нелегких женских судьбах? Из-за мамы.

— Как вы относитесь к отцу теперь, с высоты своего жизненного опыта?

— Не забыл ничего. Но не могу быть ему судьей. Иногда, размышляя о судьбе отца, думаю, что в его гибели во многом виновато и окружение — льстецы, прихлебатели, собутыльники, внушавшие, что ему все дозволено.

По натуре был он добрым человеком. Любил дома мастерить, слесарить. Близко знавшие говорили о нем: "золотые руки". Был отличным летчиком, смелым, отчаянным. Участвовал в Сталинградском сражении, в битве за Берлин.

Жизнь его окончилась загадочно, трагически. В 1953 году, после смерти Сталина, Василий Иосифович был арестован и просидел в тюрьме восемь лет, сначала в Лефортовской в Москве, потом во Владимире. По указанию Хрущева был освобожден. Хрущев пригласил к себе, принес извинение за несправедливый арест. Отцу вернули звание генерал-лейтенанта, дали квартиру на Фрунзенской набережной. Но затем предложили уехать из Москвы, выбрать для жительства любое место, кроме Москвы и Грузии. Отец выбрал Казань, где служили летчики-однополчане. А вскоре пришла телеграмма с сообщением о смерти. Вместе с Капитолиной Георгиевной и Надей мы ездили его хоронить. Как и от чего отец умер, нам никто объяснить внятно не смог...

— Итак, замкнулась цепь трагических событий в семье, начавшихся самоубийством жены Сталина, вашей бабушки Надежды Сергеевны Аллилуевой.

— Подробно обо всем написала моя тетя Светлана Аллилуева в книге "Двадцать писем к другу".

Сталин не простил жену за то, что она решила уйти из жизни. А в семье осталась о Надежде Сергеевне добрая память, ее любили все.

— Когда состоялся XX съезд, вам было уже пятнадцать лет, вполне сознательный возраст. Стало ли откровением то, о чем говорилось на съезде.

— Пожалуй, нет. Многие мамины подруги сидели в лагерях. Сама она жила под постоянной угрозой ареста. По семь-восемь лет провели в одиночных камерах многие из семьи Аллилуевых. Я знал об этом. И относился ко всему так, как все нормальные люди.

Но для окружающих мы были родственниками Сталина. Замолчал на многие месяцы телефон. Ретивая директриса в школе начала придираться к нам с сестрой по каждому поводу, мы стали персонами нон грата. Пришлось перейти в другую школу.

— А потом — мешало или помогало то, что вы внук Сталина?

— Однажды помогло. А было это так. Учился я актерскому мастерству у Олега Ефремова. Но очень хотел стать режиссером. И Ефремов порекомендовал меня замечательному педагогу, профессору ГИТИСа Марии Осиповне Кнебель. Каким же это было счастьем — встреча с ней, каким подарком судьбы! Она стала для меня наставником, другом, второй матерью. Своей доброй рукой она сняла с меня этот мучивший постоянно комплекс "внука Сталина". Я потом нашел книгу "Поэзия педагогики" М. Кнебель. Она так писала о своем ученике Саше Бурдонском: "Придя в ГИТИС, он был очень зажатым, неуверенным в себе... Боялся обидеть кого-то. Но все же, ломая свою робость, всегда выступал правдиво, искренне... Как из самого робкого студента первого курса формируется человек, которому весь курс соглашается подчиняться? Тут решает многое — и способности, и человеческие качества. И чуткость, и манера общения, и выдержка, и воля".

Мария Осиповна потом рассказывала, о чем думала при первой нашей встрече: "Вот сидит передо мной потомок страшного человека, причинившего мне много боли, репрессировавший брата. И у меня в руках его судьба. Так что же, отомстить ему? Но он-то в чем виноват, такой худенький, беззащитный? И захотелось приласкать, погладить, защитить". У этой маленькой женщины было большое сердце.

К сожалению, так думают не все. Иной у афиши гадает: что я хотел сказать тем или иным спектаклем? Против кого и в чью защиту?..

Все пережитое в прошлом? Нет. И от комплекса, пожалуй, не избавился до конца. В "Годах странствий" Арбузова, где я играл в ГИТИСе Ведерникова, он спрашивает у сержанта: "Куда уходят все дни?" А тот отвечает: "А куда им уходить, они все с нами..."

Думаю, что театр может многое изменить в жизни, помогает

человеку узнать самого себя, бороться против насилия, физического и нравственного. Что касается всего, что мы сегодня называем сталинизмом и феноменом Сталина, то надо разобраться в этом явлении как художнику, не беря на себя роль судьи.

Мечтаю ставить классику. Она касается вечных тем, исследует глубины человеческой души, проблемы власти.

Люблю актеров своего театра, особенно Людмилу Касаткину, Владимира Зельдина, Нину Сазонову, своих молодых друзей. Выбирая пьесы, хотелось бы учесть и их интересы, этим сейчас живу. Ведь мой родной дом — в театре".

С его ответами в опубликованном интервью многие близко его знающие не могут согласиться. Приведу отрывок из моей беседы с Е.Я. Джугашвили:

— Евгений Яковлевич, недавно в телевизионной передаче "Взгляд" и газете "Вечерняя Москва" сын Василия Сталина — Александр Бурдонский заявил, что при жизни И.В. Сталина он постоянно ощущал страх, а когда умер его грозный дед, почувствовал "облегчение" и не плакал, потому что не любил Сталина.

— В 1953 году я и Саша находились в Калининском суворовском военном училище. В выпускном и начальном классах соответственно. Мне было семнадцать лет, ему — одиннадцать. В слезах были все — и командование училища, и преподаватели, и все мы, воспитанники, как и весь советский народ. Поэтому мне было странно услышать такое его заявление. Что касается его "облегчения", то трудно поверить, чтобы мальчик в одиннадцать лет так тонко и так по-современному понимал и тем более осуждал деятельность И.В. Сталина.

В Москве живет дочь Василия — Надежда Васильевна Сталина. После окончания средней школы она поступила в театральное училище, но не окончила его. Переехала в Грузию, в Гори. Получила там квартиру. После третьего курса оставила институт и вернулась в Москву. Вышла замуж за сына писателя Фадеева. Имеет тринадцатилетнюю дочь. Очень дорожит своей семьей. Как и отец, любит животных, особенно собак. Может, встретив брошенную на улице бездомную собаку, взять себе в дом. Невысокого роста, худощавая. Считает, что о многих преступлениях, свершившихся в период культа личности, ее дед Сталин не знал, что во многом виновато окружение, прежде всего Л.П. Берия.

В журнале "Огонек", № 22 за 1988 год была опубликована статья об ее отце Василии Сталине, написанная Л. Уваровой, якобы бывшей учительницей Василия. Касаясь этой публикации, Надежда Васильевна сказала: "Дозвониться до главного редактора Коротича невозможно. Но если бы удалось, я ему задала бы вот эти риторические вопросы:

1. В каком году пришла в школу на работу Уварова? Из публикации следует, что в 1938-м или 1939 г.

Отвечаю: в мае 1938 г. отца в школе уже не было, а в сентябре он был в училище.

2. С каких пор отец был "коренастым мальчиком"?

Он был щуплого телосложения. Странно, что она описывает так. В 1938 году он был семнадцатилетним юношей, как и Уварова девятнадцатилетней девушкой.

3. Как понять вот эти утверждения, что у отца были надменные очертания губ, хмурые, сдвинутые к переносице брови, взгляд тусклый, нижние веки приподняты?

У отца до конца его дней губы были по-детски припухлыми. Брови никогда не сходились к переносице, а что касается выражения глаз, то они были очень живыми, задорными, немного со смешинкой.

4. Как можно так спутать цвет глаз и волос?

Глаза были не зеленоватые, а по-настоящему карие, волосы не рыжеватые, а медно-красные.

5. Можно ли спутать округлый подбородок с совершенно противоположным, а открытый высокий лоб со срезанным?"

Совсем недавно, 20 сентября 1989 года, я получил письмо от бывшего одноклассника Василия Сталина — В.С. Алешина, который пишет: "В живых из нашего класса остались двое: я и Н.П. Ступин, который сидел с Василием за одной партой. Мы ответственно заявляем, что статья Л. Уваровой является сплошным вымыслом. Что может написать Уварова, если она нас никогда не видела? Она не была нашей преподавательницей.

После окончания какого-то техникума иностранных языков, как она пишет, преподавать в нашей школе она не могла — это абсурд. В 1938 году в школе были подобраны самые лучшие учителя со всей Москвы, многие из них преподавали раньше в гимназиях, каждый был личностью. И вспоминаем мы их с глубоким уважением...

После появления статьи в "Огоньке" наш бывший военрук Е.И. Левит пригласил Уварову для беседы. Она признала неправомерность своей публикации. И мы не предавали гласности свое опровержение ее измышлений до тех пор, пока она не объявила, что теперь уже издает книгу о Василие Сталине.

Поскольку, как признала сама Уварова в разговоре с Е.И. Левитом, в школе, где учился Василий, она работала позже и вся ее информация построена на слухах, нас возмущает подготовка к публикации такой книги..."

Как видим, мифы иногда появляются и таким, вполне официальным путем.

Надежда Васильевна осуждает отъезд из СССР С. Аллилуевой, считает слишком мягкохарактерным брата

А. Бурдонского. Она охотно идет на контакты с журналистами, если видит целесообразность и поиски объективности в их труде.

"Появление в печати целого ряда статей о И.В. Сталине и его сыне, — говорит Надежда Васильевна, — очень сильно сказались на моей дочери. Она пережила настоящее потрясение. Были моменты, когда из-за этого она отказывалась ходить в школу. Учителя и школьники все стараются порой переложить на детей тех, о ком говорится в печати. Я же считаю, что действительно глубокие, аналитические труды по сталинской проблеме еще впереди. Сейчас мы переживаем больше эмоциональный период, который чаще всего базируется на домыслах, а не на сличении документов времени".

Фамилию Василия — Джугашвили сегодня носят еще трое женщин — дочь К.Г. Васильевой и две дочери Н.И. Джугашвили (урожденной Нусберг), его последней жены, которых он удочерил.

Светлана Аллилуева родила троих детей. Ее старший сын Иосиф известный в стране кардиолог. По свидетельству его отца Г.И. Морозова, после вступления Светланы в брак с Ю.И. Ждановым документы на сына были переоформлены на Иосифа Юрьевича Жданова. И восстановлены были только в середине пятидесятых. Первый брак его не удался. От этой семьи у него сын. Второй семьей доволен. Имеет ученую степень доктора медицинских наук. Пользуется авторитетом среди своих коллег на работе. Многие больные его боготворят. Воспоминания о матери, по его словам, вызывают у него неприятное чувство.

Вот что о нем написала его мать: "Мой сын, наполовину еврей, сын моего первого мужа (с которым мой отец даже так и не пожелал познакомиться) — вызывал его нежную любовь. Я помню, как я страшилась первой встречи отца с моим Оськой. Мальчику было около 3-х лет, он был прехорошенький ребенок — не то грек, не то грузин, с большими глазами в длинных ресницах. Мне казалось неизбежным, что ребенок должен вызвать у деда неприятное чувство, — но я ничего не понимала в логике сердца. Отец растаял, увидев мальчика. Это было в один из его редких приездов после войны в обезлюдевшее, неузнаваемо тихое Зубалово, где жили тогда всего лишь мой сын и две няни — его и моя, уже старая и больная. Я заканчивала последний курс университета и жила в Москве, а мальчик рос под "моей" традиционной сосной и под опекой двух нежных старух. Отец поиграл с ним полчасика, побродил вокруг дома (вернее — обежал вокруг него, потому что ходил он до последнего дня быстрой, легкой походкой) и уехал. Я осталась "переживать" и "переваривать" происшедшее — я была на седьмом небе. При

его лаконичности слова: "Сынок у тебя — хорош! Глаза хорошие у него", — равнялись длинной хвалебной оде в устах другого человека. Я поняла, что плохо понимала жизнь, полную неожиданностей. Отец видел Оську еще раза два — последний раз за четыре месяца до смерти, когда малышу было семь лет и он ходил в школу. "Какие вдумчивые глаза! — сказал отец. — Умный мальчик!" — и опять я была счастлива. Странно, что и Оська запомнил, очевидно, эту последнюю встречу и сохранил в памяти ощущение сердечного контакта, возникшего между ним и дедом. При всей аполитичности его юного ума, типичной для современной молодежи, он должен был ненавидеть все, связанное с "культом личности", весь круг явлений, приписываемых одному человеку, и самого этого человека.

Да, он ненавидит этот круг явлений — но он и не связал его в своей душе с именем своего деда. Портрет деда он поставил на своем письменном столе. Так он стоит вот уже несколько лет. Я не вмешиваюсь в его привязанности и не контролирую его чувств. Детям надо больше доверять. И снова я вижу, что я плохо еще понимаю жизнь, полную неожиданностей..."

Здесь С. Аллилуева забывает добавить, что к этому времени отец ее первого мужа, дед мальчика, почти шесть лет провел в заключении и по этой причине не видел внука, а отец мальчика три года пробыл безработным.

Второй ребенок Светланы, дочь Катя, после невозвращения в СССР матери воспитывалась в доме своей бабушки. Окончила институт. Вулканолог. Имеет дочь. Ее постигла жизненная трагедия — гибель мужа. После этого уехала на Камчатку, где работает до настоящего времени.

Младшая дочь Светланы, Ольга, воспитана матерью также без мужа, как и ее два первых ребенка. А вот как Светлана Аллилуева сама ее охарактеризовала: "Моя дочь жила в Америке одиннадцать лет, ходила в американскую школу и не говорила по-русски. И действительно, когда я привезла ее в Англию, она была типичным американским ребенком. За два года жизни в Англии она выросла и изменилась. Школа, в которую она ходила, это интернациональная школа квакеров, где огромное внимание придавалось тому, чтобы развивать у детей чувство интернационализма. И я должна сказать, что она сделала большой успех в этом направлении. В школе были дети со всех концов земли, всех национальностей, черные, белые, желтые, и она чувствовала себя в гораздо более интернациональной обстановке, ей это очень нравилось, и это сыграло большую роль в ее развитии по сравнению с ее жизнью в Америке. Когда она вырастет, это будет ее дело решать, какую она себе выберет работу и что она захочет делать. Мы никого не принуждаем. Я никого из своих взрослых детей никогда не принуждала делать

то, что я хочу. Но пока она школьница, она будет жить в соответствии с тем, что ее мать считает правильным".

После выезда из СССР Ольга продолжила учебу в Англии. Сегодня эта девятнадцатилетняя девушка вступает в самостоятельную жизнь.

Завершая эту главу, хочу привести последний разговор с Е.Я. Джугашвили:

— Какими благами вы пользовались как внук И.В. Сталина?

— После смерти И.В. Сталина Совет Министров СССР вынес постановление от 14 ноября 1953 года, согласно которому всем внукам И.В. Сталина, а нас тогда было восемь, назначалась персональная пенсия в размере тысячи, в новом исчислении — ста рублей до окончания высшего учебного заведения. Имелось условие, что после десятого класса ученик поступает в институт. Я эту пенсию получал до окончания академии.

Кроме того, один раз в год выдавалась бесплатно путевка в период летних каникул. Первую же путевку мама взяла на Кавказ в город Гагры в санаторий имени Челюскинцев. С тех пор я неизменно ездил отдыхать только на Кавказ, а в 1962 году в Тбилиси встретил свою судьбу — Нану Нозадзе.

Где-то в 60-х годах С. Аллилуева сказала, что ей поручено разделить деньги в сумме 30 000 рублей в старом исчислении со сберкнижки И.В. Сталина, видимо, какой-то гонорар. Она предложила эту сумму разделить на три доли (по числу детей у И.В. Сталина), затем каждая часть делится среди внуков. Часть Василия была разделена между его четырьмя детьми, часть Якова — между двумя. Я получил 5 000 рублей, свою долю — 10 000 рублей — Светлана Аллилуева забрала себе.

— Какие отношения между внуками Сталина, часто ли собираетесь вместе, в чем оказываете друг другу поддержку?

— Мне не хотелось бы отвечать за всех. Я могу на ваш вопрос дать только отрицательный ответ. Каждый живет и трудится самостоятельно, и никто не испытывает желания собираться вместе. У меня лично сложились добрые отношения только с Иосифом Аллилуевым, которого рад поздравить с защитой докторской диссертации.

— Чем можно объяснить такую отчужденность друг от друга?

— На мой взгляд, внуки Сталина в этом вопросе получили дурное наследство. Василий и Светлана, как известно, не испытывали друг к другу родственных чувств. То, что их объединяло, — еще больше разделяло. Я сам был свидетелем нецензурной брани Василия по поводу своей сестры. Что касается Светланы — то это сущий демон в монашеской сутане...

* * *

Время — суровый судья. И только оно вносит окончательный приговор эпохе и тем, кто стоял у вершины власти. И.В. Сталин как раз та фигура, которая является и олицетворением власти, и ее лидером. Время его правления стало уже историей, болезненной и трагической, вдохновенной и устремленной вперед.

Обращаясь сегодня к судьбе его семьи, мы стремимся глубже проникнуть в события времени, понять их во всем противоречии, такими, какие они были. Никому уже не дано повернуть колесо истории по-другому, как никому не под силу перечеркнуть эту страницу в многовековой истории нашей многострадальной Родины.

Семья Сталина несет на себе печать противоречий и трагедий своего времени. Самому Сталину не дано было стать счастливым главой семейства. Обе его жены очень рано ушли из жизни, по-разному, не сумев себя совместить с ним. Его старший сын, обделенный в жизни материнской лаской, не всегда понимаемый отцом, отторгнутый им с суровым клеймом изменника Родины и разделивший страшную судьбу миллионов соотечественников в плену, через десятилетия вернулся к нам из небытия олицетворением мужества и стойкости, оставаясь сыном своей земли, своего Отечества. Казалось бы, перед Василием Сталиным были открыты все двери, любые его добрые помыслы могли без труда воплотиться в жизнь. Но слабость характера, питаемая льстецами мания собственного могущества, тень отца и, более всего, его окружение так накрыли его, что, выйдя через восемь лет из тюрьмы, он уже не смог найти свое место в жизни.

Любимой дочери Сталина, Светлане, было дано получить прекрасное образование, стать матерью, но она не нашла счастья на Родине, несмотря на попытку вернуться. За рубежом были впервые опубликованы ее произведения, там ей суждено было в третий раз стать матерью.

В 1989 году из СССР были отправлены в США те ее вещи, которые когда-то она оставила дома, вероятно, надеясь вернуться. Думается, теперь уже ее судьба определилась бесповоротно, хотя, конечно, могут еще быть непредвиденные зигзаги.

Живущим сегодня внукам Сталина дана реальная возможность участвовать в революционных событиях, открытых перестройкой. Нам же без досужих домыслов и сплетен, на основе документов следует разобраться в нашем прошлом, без изучения которого вряд ли возможно более счастливое будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

стр. 19
* Правописание, стилистика и сокращеиия в документах сохранеиы в соответствии с подлиииииками.

стр. 47
* По свидетельству дочери Молотова, оиа была единствеиным ребенком в семье.

стр. 57
* Здесь и далее сохранеиа пунктуация и орфография подлинников.

стр. 60
* Документ дается в сокращении.

стр. 80
* Г.И. Морозов – сейчас известный ученый, профессор, доктор юридических наук, лауреат Лениниской премии.

стр. 81

* Ю.А. Жданов – впоследствии профессор, заведовал отделом иауки ЦК КПСС, позже – ректор Ростовского университета.

стр. 86
* Ответ дан в сокращении.

стр. 91
* ЦРУ.

СОДЕРЖАНИЕ

Мифы и правда о семье Сталина 3
Жена Сталина 29
Старший сын 40
Василий 55
Светлана 77
Внуки Сталина 97

Александр Николаевич Колесник

МИФЫ И ПРАВДА О СЕМЬЕ СТАЛИНА

Редактор **В. Суров**
Художник **В. Белоусов**
Технический редактор **Т. Шельдова**

Подписано в печать 10.10.90. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 7. Усл. кр.-отт. 7,5. Уч.-изд. л. 8,25. Тираж 100 000 экз. Цена 6 руб. Заказ 3964.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства «Горьковская правда». 603006, г. Нижний Новгород, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.

6 руб.